

Михаил Дигилов

ВЛАДИМИР МОРДЕХАЙ ВОЛЬФ ХАВКИН
ЗАБЫТЫЙ СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

MICHAEL DIGILOV

WALDEMAR MORDECHAI-WOLFF

HAFFKINE

FORGOTTEN RESCUER
OF HUMANITY

Для заказа книги и скачивания
электронной версии

Order the book or download a digital copy

OROT YERUSHALAIM / DERECH ZION

JERUSALEM

2023

МИХАИЛ ДИГИЛОВ

ВЛАДИМИР МОРДЕХАЙ-ВОЛЬФ

ХАВКИН

ЗАБЫТЫЙ СПАСИТЕЛЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ОРОТ ИЕРУШАЛАИМ / ДЕРЕХ ЦИОН

ИЕРУСАЛИМ

2023

Michael Digilov.

Waldemar Mordechai-Wolff Haffkine.

Forgotten Rescuer of Humanity. —

Jerusalem, Orot Yerushalaim / Derech zion, 2023. — 196 p.

Михаил Дигилов.

Владимир Мордехай-Вольф Хавкин.

Забытый спаситель человечества. —

Иерусалим, Орот Иерушалаим / Дерех Цион, 2023 г. — 196 стр.

ISBN: 978-1-949900-16-3

© Copyright 2023 Michael Digilov

В книге использованы фотографии из архива Хавкина при библиотеке Иерусалимского университета

No part of this book may be reproduced in any form without written permission from copyright holder

DERECH ZION

HaKinor 24/2 Ma'ale Adumim 9837117 Israel

Tel. +972-54-8080981

contact@derechzion.org

OROT YERUSHALAIM

POB 95164, Newton, MA 02495 USA

Tel. +1-617-332-0864

orot.yerushalaim.usa@gmail.com

www.orot-yerushalaim.org

Graphic Design: Galina Bleikh, Vadim Akopyan

Cover: Michael Leypounskiy

Editor: Bella Hoffman

Верстка: Галина Блейх, Вадим Акопян

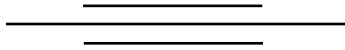
Обложка: Михаил Лейпунский

Редактор: Бэлла Хоффман

Посвящается возвышению души
**Юзефа Самуиловича
Дигилова**

дети всегда были самым главным для него

Dedicated to the elevation of the soul of
Yuzef ben Shmuel Digilov

Children have always been of great importance for him.

ОТ АВТОРА

За всю историю человечества наибольшее количество людей погибли вовсе не от войн, а от страшных эпидемий – в основном, от чумы, холеры и оспы. От них вымирали города, целые страны и даже континенты, и этот ужас убивал людей не только в древности, но еще и совсем недавно – в XIX и начале XX веков. Даже и в наше время COVID-19, хотя, разумеется, он не сравним по тяжести с чумой и холерой, унес жизни нескольких миллионов людей. Соответственно, наибольшее число людей, сотни миллионов, были спасены и продолжают спасаться не политиками, не героями или просто самоотверженными добрыми людьми (при всем к ним глубочайшем уважении!) – а учеными, разработавшими вакцины от этих смертоносных болезней.

Однажды я прочел поразившую меня историю про Владимира Ароновича Хавкина, русского еврея, великого человека и отважного ученого, который не только создал вакцины от холеры и чумы и наладил их производство – но даже и испытал эти вакцины на себе. А потом безвозмездно передал технологию их производства всему человечеству.

Своими вакцинами Хавкин спас огромное количество людей – может быть больше любого другого человека в мире. Но оказалось, что сегодня он почти никому не известен. Это было настолько несправедливо и обидно, что я решил написать книгу, чтобы как можно больше людей узнали об этом невероятном человеке. По жизни я занимаюсь совсем другими вещами – работаю в области физики и развиваю наукоемкий бизнес, но решил, что увековечить память о Хавкине очень важно. Я посвятил много времени изучению архивов в поиске подробных сведений о нем, и в результате узнал, что Хавкин был еще более замечательным человеком, чем я думал вначале.

Довольно многие знают имена создателей вакцин от оспы, от бешенства, от стафилококка, от сифилиса – но не знают про изобретателя вакцин от самых смертоносных болезней, чумы и холеры. А ведь сам знаменитый Джозеф Листер, создатель хирургической антисептики, называл Владимира Хавкина спасителем человечества!

Подавляющее большинство людей, к сожалению, даже не слышали о Хавкине, хотя история его жизни, помимо великих на-

учных открытий, сама по себе затмевает сюжеты любого фильма или приключенческого романа. Думаю, что Голливуд когда-нибудь и поставит такой фильм, и его кассовые сборы будут огромны. В молодости (в Одессе) Хавкин был революционером-народником, затем ученым, эмигрировал из России в Швейцарию, а потом во Францию, прожил невероятные 20 лет в Британской Индии, совершил кругосветное путешествие, служил английскому правительству в загадочном (до сих пор засекреченном) проекте во время Первой мировой войны. Затем вернулся к иудаизму, религии своего народа, стал меценатом, а созданный им фонд в швейцарском банке для поддержки восточноевропейских иешив пережил Вторую мировую войну и действует до настоящего времени.

И что интересно – на протяжении всей жизни Хавкин вел дневник, и большая его часть, а также другие документы и фотографии, были им завещаны в архив при библиотеке Иерусалимского университета. При написании этой книги я пользовался материалами этого архива. Отмечу, что архив Хавкина прочитан еще далеко не полностью и ждет своих исследователей в будущем.

Итак, дорогой мой читатель, у вас в руках книга об интересном, удивительном и во многом загадочном человеке. Я уверен, что прочитав ее, вы отдадите должное человеку, перед которым человечество всегда будет в неоплатном долгу. Спасшие наибольшее число людей – это лучшие люди в истории цивилизации.

Я выражаю глубокую благодарность сотрудникам архива Хавкина за возможность работать в их хранилище, и за полученные фотографии, размещенные в данной книге.

Глубокая благодарность д-ру Пинхасу Полонскому за неоценимую помощь в подготовке и публикации этой книги.

Благодарность моей жене Рине за подготовку рукописи, и моим сыновьям Артему и Яну-Шмуэлю за помощь в работе с файлами и фотоматериалами.

Михаил Дигилов
*профессор физики,
Хьюстон, Техас
июль 2023*

AUTHOR'S NOTE

In the history of humanity the majority of people died not from war or violence but from terrible epidemics including plague, cholera and smallpox. Cities, countries and even large populations of entire continents were wiped out by disease, not only in antiquity, but also quite recently in the 19th and early 20th centuries. Even in our time, COVID-19 has claimed the lives of several million people. While this is a major catastrophe, it is dwarfed in scope to the millions who perished from plague and cholera. While scores of lives were lost, hundreds of millions of people were saved and continue to be saved not by politicians, not by heroes or simply selfless good people (with all the deepest respect for them!), but by the scientists who developed vaccines against these deadly diseases.

Long time ago, I came across the story of Vladimir Mordechai Haffkine. Haffkine, a Russian Jew, was a great man and scientist. His life's work was dedicated to the creation and manufacturing of the vaccines against cholera and plague. His devotion went so far as to test these vaccines on himself. After determining the vaccine was safe and effective, he bequeathed them to all mankind.

The names of the creators of vaccines against smallpox, rabies, staphylococcus, and syphilis are widely known. However, the name of the inventor of vaccines against two of the most deadly diseases the world has ever experienced – plague and cholera – has been forgotten. Ironically, in the early 20th century, Joseph Lister, famous inventor of surgical antiseptics, described Vladimir Haffkine as “the savior of humankind”!

With his vaccines, Haffkine saved many millions of people, perhaps more than any other individual in the world. Despite this, he is virtually unknown today. I found this so unfair and, indeed, insulting that I decided to write a book so that as many people as possible would know about this incredible man. In my personal life, I am the furthest thing from a writer. I work in the field of semiconductors physics and developed a science-intensive business but I decided that it is very important to share Haffkine's story. I devoted much time to researching his life and work. In the end, based on my findings I must say that Haffkine was an even more wonderful person than I first thought.

Haffkine's life story rivals the plot of any action movie or adventure novel. No doubt Hollywood will someday produce such a film. As a young man in Odessa, Ukraine Haffkine was a populist revolutionary and emerging scientist, later moving to Switzerland and then to France. For 20 years he lived in British India, also traveling around the world and serving the British government in a mysterious and still classified operation during the First World War. Later in life he returned to Judaism, the religion of his people, and became a philanthropist. The fund he created in a Swiss bank to support Eastern European yeshivas survived the Second World War and is still active today.

Throughout his life, Haffkine kept a diary. Most of this record as well as other personal documents and photographs were donated to the archives of the Hebrew University of Jerusalem. In writing this book, I used materials from this archive. Yet, the Haffkine's archive has not been fully explored and is waiting for its future researchers. So, my dear reader, you hold in your hands a book about an interesting, important, and mysterious person. My hope is that by reading this book you will learn about the man who saved an incredible number of people and honor his memory. We all owe him respect and recognition.

I express my deep gratitude to the staff of the Hebrew University of Jerusalem archives for the opportunity to work in their repository and for their permission to reproduce archival photographs in this book.

I express my deep gratitude to Dr. Pinchas Polonsky for his invaluable assistance in the preparation and publication of this book.

My heartfelt thanks and acknowledgement to my wife Rina and my sons Artyom and Yan-Shmuel for their help during the research and writing of this book.

Dr. Mikhail Digilov,
Professor of Physics
Houston, Texas
July, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Самый лучший и самый неизвестный человек на земле	13
Что страшнее атомной бомбы?	14
Четыре жизни Владимира Хавкина	22
Глава 2. Начало пути	25
Имя и национальная самоидентификация	25
Семья и место рождения	26
Детство и юность	29
Одесский университет	31
Народоволец	32
Молодой кандидат наук	35
Глава 3. Женева	38
Париж, институт Пастера	39
Глава 4. Эпидемия начинается	41
Опыты со смертью	44
Успех?	45
Лондон. Сборы в Индию	48
Глава 5. Холера в Индии	50
Неожиданная встреча в Адене	50
Холера: лицо смерти	51
Задача гигантская и опасная	52
Первая экспедиция в Бенгалию	53
По Индии	55
Гонения и признание	56
Европа. Дело Дрейфуса	59
Возвращение в Индию	61
Тюремный эксперимент	61

Глава 6. Чума	64
Черная смерть в Бомбее	64
Вакцина готова	66
Тюремный эксперимент №2	67
Чума распространяется в Индии	68
Начало вакцинации	70
Массовая вакцинация в Индии	72
Чума в России	72
Победа?	73
Торжественная церемония в Бомбее	76
Возвращение к истокам	77
Лаборатория расширяется	78
Глава 7. Новое дело Дрейфуса	79
Детективная история с девятнадцатью трупами	79
Пресса требует крови	81
Следствие	83
Защита Росса	85
Правительство торгуется	89
Назад в Индию	90
Приближение к еврейству	91
Глава 8. Кругосветное путешествие	95
В дорогу!	95
Положение еврейства к началу войны	96
Человек за бортом	99
Сельхозкоммун в Америке	100
Евреи в США	102
Угроза ассимиляции	104
Хавкин в Лондоне. Пропавшая рукопись	106
Париж. 1916 год	111
Апология ортодоксального иудаизма	113
Кашрут и современный микроскоп	116
Язык предков как необходимый связующий элемент	118

Значение особой одежды	120
Молодежь и авторитет отцов	121
Приближение современной науки к "Господину Вселенной"	124
Глава 9. Перелом в судьбе еврейства	128
Париж, история и политика	128
Декларация Бальфура	130
Евреи в Первой мировой войне	135
Гражданская война в России	136
Заклание. Резня евреев Проскурова	138
Судьба евреев России	142
Версальский договор	144
Любящие Сион	146
Альянс	148
Приступы болезни, первое завещание	150
Жастин	155
Хавкин в институте Пастера	157
Отношения с сионистами	158
Глава 10. Back in USSR	161
«Back in USSR» или «From Russia with love», точнее – из России с любовью, но любовью странной	161
По Украине	166
Встречи в Москве	170
Сибирь. Наследник?	171
Белоруссия и Польша	173
Глава 11. Последние годы	175
Париж. Разочарование	175
Швейцария, Лозанна	179
Фонд Хавкина жив	183
Смерть. Завещание, поразившее всех	186
Приложения	191

ГЛАВА 1. САМЫЙ ЛУЧШИЙ И САМЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

Если задать вопрос: «Кто самый лучший человек на земле?» (конечно, не считая наших родителей), то многие не смогут на него ответить (я неоднократно проверял).

Но если спросить: «Кто самый худший человек на земле?» – о, здесь сразу скажут: «Гитлер, Сталин, Мао...» – плохих мы знаем. Почему же они самые плохие? Потому что они погубили миллионы людей. Значит, если самый плохой человек – это ответственный за гибель наибольшего числа людей, то по элементарной логике самый хороший человек – тот, кто спас наибольшее количество людей. Это логично и справедливо.

От чего погибло наибольшее количество людей (даже больше, чем от войн)? Конечно, от болезней – от чумы и холеры, погубивших десятки и сотни миллионов, опустошавших города, страны и целые континенты.

То есть тот (или те), кто спас человечество от этих болезней, спас и наибольшее число людей. Поэтому такой человек и есть самый лучший человек на земле. Так кто же он, избавивший человечество от страшных болезней? Кто он, тот, которого великий Джозеф Листер, создатель хирургической антисептики, так и называл: «Спаситель человечества»?

Как ни странно, этого не знают даже ученые и медики. Я спрашивал у врачей в разных странах, у докторов медицины – и ни один не ответил! Знают, кто спас человечество от полиомиелита, от тифа, от бешенства, от сифилиса, – но почти никто не смог назвать мне имя человека, который изобрел вакцину от самых убийственных болезней на земле, чумы и холеры.

Так кто же он, спаситель человечества, которому сам Луи Пастер предлагал поставить уже при жизни памятник из чистого золота?

ЧТО СТРАШНЕЕ АТОМНОЙ БОМБЫ?

Ужасы мировых войн меркнут в сравнении с ужасами эпидемий чумы и холеры.

Немногое количество слов в любом языке способно вызвать столько ужаса, как эти слова – «чума» и «холера». Интересно, что

Илл. 1. Чума в Египте. Жерар Одран, гравюра 1666 г.

Илл. 2. Чума в Ашдод. Никола Пуссен, картина 1630–31 гг.

по-английски «чума» – «plague», что означает «наказание». А «десять египетских казней» обычно переводятся как «10 Plagues» – «десять чум».

Конечно, не существует точных цифр ни по численности населения в древности и в Средние века, ни по смертности от чумы и холеры. Но имеется множество количественных оценок и свидетельств современников, касающихся отдельных районов, городов и стран, позволяющих оценить число жертв этих болезней. Эти данные ужасают и потрясают.

Например, Кембриджская энциклопедия всемирной истории болезней сообщает, что только от чумы с 1331 по 1351 гг. погибли от 75 до 200 миллионов человек – т.е. 30-50% населения Европы и Ближнего Востока! По данным Кембриджской энциклопедии палеонтологии доля умершего населения составляла 25% всего мирового(!) населения, включая треть населения Европы. Депопуляция Англии составляла 30-50%, 2/3 населения умерли в Норвегии и Исландии, до 3/4 – в Париже и Венеции. Авторы работ по

эпидемиологии Ш. Мартин и У. Нейфи подсчитали, что за годы эпидемии чума унесла около половины населения Китая!

В истории человечества было полтора десятка пандемий чумы и холеры. Эти болезни, опустошавшие целые города и страны, меняли структуру общества, общественный строй, моральный кодекс, соотношение сил между мировыми державами, меняли даже религию. Возьму на себя смелость предположить, что эти пандемии сыграли огромную роль также и в переходе Европы от язычества к христианству.

Вот частичная хронология этих эпидемий:

428 год до н.э., Афины. Пелопоннесская война между Афинами и Спартой. После того, как спартанцы осадили Афины, в городе началась страшная болезнь, погубившая треть населения. Войска Афин сильно поредели, умер и лидер города Перикл. В результате Афины войну проиграли, хотя взять столицу спартанцы так и не смогли, и даже сняли блокаду, боясь заразиться...

Илл. 3. Триумф смерти. Питер Брейгель-старший, картина 1561–83 гг.

Илл. 4. Вид на ратушу Марселя во время великой чумы. Мишель Серр, 1721 г.

Историки до последнего времени спорили, что это была за болезнь. Это могла быть чума, корь, оспа или иная болезнь. Многие считали, что это была именно чума, но прямых доказательств не было. Более того, многие историки утверждали, что в древности чумы вообще еще не было.

Этот спор недавно разрешила наука. В анализах захоронений того периода были обнаружены остатки ДНК чумной палочки. И в могильнике, которому более 5000 лет, ученые из Гетеборгского университета обнаружили останки 78 человек с ДНК бактерии чумы. Эти открытия могут кардинально изменить понимание истории древней Европы.

Илл. 5. Чумной бунт. Эрнест Лиснер, акварель 1930 г.

165 год н.э., Римская империя, «Антониновская чума». За два года умерли от болезни 5 миллионов человек, в том числе два императора. В это время врач Клавдий Гален впервые описал симптомы этой болезни.

Накануне эпидемии подавляющее большинство жителей империи были язычниками, христианами были только 40 000 человек – не более 0,1% населения. Но в течение нескольких десятилетий христианство стало подавляющей религией в империи...

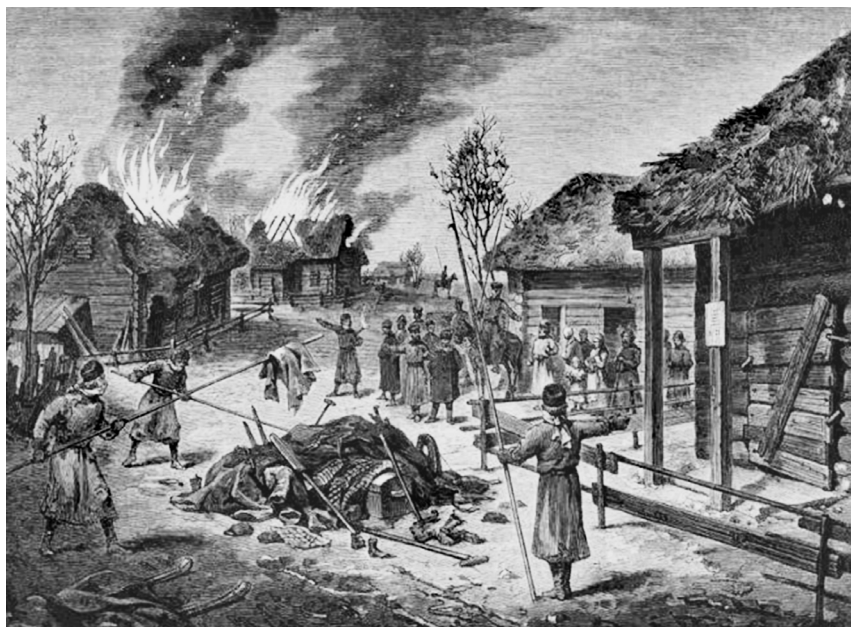
527 год н.э., Византия, «чума Юстиниана». От этой эпидемии сохранилось задокументированное описание. Болезнь свирепствовала 60 лет, унеся жизни, по разным оценкам, от 50 до 100 миллионов человек. Убив каждого четвертого жителя, она ушла далее на север Европы. Однако наибольшие потери понесла когда-то великая Византийская империя, которая так и не оправилась от этого удара, внесшего вклад в ее постепенный упадок.

1320 год. По Европе и Азии прокатилась самая масштабная и ужасающая пандемия чумы, приведшая к опустошению огромных территорий – городов и целых стран.

Даже ужасы самых страшных войн не могут сравниться с ужасами этих эпидемий. Люди не просто погибали, но умирали в страшных муках. Опустошенные города, охваченные болезнью, везде страх и ненависть, страшные запахи, живые и мертвые находятся вместе. Любого могли силой привести в лепрозорий (для изоляции) или лазарет. Бывало, что в лазарет тащили просто состоятельных людей, чтобы завладеть их имуществом. Понимая, что завтрашний день может и не наступить, множество людей предавались пьянству и разврату, что еще больше усиливало разгул болезни. Хоронить людей было некому. Могильщики, которых набирали из каторжан за обещания помилования и денег, бесчинствовали в городах, покинутых властью, врываются в дома, убивая и грабя. Молодых больных женщин продавали желающим совершить насилие. Трупы волокли по мостовой, измазывая ее кровью и гноем, которые заражали всё новых людей. В могильные рвы вместе с мертвыми сваливали и живых. Чего стоил один только вид чумного доктора – в темном плаще, очках, перчатках и шляпе с птичьим клювом (в котором была жидкость от запахов).

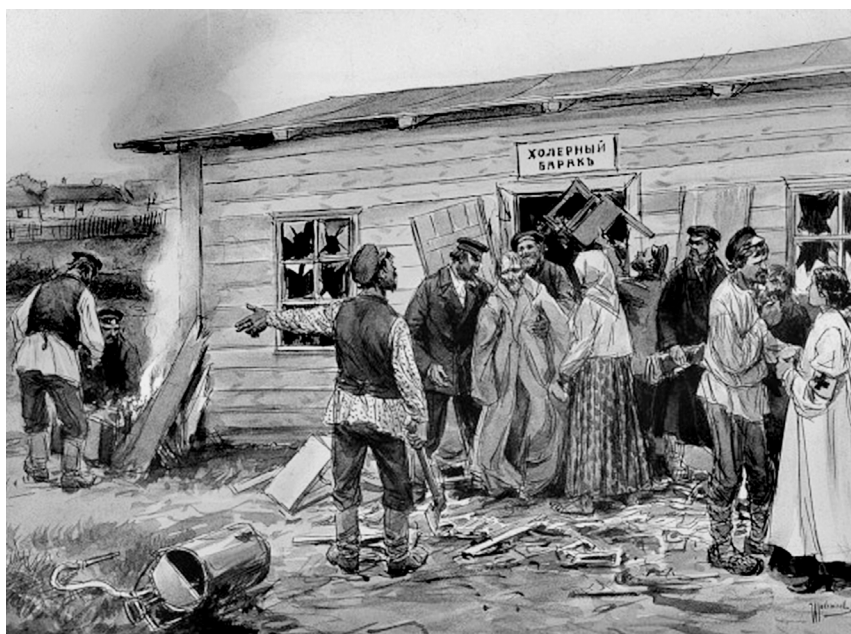
Илл. 6. Чумной доктор. Картина неизвестного автора.

Илл. 7. Сжигание зараженных вещей во время чумы в России XIX в., гравюра Н. Матюшкина, 1930 г. (Любопытно, что на ней уже впервые изображены люди в масках во время эпидемии)

Возможно, только произведения искусства позволят нам хоть в какой-то степени прочувствовать тот кошмар. Посмотрите на картины «Триумф Смерти» Питера Брейгеля, «Чума в Ашдоде» Николы Пуссена или «Чума в древнем городе» (имеются в виду Афины) Мишеля Свиртса – все это поистине страшно.

Конечно, эти жуткие болезни пришли и в Россию, пик эпидемии пришелся на 1830-31 годы, когда по стране прокатились известные «холерные бунты». Обезумевшие толпы убивали и грабили, врвались в больницы и убивали врачей. Вот только один малоизвестный, но весьма любопытный случай: во время холерного бунта из окна третьего этажа больницы был выброшен и убит некий доктор по имени Дмитрий (Абель) Бланк. Убили доктора, далеко не первого, да и не последнего. Но его имя – оно ничего вам не говорит? А имя его родного брата Александра (Израиля) Блан-

Илл. 8. Сцена у холерного барака, акварель Ивана Владимировича 1920 г.

ка? Это отец Марии Александровны Бланк (Ульяновой) – матери Владимира Ильича Ленина. Вот так стал жертвой эпидемии двоюродный дед Ленина. (Кто знает, выбросили бы из окна другого брата – не Дмитрия, а Александра, который тоже был медиком, – и история России пошла бы, возможно, по другому пути...).

Ну, а кого в основном обвиняли в болезни? Вы наверняка догадываетесь. Обезумевшие толпы регулярно устраивали кровавые еврейские погромы. Ужасы Холокоста могут померкнуть в сравнении с истреблением евреев во время чумы. Евреев вешали и жгли, забивали живыми в бочки и спускали в реки. Так, норвежский король, узнав, что чума приближается к границам его государства, приказал перебить всех евреев в стране в целях (внимание!) профилактики.

В 1910 году чума появилась в Манчжурии, но во всемирную эпидемию она не переросла благодаря тому, что в это время уже существовала защита от чумы – вакцина. В некоторых странах вспышки холеры и чумы происходят до сих пор. Так, в 2010 году

на Гаити заразились холерой 800 000 человек – 10% населения страны, умерли 4672 человека. По оценке Всемирной организации здравоохранения, в 2010 году было от 3 до 5 миллионов случаев холеры, от которых погибли 100-130 тысяч человек, в то время как еще в начале 1980-х годов ежегодно умирали более 3 000 000. Сейчас у врачей есть средства борьбы с этой болезнью – прежде всего, это вакцина.

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ХАВКИНА

Так кто же избавил человечество от этих страшных болезней?

Перестану интриговать читателя – это Владимир Аронович Хавкин. Еврей из России, живший в конце XIX – начале XX веков, и оставшийся по какой-то совершенно непонятной причине забытым. В 2005 году в Бердянске, родном городе Хавкина появился его бюст, на котором скромно написано: «Он спас мир от холеры и чумы». А в 1970 году в лесу имени Кеннеди под Иерусалимом высадили 1000 деревьев в память о докторе Хавкине.

О его разнообразной, полной приключений и драматизма жизни можно было бы написать не одну захватывающую книгу, а целых четыре – поскольку он прожил четыре разные жизни.

- первую – жизнь народовольца-революционера, близкого к террористам;
- вторую – ученого и исследователя;
- третью – медика, спасителя миллионов людей;
- четвертую – жизнь ортодоксального еврея и филантропа.

Его жизнь была полна опасностей и часто висела на волоске: и во время погромов в Одессе, и в джунглях, и на дорогах Индии (где он провел в сумме около двадцати лет). Хавкин мог погибнуть от болезней, подхваченных в джунглях, и от тех болезней, которыми он сам себя заражал для испытания своих вакцин, от попыток убийств и от яда фанатиков. Хавкин не позволил себе жениться, так как понимал, что его любимая могла бы в любое время остаться вдовой. Он страдал и от судебной системы: как в

России, когда во время участия в народовольческой деятельности он два раза сидел в тюрьме, так и в просвещенной Европе, где во время гонения его дело часто называли «малым делом Дрейфуса». Лорд Керзон заявлял, что Хавкина следует повесить. По сфабрикованному обвинению его преследовали и как русского шпиона, и как еврея, и как обладателя многих авторских прав на патенты и претендента на миллиардные прибыли. Он испытал антисемитизм в России и в Европе, он был известен как великий ученый во Франции, Индии и Англии, как меценат и политический деятель во Франции и в Швейцарии. По результатам его путешествий в Россию в конце 1920-х годов французский журнал публиковал серию статей несколько месяцев подряд... А его почти кругосветное путешествие и поездка по Америке! Он горячо поддерживал идею воссоздания еврейского государства в Палестине, хотя был очень скептичен относительно роли Англии в этом событии (и оказался прав). Он получил орден из рук королевы, а к концу жизни стал горячим сторонником ортодоксального иудаизма.

Хотя, если бы его жизненная история легла в основу сценария фильма, то зрители скорее всего просто не поверили бы в то, что это происходило в жизни реального человека. Приключения доктора Хавкина в Индии более остросюжетны, чем приключения доктора Индианы Джонса.

Умер Хавкин в Лозанне в 1930 году. В конце своей исключительно насыщенной жизни он вложил все свое состояние в ценные бумаги в Швейцарском банке, а проценты завещал на поддержку иешив (религиозных еврейских образовательных учреждений) восточной Европы, создав для этого специальный фонд. Удивительно, но этот фонд существует до сих пор – спустя почти сто лет! Одна только история и деятельность этого фонда заслуживают отдельного описания.

Почему такой человек, с такими достижениями и такой биографией был практически забыт? Он не только не получил Нобелевскую премию, но не остался в памяти даже узкого круга медиков и ученых! Постараемся понять это.

Вначале отметим, что биография Хавкина столь же замечательна, сколь и загадочна. Интересно, что сам Хавкин оставил после себя архив, и в нем есть дневник, который Хавкин вел

многие годы. Часть его архива находится в Иерусалимском университете, меньшая часть – в Нью-Йорке в Институте еврейских исследований (YIVO), а около пятидесяти дневниковых записей он засекретил, поместил в ячейку Швейцарского банка, и только банку известно, когда можно будет открыть эту тайну. Собирая материал для этой книги, я провел много часов в различных архивах, и осталось еще много документов и материалов, которые ждут дальнейшего изучения.

Нельзя сказать, что библиография о Хавкине совсем отсутствует. Еще в 1963 году вышла небольшая, но очень интересная книга Марка Поповского, а затем еще две его книги. Из них можно многое узнать, особенно о молодых годах Хавкина. В 1964 году вышла маленькая брошюра профессора Зельмана Авраама Ваксмана (он родился в России в 1888 году и подарил человечеству стрептомицин, получив за это Нобелевскую премию). Есть ряд замечательных статей поэта Шауля Черниховского, лично знавшего доктора Хавкина, статья рабби Бенъямина (Иегошуа Редлера Фельдмана), который тоже знал его и перевел на русский язык его «Апологию ортодоксального иудаизма», которая была опубликована в книге «Баалей тшува». Недавно вышла интересная книга Джоэля Ханхарна «Досье Хавкина» (Joel Hanharn, «Dossiers Haffkine»).

Но главное, что почти каждый день своей бурной жизни Хавкин вел дневник, где бы он ни находился – и в джунглях Индии, и на теплоходе в Америку, и в Париже, и в Лондоне, и в Одессе, и в Москве, и в Барнауле. Эти записи сохранились, находятся в архиве и ждут своего часа. В большинстве своем они до сих пор не прочитаны и не исследованы.

Видимо, часть жизни доктора была и остается засекреченной, и гриф секретности до сих пор не снят с ряда материалов, связанных с вакцинацией Индии (в частности, в тюрьмах), и особенно – с деятельностью доктора Хавкина как военного бактериолога в Англии во время Первой мировой войны.

Но приведем то, что удастся восстановить, хотя и с лакунами.

ГЛАВА 2. НАЧАЛО ПУТИ

ИМЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Первый вопрос, на который не так просто ответить, – какой стране и народу принадлежал доктор Хавкин? Говорил он на английском, французском, немецком, русском и идише практически без акцента, читал и писал на иврите. Кем он был на самом деле: русским, как считали англичане, так как он родился, вырос и учился в России? Или французом, так как наукой занимался и свои открытия сделал во Франции? Англичанином, так как работал в Индии от Англии и получил орден из рук королевы Великобритании? А может, индусом, так как в Индии его звали Махатма («великая душа») Хавкин, и его имя до сих пор носит крупнейший институт Индии? А может, украинцем – гражданином страны, о существовании которой он и сам тогда еще и не знал? В 2018 году появилась хорошая статья под названием «Хавкин Владимир – украинец, спасший мир от чумы и холеры». Я рад, конечно, за авторов, и за украинский народ, и за самого Хавкина, которого причислили к этому замечательному народу, хотя я не уверен, что он сам себя к нему причислял. Многие не раз задавали ему этот вопрос: к какому народу он себя причисляет? Сам Луи Пастер во время их второй встречи спрашивал его об этом, спрашивали его

и создатели Британской медицинской энциклопедии. Его ответ им я приведу ниже, но сначала, уважаемый читатель, постараемся разобраться, кем же он был. Возможно, что евреям, выходцам из бывшей советской империи, это понять легче, чем другим, так как и нас в Союзе считали евреями, в Америке или в Германии – русскими, в сегодняшней России – американцами или немцами...

Даже имя нашего героя было в разное время и в разных местах разным. В детстве его звали Мордехай Зеев-Вольф, в гимназии и университете Владимир, в официальных бумагах и полицейских протоколах Маркус-Вольф, в СССР Владимир Аронович, во Франции и Швейцарии – Вольдемар. Или же просто «доктор Хавкин».

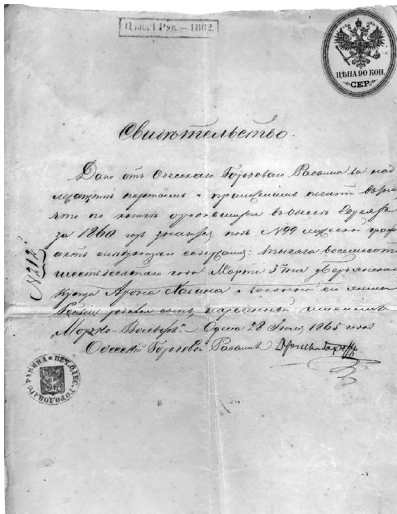
Как и многие из нас, он учился в русской школе и университете, защитил диссертацию и, как многие, покинул Россию. Его идеалы в юности были, как и у многих, идеалистическими – свобода, равенство, братство, справедливость. Он, как и многие, был искусственно оторван от своих корней и религии, но вернулся к ним к концу жизни.

Как же нам, русскоговорящим евреям, выходцам из бывшего Союза, все это понятно и знакомо, хотя с тех пор прошло более ста лет! И тот же главный вопрос, вопрос вопросов, который постоянно стоял перед Хавкиным – что выбирать? Мнимую, так называемую «свободу» и эмансипацию, и в результате – ассимиляцию, растворение среди других народов? Или возвращение к своим корням и религии предков? Этот вопрос был главным не только для Хавкина, но и для многих поколений.

Итак, уважаемый читатель, пойдем по его жизненному пути.

СЕМЬЯ И МЕСТО РОЖДЕНИЯ

Сведения о дате и месте рождения Хавкина, и даже о его точном имени при рождении противоречивы. По одной версии, он родился в Одессе, по другим – в Прилуках или в Бердянске. Данные о годе его рождения тоже разнятся: это или 1856 год, или 1860-й. В архиве Иерусалимского университета есть документ с датой и местом рождения 15 марта 1860 года в Одессе. Однако Йегошуа Редлер Фельман, который жил в то же время и, возможно,

Илл. 9. Свидетельство о рождении Хавкина.

был знаком с Хавкиным, пишет, что тот родился в 1856 году. Эту же дату указывает и поэт Шауль Черниховский (чей портрет запечатлен на израильских купюрах), тоже, возможно, лично знавший Хавкина. Черниховский, который сам родился в Одессе, считал, что доктор Хавкин родился в городе Прилуки Полтавской области, но вскоре его семья переехала в Бердянск, где и вырос будущий спаситель человечества.

В свидетельстве, подписанном одесским раввином, говорится, что в семье Арона Хавкина, 3 марта (по старому стилю) 1860 года, родился сын, названный Мордхо Вольф Хавкин – или, что то же самое, Мордехай Зеев-Вольф.

Его отец Арон-Вольф Павлович Хавкин был во второй раз женат на матери доктора Хавкина, Розали-Рахели Лансберг. Кроме Хавкина, у них были еще три дочери: Генриетта, Мария и Ребекка, и еще два сына, Соломон и Александр, от первого брака Арона Хавкина. Дед Хавкина, Давид Лансберг, был человеком мудрым, культурным и образованным. В отличие от отца Хавкина, он не рассматривал ассимиляцию как верный путь для детей и внуков, и, вероятно, приобщал Хавкина в раннем детстве к чтению и, возможно, к традициям и Торе.

Есть сведения, что Арон Хавкин был учителем, но Черниховский считал, что он был клерком винной компании Гинзбурга. Я думаю, что в этом нет особых противоречий, можно было одновременно работать и учителем, и клерком.

Арон Хавкин, похоже, был неплохим человеком, и о нем многие годы спустя с теплотой отзывался внук Гинзбурга, с которым Хавкин дружил во Франции. Но, как и многие евреи его поколения, он не стремился дать детям традиционное еврейское образование,

привить им любовь к Торе. Он был типичным прогрессивным, прозападным евреем, и не видел угрозы в ассимиляции своих детей. В результате все его сыновья, кроме д-ра Хавкина, отошли от еврейства, женились на нееврейках и не оставили еврейских потомков. Многие тогда были увлечены прогрессом, который привел к ассимиляции и далее к исчезновению их детей и внуков из среды еврейского народа. Вероятно, такая судьба братьев и их детей, с которыми Хавкин поддерживал связь, повлияла на его возвращение к ортодоксальному иудаизму как единственному средству защиты от ассимиляции.

Илл. 10. Арон, отец Хавкина.

В конце XIX и начале XX века в России все шире раздвигаются границы компактного проживания евреев («ворота гетто», как многие это называли), и евреи выходят в широкий мир. Изоляция евреев ослабевает с постепенным размытием черты оседлости. Шауль Черниховский отмечает, что в 1880-90 гг. для русских евреев создалась возможность относительно свободно поступить в государственные школы и университеты (хотя эти времена продлилось недолго). Так, чтобы поступить в петербургскую Военно-медицинскую академию, достаточно было принести бумагу, что вы не являетесь евреем в четвертом поколении, и справку об окончании любой школы. И это всё! В своей книге Черниховский пишет, что его знакомый, окончивший иешиву, принес справку об окончании «раввинской школы» и был принят в этот институт. Многим евреям стало казаться (не в первый и не в последний раз), что просвещение и науки заменят старые отжившие устои и традиции. И они начали отходить от еврейства, порывали с традицией отцов и дедов. Покинув черту оседлости, они зачастую покидали и еврейство. Правда, постоянные погромы в России, как

это ни парадоксально, удерживали евреев в рамках, в том числе, в рамках традиции.

При своей «прогрессивной» ориентации, Арон Хавкин отнюдь не был интеллектуалом. Черниковский говорил о нем, что Арон в совершенстве владел только двумя видами деятельности – искусством выпивки и игры в карты. Но, хотя отношения с отцом у нашего героя были непростыми, я не нашел ни одного случая, чтобы он плохо говорил или писал об отце. И его отношения со сводными братьями были действительно братскими, особенно в молодости, хоть и не без конфликтов (их переписку можно прочесть в архиве в Иерусалиме). Один из братьев помогал ему во время учебы, а в дальнейшем уже Хавкин помогал им и их семьям. При этом из дневников Хавкина видно осложнение отношений с племянниками, которые отошли от еврейства и зачастую смотрели на своего дядю лишь как на источник финансовой помощи.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

В отличие от отца, мать Хавкина, Розали Давид-Айзиковна Лансберг, была из семьи, где чтили и соблюдали традиции предков. Ее отец преподавал иврит в местной школе. Поэтому свое начальное еврейское образование наш герой получил от деда по матери, а в 1870-72 гг. учился в местном хедере (еврейской религиозной школе). В эти ранние годы была заложена его любовь к чтению и учебе, и главное – к Торе.

Но когда ему было всего семь лет, мать умерла. Отец женился снова, появились новые дети, мальчик чувствовал себя одиноко и часто убегал к родителям матери. В доме отца он ни с кем не был особенно близок, часто слышал, что из него ничего путного не получится. И рос он замкнутым и молчаливым, хотя по натуре был очень амбициозным и гордым. Хавкин рано научился контролировать свои эмоции, был сдержанным, и это качество пронес через всю жизнь. Ему было присуще чувство обостренной справедливости.

Вот один пример, позволяющий лучше понять его характер в то время. Наш молодой герой выполнял многие обязанности по дому – мыл полы, разжигал и топил печь, готовил еду и делал другую домашнюю работу. Его отец о хозяйстве ничего и знать

не хотел, но зато критиковал всех, в том числе и юного Хавкина. В его обязанности также входила и закупка угля для обогрева и готовки. Уголь обычно лежал в углу кухни около печи, и однажды его отцу показалось, что уголь пропадает. Младший брат Мордехая сказал, что его взяла женщина, которая приходила раз в две недели убирать дом. Уже пожилой, нервный и далеко не богатый отец был взбешен – он набросился на женщину, отругал ее и выгнал, заявив, чтобы она больше не приходила. Когда молодой Хавкин узнал об этом, он не поверил, что эта женщина может воровать уголь. Хавкин не успокоился до тех пор, пока маленький брат не признался, что он просто выдумал эту историю. Тогда Хавкин взял за руку мальчика и ночью отвел к этой женщине, где тот признался и извинился перед ней. Бедная женщина, услышав это, расплакалась. Этот эпизод позволяет лучше понять молодого Хавкина.

В 1872 году при первой же возможности Хавкина отправили в государственную гимназию в Бердянске. Из 800 мальчиков в этой гимназии 650 были евреями, а ее директором был приятель отца Мордехая, который любил и уважал молодого Хавкина. В гимназии не было традиционного образования, это был либерализм, переходящий во вседозволенность. Черниковский описывает случай, когда студенты гимназии раздели и выставили в окно своего учителя... Но общеобразовательные дисциплины и языки там преподавали на хорошем уровне.

В гимназии Хавкин сразу стал первым: в учебе по всем дисциплинам, в плавании, игре на скрипке, в спортивной борьбе и рисовании. Красивый, высокий и статный юноша был бесспорным лидером и гордостью директора школы. Хавкин много читал и рекомендовал это другим, он презирал ложь и несправедливость, доноительство, сплетни и предательство, всегда и во всем помогал другим. Как и многие еврейские молодые люди в то время, он был склонен к идеализму. Из дневника тех лет видно, что в душе он был романтиком и революционером, всегда готовым кого-нибудь защищать. Джузеппе Гарибальди был его героем, он зачитывался книгами вроде «Что делать» Чернышевского и старался походить на ее героя Рахметова.

Невероятно, но в выпускном классе (!) он был исключен из школы. Произошло это так: Хавкин великолепно знал языки,

включая латынь. А учитель латыни Иосиф Павлович Сермилич, не большой любитель евреев, был чехом и неправильно говорил по-русски. И однажды, обращаясь к Хавкину, при этом всегда называя его Хавкун (может, нарочно, может просто по глупости), он сказал ему: «Хавкун, просклоняйте мне слово «mensa» («стол» на латыни)». С таким вопросом он мог обратиться к первокласснику, но не к лучшему ученику выпускного класса. Класс затих. Все ученики буквально оцепенели. Хавкин молчит...

– Почему Вы молчите? – спросил Сермилич.

– Иосиф Павлович, вы – дурак.

– Что-о? Что вы сказали, Хавкун?

– Я сказал, Иосиф Павлович, дурак вы.

– Что? Ми дурак?

Он выскочил из класса и вернулся с директором. После этой истории Хавкин и был исключен из школы в начале выпускного класса, и стал вольнослушателем Одесского университета, так как без аттестата поступить было никуда нельзя. Однако через несколько месяцев Сермилич оставил гимназию, и Хавкина допустили к сдаче выпускных экзаменов, которые он блестяще сдал.

ОДЕССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В 1879 г. Хавкин поступил в одесский Новороссийский университет на естественный факультет. Профессорами его были Сеченов, Мечников, Умов. Хавкин с удовольствием занимается наукой, являясь любимым учеником Мечникова, который станет его учителем и наставником на многие годы.

Но, к сожалению, увлекался будущий спаситель человечества не только наукой... В эти годы по югу России прокатились погромы. И он, будучи студентом университета, становится членом лиги еврейской самообороны, а затем входит в кружок «Народная воля». Его дважды выгоняли из университета и дважды арестовывали (один раз с пистолетом), из тюрьмы его помогал освобождать Мечников.

Жизнь Хавкина в этот период могла бы стать сюжетом захватывающего фильма.

Итак, Хавкин – бедный студент Новороссийского университета. Его отец – пожилой человек, обремененный большой семьей, не мог ему помогать, поэтому за его учебу платил старший брат Соломон по 10 рублей в месяц, и 20 копеек Хавкин как неимущий получал от университета на обед.

Лаборатория Мечникова стала его вторым домом. Но в 1881 году его исключают из университета за выступления против администрации в защиту опального профессора эконо-

Илл. 11. Молодой Хавкин

мики Постникова. Власти университета выступили с критикой ряда профессоров, в том числе, против Мечникова, а также против Умова, основателя русской школы физики. Студенты выступили в защиту опальных профессоров, и, конечно, среди них был Хавкин, который подписал письмо в защиту педагогов, он также был одним из трех студентов, которые пришли в дом ректора и вручили ему письмо. Всех троих, естественно, исключили из университета. Поднялся настоящий студенческий бунт в защиту исключенных. Студенческое выступление позволило вернуть Хавкина и двух других в университет, но после этих событий он попал на заметку полиции, где на него завели дело...

НАРОДОВОЛЕЦ

1 марта 1881 года в Петербурге был убит царь Александр II. Пошли слухи, что царя убили евреи, хотя из двенадцати арестованных за убийство евреем был только один. Справедливости ради надо признать, что в целом евреев среди революционеров было немало. Начались погромы. 3 мая в Одессе толпа с топорами и ломачами начала убивать и грабить. Вначале Хавкин, который не

слишком ощущал свое еврейство, а его лучшими друзьями были Степан и Герасим Романенко, был сильно удивлен, что многие студенты-христиане из его группы принимали сторону погромщиков и присоединялись к бандам, нападавшим на евреев (об этом прямо пишет в своей брошюре одессит Зельман Ваксман). Возможно, это был один из первых уроков, оказавших влияние на дальнейшее восстановление связи Хавкина с еврейством.

А что же российское государство? Оно пробовало увещевать толпу, но это, конечно, не помогало, погромы продолжались, и тогда еврейские студенты стали собираться в группы самообороны, вооружаясь, кто чем мог. Они набрасывались на погромщиков, вели самые настоящие битвы. Хавкин, конечно, был в самой гуще боев и получил ранение в голову. Вот тут власть проснулась и начались аресты – но не погромщиков, а студентов самообороны. Были арестованы более 800 человек, их загнали в пустые баржи, заперли и отогнали за волнорез. Хавкин был схвачен на улице с револьвером в руке и посажен сразу в тюрьму, где он мерз и голодал. Возможно, в этих страшных условиях у него появилась возможность и время серьезно задуматься о своем еврействе.

Начались следствие и суд. Его пытались обвинить в организации вооруженного нападения на погромщиков! За это уже были осуждены несколько студентов. Но в случае с Хавкиным это не получилось. Ему удалось доказать, что он действовал в целях самообороны, и, как ни странно, его оправдали и отпустили. Возможно, не последнюю роль в этом сыграло заступничество Мечникова.

Хорошо известно, что тюрьмы, как правило, радикализируют людей. И Хавкин, выйдя из тюрьмы, принимает еще более активное участие в подпольной организации «Народная воля», расклеивает листовки и собирает деньги для подпольщиков.

Вот эпизод, характерный для Хавкина того времени. Ночь. В лабораторию, где работает Хавкин, вваливается полиция с обыском. Хавкина подозревают в революционной деятельности и хранении оружия. За микроскопом сидит молодой Хавкин и изучает одноклеточные организмы. На вопрос полицейского Хавкин, не отрываясь от микроскопа, равнодушно отвечает: «Ищите, что хотите, только не мешайте мне работать». Говоря по правде, и революционная деятельность была, и оружие было: он действительно

но прятал пистолет для убийства полицмейстера Одессы, которого и убили позднее, хотя, видимо, из другого пистолета.

Дальше события разворачивались еще более активно. Летом 1881 года в Одессе появилась молодая, красивая и очень общительная дама Елена Ивановна Колосова. Говорили, что она богатая молодая вдова. Ее дом вскоре превратился в популярный в Одессе салон, где собирались различные, часто влиятельные люди. Но мало кто знал, что настоящее имя дамы было Вера Николаевна Фигнер, и была она членом исполнительного комитета «Народной воли». А ее правой рукой был профессиональный революционер Павел Анненков, который, поступив в университет как студент, создал там подпольный кружок. Хавкин, конечно, вступил в него одним из первых. По ночам в доме Фигнер печатались листовки, фальшивые паспорта, декларации и воззвания, которые утром он расклеивал по городу.

В дальнейшем Вера Фигнер возложила на кружок более серьезное задание. В Одессу прибыл свирепый полицмейстер генерал Стрельников, и исполнительный комитет «Народной воли» решил убить генерала. Хавкину было поручено выяснить его расписание и маршруты передвижения. Убийство было назначено на пять часов вечера на Приморском бульваре, где генерал обычно прогуливался. Но незадолго до убийства Хавкин был арестован по обвинению в антигосударственной деятельности, что спасло его от участия в покушении и последующего расстрела или ссылки в Сибирь.

И снова Хавкин оказался в жуткой тюрьме, где он мерз, голодал, спал на полу, ибо кровать полагалась только реальным бандитам. А на допросы он ходил к самому генералу Стрельникову, который лично издевался, допрашивая заключенных. Но Хавкин не выдал ни одного члена их группы и не рассказал о готовящемся покушении. При этом он знал, что каждый вечер на Приморский бульвар выходят его товарищи с револьвером и двумя кинжалами, и ждут подходящего случая. И случай представился, 18 марта 1882 года народоволец Желваков выстрелом в упор убил генерала.

После этого убийства начался страшный террор. Желвакова и Халтурина сразу повесили во дворе тюрьмы без суда и след-

ствия. Хавкин же формально не принимал участия в покушении, поскольку находился в тюрьме, и никто из студентов не назвал его имя. Поэтому после очередного вмешательства профессора Мечникова Хавкина выпустили. Также Мечников написал письмо ректору университета, с просьбой о разрешении Хавкину сдать экзамены экстерном за 4-й курс, с которого он был отчислен. Так Хавкин вернулся к своим занятиям и исследованиям, а в 1883 году получил диплом об окончании университета. Он продолжил свое образование, поступил в аспирантуру и за один (!) год в марте 1884 года без единого голоса «против» защитил диссертацию, получив звание кандидата естественных наук.

МОЛОДОЙ КАНДИДАТ НАУК

Но преподавателем кафедры его не взяли.

Ему и еще двум молодым кандидатам наук, Гросману и Турчинову, предложили места преподавателей кафедр. Но у этой престижной работы было «небольшое» условие – принять, хотя бы формально, христианство. И из тройки обрусевших, полностью оторванных от всего еврейского молодых людей, ни один на это не согласился.

Вот такие были времена и нравы. Совсем не те, что пришли потом, при советской власти, когда люди массово меняли национальность, имена и фамилии во имя карьерных соображений, и где связь со всем еврейским была еще больше потеряна (что и случилось с братьями Хавкина). А для Хавкина, возможно, этот случай, как и продолжающиеся погромы стали, как это ни парадоксально, тем, что приблизило его к еврейству.

Итак, наш молодой кандидат наук смог устроиться только на техническую должность – в Зоологический музей, где у него все же была возможность заниматься и наукой, и техническими переводами. Он смог быстро выучить ряд иностранных языков. Его революционный пыл к этому времени уже сильно уменьшился – в основном, потому что насильственные средства достижения «благородных целей» были неприемлемы для него. Он понимал, что гораздо бóльшую помощь человечеству принесут не бомбы и

Илл. 12. В группе Ильи Мечникова (Хавкин крайний слева)

револьверы, а микроскопы и научные знания. И Хавкин с головой уходит в науку, видя именно в ней реальную помощь людям. Он изучает одноклеточные организмы, от которых постепенно переходит к науке о бактериях, публикует две статьи в Париже, выступает с докладами в Новороссийском обществе естествоиспытателей.

Интересно, что, проводя свои исследования и изучая болезни простейших организмов, он делает вывод что теория Дарвина не работает – и он, как честный ученый, выступая на научной конференции с докладом о наследственности у одноклеточных, публично сообщает об этом. Что тут началось... Нужно было быть не только честным, но и бесстрашным человеком, так как его доклад вызвали гнев и гигантский протест присутствующих, многие из которых были однозначными сторонниками дарвинизма. Возможно, что эти научные изыскания и размышления привели его

в дальнейшем, как и многих других ученых естествоиспытателей, от Исаака Ньютона и до наших дней, к тому, что мир был сотворен Богом.

В 1888 году Луи Пастер пригласил Илью Мечникова в свой только что открытый институт, и Мечников уехал в Париж. Многие друзья и коллеги Хавкина эмигрировали из России в Америку и Европу, а небольшая часть – в Палестину. Всего из России тогда уехало около миллиона евреев. Интересно, что первая в Израиле серьезная сила самообороны была создана русскими евреями именно из сил студенческой самообороны, а возглавил ее Израиль Шохет, бывший член дружины самообороны из России.

Хавкин остался один. И он решает уехать. Правда, была еще причина, заставившая его уехать из Одессы – и это любовь.

Сцена лирическая. Он занимался репетиторством с молодой, красивой, умной и образованной (что не часто сочетается) девушкой из богатой семьи в Одессе. Имя ее достоверно неизвестно: в разных источниках встречаются разные версии. Как это часто бывает, между студенткой и учителем возникли глубокие чувства. Вероятно, в то время он готов был на ней жениться, и девушка страстно желала того же, но из-за разного социального статуса ее родители были против, и женитьба не состоялась. Интересно, что спустя годы, когда наш герой жил в Париже и был уже знаменитым, она вместе с родителями сама приехала к нему, но его сердце уже было занято другой, – имя которой Наука. А Хавкин не был человеком, способным делить сердце, время и самого себя между семьей и работой, для которой, как он считал, и был создан.

Судя по его дневникам и письмам, он сохранил глубокое чувство любви к той девушке на протяжении всей жизни. В дальнейшем он встречался с ней – уже немолодой, замужней и во многом несчастной женщиной, жизнь которой была трагична. Были письма, встречи и долгие разговоры. В последний раз он встречался с ней в Варшаве, незадолго до своей смерти, но это совершенно другая, большая и трагическая история, которая годится для отдельного романа.

ГЛАВА 3. ЖЕНЕВА

Итак, Хавкин решает уехать из России. Он пишет письмо известному физиологу профессору Морису Шиффу в Швейцарию, прилагает свои статьи и получает приглашение преподавать в Женевском университете. Личность Мориса Шиффа интересна и заслуживает отдельного описания: еврей, родившийся в Германии и участвовавший в Германской революции 1848-49 годов, в молодости принявший христианство (об этом пишет Марк Поповский, который и сам принял христианство в СССР). Шифф из-за неблагонадежности был вынужден уехать из Германии в Швейцарию, где стал профессором медицинского университета Женевы.

Женева в то время была одним из центров русской революционной эмиграции. Плеханов создал здесь русскую марксистскую «Группу освобождения труда», а несколькими годами позже русские революционеры с Владимиром Лениным собирались на свои съезды, которые в основном проходили, о чем мало кто знает, в ресторане «Ландоль». Основатель советского государства очень любил этот ресторан, в котором проедались и пропивались партийные деньги. Интересно, что ресторан сохранился до настоящего времени, и если вы будете в Женеве, то сможете его посетить.

Хавкин поселился в Женеве, получив в течение года должность доцента (по другим сведениям – ассистента профессора). Политические проблемы уже полностью исчезли из круга его интересов. Научные эксперименты и наблюдения, которые вел профессор

Шифф – блестящий ученый, но в большей степени мечтатель от науки, его тоже не увлекали. Хавкин впоследствии писал: «Шифф был подлинным гением, он предсказал многие открытия, но будучи человеком слишком разбросанным и неорганизованным, не сумел сам довести свои идеи до практики. Хотя был прекрасным собеседником и советчиком».

ПАРИЖ, ИНСТИТУТ ПАСТЕРА

В это время Хавкин получил письмо от Мечникова, который писал, что готов помочь ему устроиться в знаменитом институте, но пока все должности заняты, и свободно только место помощника библиотекаря. Однако Хавкин не колебался и поменял статус преподавателя в Женеве на скромную должность помощника библиотекаря в институте Пастера. Главное, что в свободное от основной работы время он сможет заниматься наукой и ставить свои эксперименты. И, как сам Хавкин сказал своему сводному брату, который в то время был в Париже: «У Пастера и Мечникова я готов мыть пробирки, лишь бы быть в институте, где занимаются действительно большой наукой».

Итак, в 1889 году Хавкин начинает работать в Пастеровском институте. Он вставал затемно, до открытия библиотеки шел в лабораторию доктора Эмиля Ру и занимался исследованиями. А когда библиотека закрывалась, возвращался в лабораторию, где засиживался допоздна. Однако год прошел без особых успехов. Ему уже 30, а ничего существенного не достигнуто. Было отчего отчаиваться.

По рекомендации Мечникова Хавкин продолжает заниматься простейшими, хотя тогда уже начали появляться новые исследования о микробах. Он живет на мизерную зарплату, при этом стараясь помогать родственникам в России и соплеменникам во Франции, занимается репетиторством, живет в крохотной комнатке на улице Вожирар рядом с институтом. Единственным его утешением в то время (как сейчас говорят, «расслаблением») была скрипка, которую он брал в руки в тяжелые дни (тоже прекрасная сцена для Голливуда).

Но в сентябре 1890 года его жизнь делает неожиданный крутой поворот. Иерсен, сотрудник лаборатории доктора Ру, где Хавкин ставил свои опыты, уезжает в экспедицию в Индокитай, не дождавшись своего шефа из отпуска, мчится на пароход, но оставляет ему короткую записку. Эта записка и решила в корне судьбу Хавкина, а может быть, и всего человечества. В ней было всего несколько слов: он, Иерсен, уезжает в экспедицию, благодарит шефа, а в конце было приписано: «Я ввел Хавкина в ход работ, показал ему место каждого предмета в моих двух комнатах». Эти две строчки и решили судьбу доктора Хавкина. Отныне мсье Вольдемар стал ассистентом самого профессора Ру.

ГЛАВА 4.

ЭПИДЕМИЯ НАЧИНАЕТСЯ

В этот 1890 год в мир приходит эпидемия холеры, превратившаяся в пандемию. Только в Западной Европе от нее погибли приблизительно 250 тысяч человек, в России – 300 тысяч, в Америке – 50 тысяч.

Правители государств, врачи и дипломаты собираются на многочисленные съезды и конференции, цель которых уберечь людей от страшной болезни, но остановить эпидемию эти конференции были не в силах. Конечно, ученые Пастеровского института принимают участие в изучении холеры. И, конечно же, Хавкин начинает свое состязание с этой болезнью.

Справедливости ради надо заметить, что он начал битву не на пустом месте. Ранее немецкий бактериолог Роберт Кох, исследуя тела умерших от холеры животных, нашел необычные микробы в виде запятой, полукруглой формы, но ученому не удавалось доказать, что люди гибнут именно от этих «запятых». Дело в том, что лабораторные животные не умирали от этих бактерий. Эти «запятые» не были активны, когда их давали животным. Люди умирали, а животные – нет! И даже смерть одного из ученых из экспедиции самого Коха не убедила его противников. Шла настоящая борьба, научные споры принимали своеобразные формы – например, Макс Петтенкофер из Мюнхена и его сотрудник Эммерих для опровержения теории Коха выпили раствор, содержащий миллионы холерных микробов. В эти споры вступили

ученые из Англии, Франции, Италии. Доходило даже до того, что исследователи, с целью опровергнуть Коха, демонстративно глотали испражнения холерных больных. Они были действительно мужественными людьми, но это не позволило даже приблизиться к избавлению от инфекции.

К этому времени, в 1885 году, Луи Пастером была разработана вакцина от сибирской язвы и бешенства. Действие вакцины основывалось на выработке иммунитета при введении в организм ослабленных бактерий. Испанский врач Ферран пытался получить вакцину от холеры, основанную на этом же принципе, но его вакцина не была эффективной. Исходя из идеи Пастера, он вводил в организм человека болезнетворные микробы, чтобы в нем вырабатывались силы сопротивления, образующие иммунитет – невосприимчивость к данному виду микробов. Ферран вывел чистую культуру холерных микробов и, не убивая и не изменяя их, прямо вводил под кожу здоровым, считая, что микробы, не попав в желудок, не успеют развить активность, а вызовут иммунитет к будущему заражению. Идея в целом была верной, но из-за неправильной дозировки его опыты часто заканчивались болезнью. Поэтому многие ученые, посетившие его в Барселоне (а он был очень скрытным), не были допущены даже в его примитивную лабораторию, и дали заключения о том, что вакцинация от холеры неэффективна.

Чтобы создать реальную защиту – вакцину от холеры – нужно было решить три основные задачи:

1. Получить активные, потенциально смертельные бактерии холеры (они уже были обнаружены Кохом и выделены Людвигом Пфайффером). Создать их в фиксированном количестве (дозе) и за точное время (это называют *Vibrio exalte*).

2. Создать ослабленные бактерии, которые не убивают, но активизируют иммунитет. Ослаблять бактерии можно нагреванием, обдуванием воздухом или хлороформом, а также другими способами.

3. Определить место введения вакцины – мышцы, кожа или кровь.

Поэтому первой задачей Хавкина было получение действительно активной бактерии холеры, которая бы наверняка убивала подопытных животных, в основном, морских свинок и кроликов.

Эту задачу он решил в марте 1892 года, пересаживая бактерии от одного животного к другому. При каждом пересаживании активность микробов увеличивалась в двадцать раз. На сороковом кролике холерный яд стал смертельным, а у ученого появились сильные микробы смертельной болезни (Кох оказался прав).

Так Хавкин получил первую пробирку с микробами, которые работали как часы. Впрыснув кубический сантиметр этой культуры, он знал, когда умрет подопытное животное с точностью до часа. Эти холерные бактерии были дозированы, т.е. появились первые признаки разработки лекарства.

Теперь предстояло разработать ослабленную культуру, которая бы не убивала животных, а вызывала иммунитет. После многодневных экспериментов без сна и отдыха Хавкин достиг ослабления бактерий путем нагрева до 39°С и обдува их чистым кислородом.

Неизвестно, сколько тысяч кроликов сложили свою жизнь во имя науки (вот кому бы следовало ставить памятники), но в начале лета 1892 года первый кролик, которому была сделана подкожная инъекция с ослабленными бактериями, а через 6 часов введена внутримышечно смертельная доза холерного яда, как ни в чем ни бывало продолжал грызть морковку. Даже после введения ему дозы, которая могла бы убить слона, кролик даже ухом не повел и продолжал жевать морковь. Кролик был жив! У него выработался иммунитет к страшной болезни! Далее Хавкин повторил опыты с голубями и морскими свинками – и у всех животных появился иммунитет.

9 июля 1892 года Хавкин делает доклад в Парижском биологическом обществе. Доклад носил скромное название «Азиатская холера у морских свинок», но заканчивался объявлением, что вакцина от холеры для животных уже создана. Этот доклад стал сенсацией и, впервые за всю историю уважаемого научного общества, вызвал аплодисменты в зале. Председателю пришлось вмешаться и объяснить, что в научных кругах не принято встречать научные сообщения аплодисментами.

Настало время переходить к опытам над людьми. Обратите внимание – прошло лишь чуть больше недели после завершения опытов над животными! Но надо помнить, какое это было время:

холера свирепствовала в Европе, газеты каждый день сообщали о количестве заболевших и умерших.

Нам эта картина знакома – когда я пишу эти строки, идет пандемия коронавируса, хотя ее масштабы, конечно, совершенно несопоставимы с эпидемией холеры.

ОПЫТЫ СО СМЕРТЬЮ

Вакцина для животных была создана, но многие вопросы, главный из которых – о безопасности вакцины и ее дозе – оставались открытыми. Можно ли результаты опытов на животных переносить на человека? И где взять человека, который согласится подвергнуть свою жизнь риску добровольной первой вакцинации, а затем и заражением холерой? Это было похоже на «русскую рулетку». Хавкин нашел этого человека – себя самого. Как же сильно это отличалось от поведения всемирно известного великого ис-

Илл. 13. Эдуард Дженнер (Edward Jenner) испытывает вакцину от оспы на восьмилетнем мальчике, 1796 г. Литография XIX века.

следователя и врача Эдварда Дженнера – создателя вакцины от оспы. Он испытал свою вакцину от оспы на... восьмилетнем мальчике – сыне своего садовника.

О великом достижении Дженнера написаны сотни книг и статей, созданы скульптуры, написаны картины, его имя знает любой школьник в Англии, – чего стоит только картина, изображающая момент вакцинации маленького Джеймса Фиппса! Однако у Хавкина, возможно, и мысли не было испытать вакцину на ком-то другом, в этом он отличался от Дженнера.

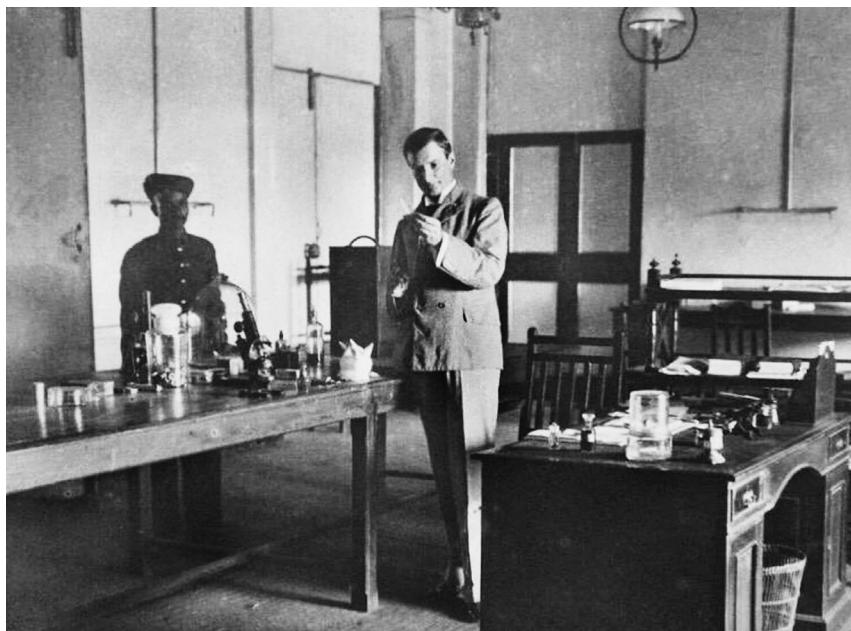
В июле 1892 года Хавкин решает испытать вакцину на себе и втайне от других вводит себе под кожу ослабленную холерную культуру в дозе во много раз большей, чем при вакцинации подопытных животных. Запись из его дневника: «Сразу подскочила температура, заболела голова, началось недомогание и лихорадка». При этом Хавкин оставался в лаборатории и продолжал работать. Через шесть дней он впрыснул себе в мышцу руки смертельную дозу холерного яда. Температура поднялась еще выше, но в этот раз недомогание продолжалось всего один день. 25 июля он уже знал, что препарат работает и для человека. Сразу после этого три его товарища, политические эмигранты, бывшие народовольцы из России (рулетка-то русская), выразили желание испытать на себе созданную вакцину. Их имена сохранились: это были Георгий Явейн из Петербурга, Михаил Тамамшев из Тифлиса и Иван Вильбушевич из Москвы. Самой тяжелой была реакция у Михаила Тамамшева – температура у него поднялась до 39°С, но меньше, чем через сутки все они были абсолютно здоровы. Явейн впоследствии станет врачом, профессором военно-медицинской академии, Тамамшев тоже станет врачом и политиком на Кавказе, а Вильбушевич – известным инженером-агрономом: он сажал леса, проектировал каналы и оросительные системы. Но это уже другие истории...

УСПЕХ?

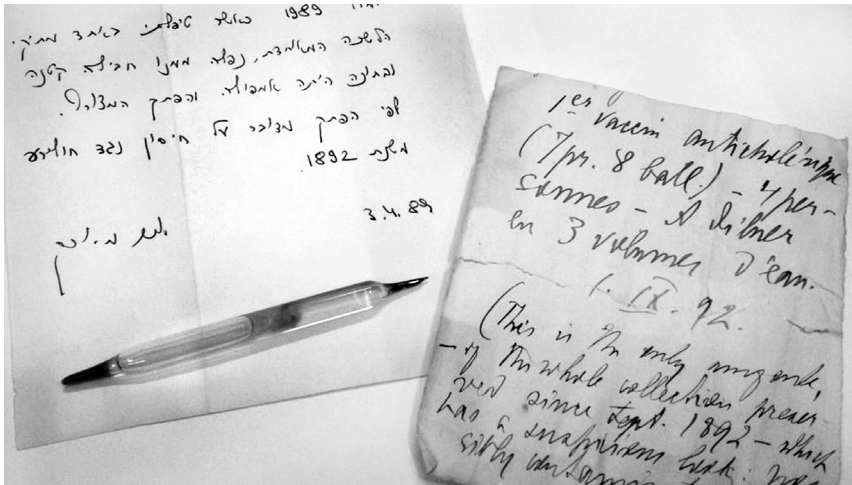
30 июля 1892 года Хавкин делает доклад в биологическом обществе Парижа, завершая его словами, что безопасная вакцина

от холеры создана. Что тут началось! Понятна бурная реакция на сообщение Хавкина, ведь только во Франции с начала 1892 года погибло уже 4542 человека. Доклад был опубликован в научном сборнике, и информация быстро попала в прессу – газеты охотно писали о вакцине, о четырех мужественных русских, и, конечно, об изобретателе вакцины. Парижская «Фигаро» писала о крупной победе науки: «Стали известны замечательные результаты смелого эксперимента доктора Хавкина по прививке ослабленного холерного вибриона. Пусть этот пример положит начало эффективной борьбы за противохолерную вакцину». «Браво доктору Хавкину» – писала в августе «Иллюстрэйшн». За одну неделю Хавкин – скромный научный сотрудник, вчерашний помощник библиотечаря – стал знаменитым. К нему в лабораторию зачастили ученые, журналисты, знатные особы и просто любопытные.

Эмиль Ру передал Хавкину от себя и от имени тяжелобольного Луи Пастера поздравления и благодарность. А сам Хавкин уже

Илл. 14. Лаборатория. Хавкин испытывает вакцину на кроликах

Илл. 15. Впервые изобретенная Хавкиным вакцина от холеры, посланная сразу в Палестину (видна дата 1.09.1892!) Эта ампула с вакциной и письмо, написанное рукой Хавкина, была обнаружена в Иерусалиме в 1960-х гг.

на следующий день после своего доклада обратился с просьбой к Пастеру и Ру, чтобы изобретенную им вакцину безвозмездно (а ее впоследствии оценили в 10 миллиардов долларов!) передали в Россию, где в это время бушевала эпидемия. Пастер написал письмо в Петербург, в котором дал высокую оценку новой вакцине своего сотрудника.

И в то же время Хавкин, не спрашивая разрешения и согласия, сам отправляет первые ампулы вакцины в Палестину, где в это время тоже свирепствовала холера. Одну из этих ампул относительно недавно нашли в архиве, на ней рукой Хавкина указана дата: 1 сентября 1892 года, – т.е. спустя всего месяц после изобретения вакцины. Из материалов архива Хавкина видно, что постепенно он чувствует все большую связь с Землей Израиля, и поэтому отправляет туда вакцину в такие сжатые сроки.

В России же в 1892 году было 605 058 заболеваний и 296 852 смертей от холеры, и газеты каждый день публиковали списки и некрологи погибших знаменитостей – например, от холеры умер Петр Ильич Чайковский. Но вместо того, чтобы принять с благодарностью вакцину, которую Хавкин передавал безвозмездно

и был готов приехать в Россию, чтобы спасти тысячи жизней (а он был гражданином России, хоть и с просроченным паспортом), российские чиновники после многочисленной переписки и заседаний решили ограничиться только лабораторными исследованиями, а Хавкина не приглашать. И это в стране, в которой только за одно столетие пять миллионов человек заболело и два миллиона умерло от этой болезни.

Правда, и французские власти, когда эпидемия усилилась, а Хавкин предложил начать массовую вакцинацию населения, предпочли замалчивать случаи холеры в Париже. От вакцины отказались и в Гамбурге, и в других городах Европы, – власть и бюрократия везде и всегда одинаковы.

ЛОНДОН. СБОРЫ В ИНДИЮ

В это же время в Индии холера выкашивала целые деревни. Индия была под властью Британии, и Хавкин решил обратиться к лорду Фредерику Гамильтону, который был британским послом в Париже. Опытный дипломат и политик, бывший генерал-губернатор Индии поддержал Хавкина и даже написал письмо министру иностранных дел графу Арчибальду Примроузу, впоследствии ставшему премьер-министром. Примроуз был женат на внучке Ротшильда, которая принесла ему в приданое огромное состояние, и являлся самым богатым премьер-министром за всю историю Великобритании. Это письмо открыло двери многих кабинетов, и Хавкин получил желаемое.

Англичане, вероятно, рассуждали более прагматично: в случае удачи лавры бы достались Британии, а если нет, то все можно свалить на русского. Жизни миллионов индийцев, конечно, тоже имели значение, но были далеко не на первом месте.

Хавкину разрешили отправиться в самое логово эпидемии, в Бенгалию, где в 1877-1890 годах от холеры умерло более миллиона человек. В то время от холеры умирал каждый второй заразившийся.

Еще в Лондоне, в ожидании многочисленных одобрений и утверждений на поездку, Хавкин встретился со многими людьми

и завел важные знакомства. Так, он познакомился и даже подружился с биологом Алмротом Райтом, профессором военно-медицинской школы в Нетли, а также с Вильямом Симпсоном, главным санитарным врачом Калькутты, который как раз был в это время в Лондоне в отпуске. Эти встречи и знакомства в дальнейшем очень помогли ему в Индии.

Первоначально поездка была назначена на начало декабря, но постоянно откладывалась – сначала на две недели, потом на месяц, потом еще на две недели. Наконец, Хавкин получил все разрешения и даже официальную должность государственного бактериолога в Индии. Уже все было готово, и казалось, что вся бюрократия позади, и тут он получает письмо из российского посольства, в котором Хавкину предлагается явиться в посольство в назначенный день и час.

Дело в том, что Российские власти узнали о предстоящей миссии Хавкина. Газеты ядовито писали, что русский поданный едет бороться с холерой в далекую Индию, в то время как в его стране бушует эпидемия этой болезни. Хавкин понимал, что это письмо и сам визит в посольство не сулят ничего хорошего – в лучшем случае ему напомнят о просроченном паспорте, а в худшем – о революционном прошлом. Но когда Хавкин вошел в посольство секретарь рассыпался перед ним в комплиментах и сразу проводил в кабинет посла – барона де-Сталя. В разговоре посол не обмолвился ни о прошлом Хавкина, ни о паспорте, а заявил, что Россия гордится своим сыном.

Эту встречу ему еще припомнят в будущем, но пока преодолена последняя задержка, и в начале 1893 года Хавкин садится на корабль и отплывает в Индию.

ГЛАВА 5. ХОЛЕРА В ИНДИИ

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА В АДЕНЕ

Итак, 16 февраля 1893 года Хавкин на пароходе покинул Британию. Ему предстояло пересечь Средиземное море, пройти через построенный к этому времени Суэцкий канал, плыть мимо берегов Африки.

По дороге в Индию корабль зашел в порт Адена. Йемен был тогда британской колонией. После длительного плавания Хавкин решил размяться и прогуляться в городе, пока корабль стоит в порту. Выйдя на берег, он был потрясен нищетой и заброшенностью города. Прохаживаясь по узким грязным улочкам, он обратил внимание на двух аборигенов – босые, одетые в лохмотья мужчины, казалось, были погружены в отчаяние и печаль. Что-то в их лицах и печальных глазах Хавкину показалось неуловимо знакомым, он остановился, и их взгляды встретились. Наступила пауза. С одной стороны – одетый с иголочки в белый костюм английский джентльмен, а с другой – два нищих аборигена. Не зная арабского, Хавкин (так он пишет в своем дневнике) неожиданно для себя произнес первые слова молитвы: «Шма, Исразль!», – как вдруг эти двое выпрямились, заулыбались и стали произносить знакомые ему с детства слова молитвы. Как он сам впоследствии

вспоминал, между ними возник какой-то странный контакт, контакт крови и веры. Хавкин стоял и молчал, а два йеменских еврея читали молитву тихими и очень уверенными голосами.

Эта встреча его так поразила, а сила слов «Шма» была настолько велика, что позже он часто ее вспоминал. Возможно, что эта внезапная встреча, врезавшись в память, привела его к мысли, что два его сородича обладают более глубокими и более чистыми знаниями Торы. И, возможно, являются бóльшими евреями, чем он – молодой, образованный, закончивший университет и аспирантуру, но отошедший от веры и традиций своих предков. Возможно, эта встреча повлияла на возвращение Хавкина к религии. Для этих двух жителей Адена он был «своим», не таким, как для многих в просвещенной Европе, где слово «еврей» в лучшем случае означало «чужой». Хавкин убеждался в этом каждый день, читая на борту парохода статьи в газетах о финансовых махинациях на строительстве в Панаме. Причем все эти, как сейчас говорят, олигархи, финансисты и махинаторы, были, конечно, евреями (с тех пор прошло немало времени, но это происходит и сейчас, в чем легко убедиться, открыв газету). Возможно, тогда Хавкин и начал задумываться о том, что Европа – не лучшее место для еврея.

Хавкин прибыл в Бомбей 5 марта 1893 года и после кратковременной остановки отплыл в Калькутту.

ХОЛЕРА: ЛИЦО СМЕРТИ

Свое ужасное лицо холера показала Хавкину еще до того, как он ступил на берег – он увидел страшные картины подплывая к Калькутте. Дело в том, что если на борту судна оказывался больной холерой, то по морскому закону на судне поднимали желтый флаг (этот закон сохранился и поныне). На рейде стояли корабли – все с желтыми флагами. От одного судна с желтым флагом отходит лодка, проплывает мимо, и Хавкин видит: на дне лодки, как бревно, лежит человек в своих испражнениях, с заостренным, изможденным лицом, запавшими глазами, углы его рта печально и в то же время как бы насмешливо оттянуты вниз в улыбке-grimace – типичное лицо холерного больного. Хавкин и раньше видел

такие лица в больницах Парижа, но здесь оно выглядело совсем по-другому. Иссохший человек был, судя по одежде, матросом судна, и двое полицейских в перчатках схватили его и бросили, как бревно, в санитарную карету, которая тут же уехала.

Хавкину предстояло увидеть еще тысячи подобных больных за следующие два с половиной года работы в Индии в районах страшных эпидемий.

ЗАДАЧА ГИГАНТСКАЯ И ОПАСНАЯ

Доктор Хавкин прибыл в охваченную холерой Калькутту. Ему предстояла гигантская по своим масштабам работа – необходимо было организовать производство вакцины в достаточно больших объемах. И, самое главное, самому проводить вакцинации много-тысячного населения в разных районах Индии.

Работа должна была проходить в зонах эпидемии не только холеры, но и других болезней, в частности лихорадки и малярии (которой Хавкин в результате заболел). Его деятельность была экстремально опасной. Опасность исходила, в первую очередь, от темных, фанатично настроенных и в то же время крайне изможденных местных жителей, которые могли просто убить незваного пришельца. Так, в первой же деревне в него начали бросать камни. Но не меньшая опасность исходила от властей, причем, как местных, так и английских, которые, вместо помощи, часто препятствовали его миссии. В чем его только не обвиняли: и что он русский шпион, и что его вакцина убивает людей или, в лучшем случае, что она просто бесполезна.

Надо сказать (и Хавкин этого не скрывал), что все происшедшее было прежде всего опытами, причем на человеке, потому что вакцина не только не прошла достаточные клинические испытания, но и вообще массово не применялась, особенно на людях, крайне ослабленных постоянным недоеданием. Оставались открытыми не только вопросы о дозировке и степени приобретения иммунитета, но и о последствиях перенесенной вакцинации. Кроме этого, прививки были болезненными и действовали на ослабленное местное население совсем не так, как на жителей

Илл. 16. В индийской деревне Хавкин прививает детей

благополучной и сытой Европы. Это были рискованные опыты, и судьба человека, проводившего их, могла стать очень печальной. Нужно быть поистине мужественным человеком, очень смелым и уверенным. Как говорит Тора о еврейском народе – жестоковыйным. Эта упертость – очень еврейская черта. Хавкин и был жестоковыйным: решился на дело и довел его до спасительного успеха.

Хавкин организовывал производство вакцины в маленькой лаборатории, предоставленной ему доктором Уильямом Симсоном (с которым, как мы упоминали выше, он познакомился в Лондоне). Лаборатория имела громкое название «Служба здоровья». Она состояла из нескольких маленьких комнат, в которых проводились исследования и производилась сама вакцина.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В БЕНГАЛИЮ

Как только было налажено производство вакцины (однако что это было за производство: скорее похоже на суповарение), и были

получены первые партии, пришло сообщение, что в маленький поселок Каттал Баган рядом с Калькуттой пришла холера. Хавкин, вместе с четырьмя индийскими медиками и двумя лаборантами, организовали экспедицию. Были снаряжены две повозки, запряженные лошадьми, на них погрузили ящики с вакцинами и прочим оборудованием, и ранним утром 24 марта 1893 года маленький отряд Хавкина отправился в зараженную деревню. Со стороны их можно было принять за охотников, но им предстояла охота на более грозного и опытного зверя, имя которого «холера».

Подъехав к деревне, они увидели жалкие лачуги с соломой вместо крыш и дырками вместо окон, нищета была страшная. В первом же доме на полу лежали два больных человека, которым они помочь уже не могли. Жители собрались в центре деревни возле строения, похожего на маленький костел.

Перед этим сообществом сначала выступил с речью местный индийский медик, но его слова о предстоящей вакцинации еще больше возбудили толпу, которая и без того была настроена агрессивно. В Хавкина и его спутников полетели камни, один из них попал в ящик с пробирками. Звон стекла еще более раззадорил наступающую толпу, которая грозила расправой белому доктору и его команде. Оставалось только бежать. И тут Хавкин спокойно вышел вперед и начал медленно и хладнокровно... раздеваться. Снял пиджак, рубашку, обнажил правый бок, его помощник-медик, сообразив, что происходит, достал шприц и вколол Хавкину инъекцию. Затем и все его помощники сделали то же самое. Толпа обомлела, для нее это выглядело как какие-то фокусы. А когда местный медик сказал, что белый доктор не «англи», а «русси», из толпы вышло несколько человек, согласившихся на прививку, а потом еще несколько, и еще.

В результате из более 200 жителей деревни 116 получили прививку, и ни один из привитых не заболел, хотя холера там возникла еще несколько раз.

Так Владимир Хавкин начал свои поездки, вакцинируя и спасая все большее количество людей, хотя экспедиции эти далеко не всегда проходили гладко и мирно. Однако накапливались неоценимый опыт и знания, распространялась молва о чудесном белом докторе.

ПО ИНДИИ

Хавкин отправляется в десятимесячную экспедицию по Бенгалии. Он переходит из деревни в деревню в сопровождении своей небольшой группы. Он регулярно ведет журнал, детально собирая данные и пытаясь перевести эффективность своей вакцины в статистические термины. В этом же 1893 году он со своей командой объехал и прошел пешком огромную территорию северо-западной части Индии, Оудха, Пенджаба и Бенгалии. За это время были привиты 25 тысяч человек, а значит, спасены многие и многие жизни.

Известия о чудо-докторе и его прививках быстро распространились по всей Индии, и в лабораторию «Служба здоровья» посыпались запросы и приглашения. Началась большая экспедиция, она продолжалась в общей сложности два с половиной года. За это время маленький отряд Хавкина пересек вдоль и поперек большую часть Индии. Приходилось пробираться через болота и джунгли, горы и предгорья, иногда поездом, иногда на повозках, а где и верхом, часто без сна, еды и питья, в страшную жару, когда температура в тени достигала 48°C, во время тропических ливней

Илл. 17. Прививки местного населения

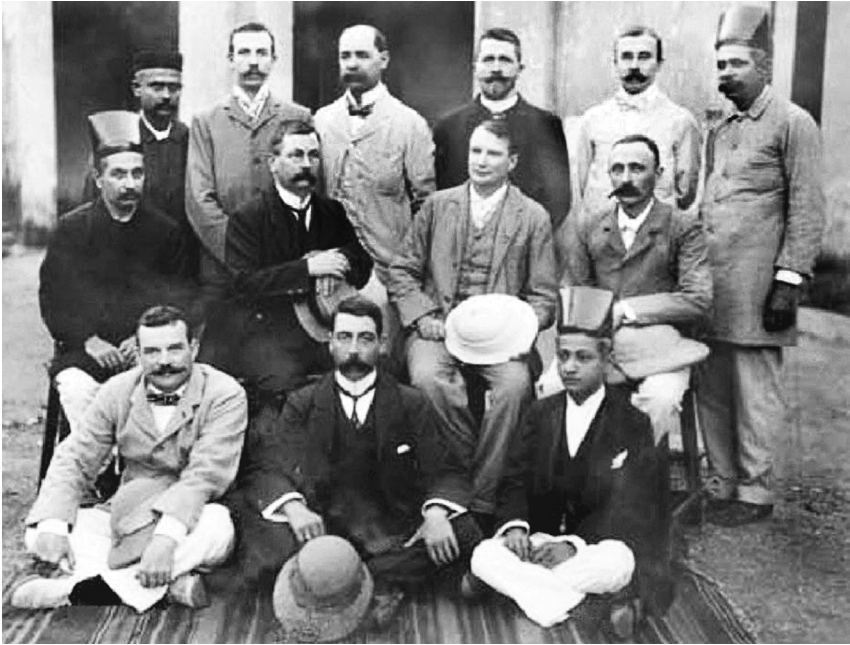
и наводнений, которые смывали целые деревни. В зимние месяцы холод и голод, летом – жара и жажда, разбитые и размытые дороги, а иногда их полное отсутствие...

Хавкин прививал не только мирное населения, но и военных. Так было в городе Лакхате, где эпидемия свирепствовала среди английских и индийских солдат и офицеров. Там вакцину получили два полка (это ему потом еще припомнят). Отряд Хавкина преследовал страшную болезнь, и всюду, где он появлялся, смертность от холеры резко снижалась, а иногда практически исчезала. Жители городов и деревень, через которые проходил отряд Хавкина, теперь встречали его как героя, индийские газеты того времени писали о митингах благодарности, возникающих по пути шествия команды. Британский медицинский журнал от 1 июля 1893 пишет, что жители городов Дакнау и Алигар поднесли господину Хавкину серебряный кубок местной работы и кошелек с 15 тысячами рупий.

А деньги Хавкину были очень нужны, так как многие расходы он оплачивал из собственного кармана. Дело в том, что формально британское правительство послало Хавкина в Индию только для экспериментов. Одним из условий соглашения была выплата компенсации расходов экспедиции, но только после трех месяцев работы. Эта компенсация составляла 15 рупий в день (совсем небольшие деньги), но и эти выплаты иногда задерживалась, а 31 декабря 1893 г. вообще прекратились, возобновились только в июне 1894-го, продолжались 12 месяцев, а затем снова прекратились. Все прочие немалые расходы также оплачивались не напрямую, а в виде возвратов и компенсаций.

ГОНЕНИЯ И ПРИЗНАНИЕ

Антихолерная миссия доктора Хавкина в Индии продолжалась, производилось все больше вакцин, вакцинации подвергалось все больше людей, и она их явно спасала. Но, несмотря на это, не прекращались трудности из-за чиновничьих препон. Положение Хавкина было непростым: формально он был гражданином России, связанным с Францией и посланным Великобританией, без регулярной зарплаты.

Илл. 18. Хавкин (в центре) с сотрудниками, производящими вакцину и проводившими вакцинацию

Да и слава Хавкина не всем приходилась по вкусу. Так, в одной из калькуттских газет появилась статья, где его обвиняли в шпионаже в пользу России (ему припомнили встречу с русским послом в Лондоне и хвалебный отзыв посла). Началось расследование, появились новые газетные статьи с обвинениями.

В это же время в палате общин английского парламента некто Говпуд выступил с резкой речью против Хавкина. В ней, в частности, говорилось: «На каком основании и с чьего разрешения господин Хавкин отравляет холерными разводами британских солдат, достойных лучшей участи?». И это происходило не во времена средневековья, а в Англии в канун XX века.

Надо отметить, что в знак протеста против этих бредовых идей жители города Локхнау и служащие гарнизона устроили митинги в поддержку доктора Хавкина, спасшего их от холеры. Его деятельность, а главное, ее результаты были настолько очевидны,

что расследованию пришлось заключить, что цели Владимира Хавкина – гуманны и сугубо научны.

При этом деятельность Хавкина продолжала оставаться опасной. В глухих районах с мусульманским населением приходилось сталкиваться с сопротивлением фанатичной толпы. Однажды в восточной Бенгалии Хавкина пытались убить древним индийским способом. Ночью на спящего, искусанного комарами доктора Хавкина набросили тряпку, пропитанную змеиным ядом, который должен был, попав в кровь через расцарапанную кожу, убить белого доктора. Спас доктора случайно бодрствовавший участник группы, который увидел и немедленно сбросил страшную тряпку.

Но ничто не могло остановить спасительную миссию Хавкина в Индии. За первый год он со своими помощниками вакцинировал 25 тысяч человек, а за второй год – еще 17 тысяч. Это был настоящий подвиг. И, хотя прививка не всегда оберегала от заражения, она все же спасала жизни: болезнь протекала значительно легче. В отчете, опубликованном летом 1895 года в Калькутте, было указано, что смертность у привитых снижается на 72%, впоследствии эта цифра была доведена до 80%.

Началось широкое применение вакцины, которую впоследствии назовут вакциной или лимфой Хавкина. Его работу высоко оценили не только в Индии – так, в Германии высокую оценку вакцине дали Роберт Кох и Рихард Пфейффер. И, хотя вспышки холеры по-прежнему возникали то там, то здесь, стало ясно, что теперь человечество обладает средством борьбы со страшной болезнью. Десятки тысяч человек были уже спасены от смерти, и появилась реальная возможность спасения миллионов.

В индийскую лабораторию Хавкина потоком направились похвальные письма и телеграммы, но доктор не был в состоянии их читать – в августе 1895 он лежал в постели. Нечеловеческие нагрузки в сложных климатических условиях привели к тому, что Хавкин заболел тяжелой формой малярии. Он пытался продолжить работу в Индии, но врачи не рекомендовали ему там оставаться, так как индийский климат не способствовал выздоровлению. После очередного обострения Хавкин решил уехать в Европу, пообещав вернуться, так как не считал свою миссию до конца выполненной. Он сдержал свое слово и вернулся через полгода.

ЕВРОПА. ДЕЛО ДРЕЙФУСА

Но в сентябре 1895 года просвещенная Европа встретила его... делом Дрейфуса. Напомним его суть. В конце 1894 года во Франции, когда у власти был кабинет Дюпюи с генералом Огюстом Мерсье в должности военного министра, в генеральном штабе была обнаружена пропажа нескольких секретных документов. Через некоторое время начальник военной разведки полковник Юбер Анри представил в военное министерство письмо, якобы найденное в выброшенных бумагах германского военного агента полковника Шварцкоппена. В письме адресату сообщалось об отправке ему секретных военных документов. Полковник Фабр и эксперт военного министерства признали почерк капитана Альфреда Дрейфуса. Дрейфус был арестован 15 октября 1894 года. Министр иностранных дел Ганото не поверил этому документу и был против возбуждения дела, но не решился настаивать на своем. Он сыграл в этом деле двусмысленную роль человека, убежденного в невиновности обвиняемого, но не заявлявшего об этом публично. Военный министр Мерсье, побуждаемый полковником Анри и майором Пати де Клам, решительно высказался за предание Дрейфуса военному суду.

Суд происходил в Париже в декабре 1894 года при закрытых дверях. На виновности Дрейфуса настаивали начальник генерального штаба генерал Буадефр, его помощник генерал Гонз, Пати де Клам, Анри и другие. Судьи колебались – улики было недостаточно: только заключение военного эксперта о почерке предположительно Дрейфуса. Тогда, с согласия военного министра, следователь изготовил фальшивый документ – записку, якобы написанную самим германским послом и изобличавшую Дрейфуса в сотрудничестве с немцами. За шпионаж и государственную измену Дрейфус был разжалован и приговорен к пожизненной ссылке в Кайенну. В январе 1895 года он был препровожден на Чертов остров.

Газеты на первых полосах взхлеб писали о шпионе Дрейфусе, с удовольствием подчеркивая его происхождение. Антисемитские силы, дремавшие в обществе, поднимали голову. Евреи обвинялись в недостаточном патриотизме и в двойной лояльности.

В Европе парил явный дух скрытого, а порой и открытого антисемитизма. Дело Дрейфуса и его последствия для евреев стали, возможно, своеобразной прививкой от будущей болезни под названием «свободная ассимиляция», которую проповедовали последователи Мендельсона, но, к сожалению, эта прививка не спасла многих и многих евреев в дальнейшем.

Надо признать, что в «просвещенной» Европе конца XIX века называться евреем означало в лучшем случае быть чужаком или каким-то анахронизмом, а в худшем – человеком с двойной лояльностью или даже потенциальным предателем и врагом. Возможно, в это время, как и в дни погромов в Одессе, у Хавкина начало расти чувство принадлежности к еврейству, которое впоследствии уже не покидало его. Во всяком случае, приехав в Париж, он с гораздо большей охотой встречался с еврейскими деятелями, чем с бывшими друзьями-народовольцами и революционерами.

У многих вызвало удивление смелое письмо Хавкина издателью Британского медицинского журнала, в котором собирались напечатать его биографию. В письме он пишет: «Мне было бы очень приятно, если вместо того, чтобы позволить людям поверить, что я русский или поляк, вы написали, что я еврей, иудей или израэлит, что вы предпочитаете».

Осенью 1895 г. Хавкин прибыл в Европу и сразу же направился в институт Пастера. Однако встретиться с самим Пастером он не смог: тот был уже при смерти. Пастер был для него не только учителем, в стенах его института Хавкин создал свою вакцину от холеры. Он пишет: «В день, когда я прибыл из Индийской экспедиции, я нашел своего учителя господина Пастера лежащим при смерти (...) Со своей стороны я желаю только одного: чтобы все похвалы за то, чего мне, возможно, удалось достичь – относились к нему, к его священной памяти».

К самому Хавкину в это время приходят заслуженные известность и слава. Результаты двух с половиной лет его титанической и опасной работы были признаны многими в мире. Вот что пишет Британский медицинский журнал в редакционной статье, посвященной Хавкину: «Работа доктора Хавкина, имеющая высочайшую научную ценность, несет в себе обещание значительного расширения нашей империи в Индии. Эта работа была выполнена

в отречении, достойном похвалы, на благо человечества и науки. С постоянным усердием и неоспоримым энтузиазмом доктор Хавкин выдержал все опасности, включая экстремальную, нездоровую погоду. Он отправлялся на все вызовы отовсюду, независимо от рисков для его личной жизни и здоровья, которое сильно пострадало. В Индии он заслужил уважение и привязанность всех, с кем он контактировал. Его неизменная простота, непоколебимый поиск истины, с единой целью самого широкого применения и строгого испытания его метода, заслужили для него всеобщее уважение». В этой характеристике можно увидеть точное отражение Владимира Хавкина.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНДИЮ

Хавкин мог бы остаться жить в благополучной Европе, наслаждаясь плодами проделанной работы. Любой университет был бы рад иметь такого профессора, он мог заниматься наукой: писать статьи и монографии, улучшать свою вакцину, проводя опыты на кроликах и морских свинках, тихо ждать получения Нобелевской премии. Но не таков был Хавкин: бывший народоволец не в этом видел свою миссию. В начале 1896 года он сдержал слово, вернувшись в Индию.

Теперь он имеет уже официальную должность бактериолога Британской империи. Под его лабораторию выделены помещения, штат врачей, персонала и клерков, он получает постоянную официальную зарплату. Хавкин продолжает прививать население Индии, им было сделано еще свыше 30 тысяч прививок. Параллельно он также помогает наладить массовое производство вакцины и передает свои функции по вакцинации населения администрации Индии.

ТЮРЕМНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Одной из важнейших задач доктора Хавкина был набор статистических данных о действии и последствиях вакцины среди

различных слоев населения. Вот только один из типичных случаев его деятельности в то время.

Когда в апреле 1896 года в тюрьме города Дурбанка началась эпидемия холеры, Хавкин со своей группой приехал в тюрьму. Может показаться кощунственным, но это был, конечно, эксперимент, где в роли морских свинок были живые люди – заключенные. Ведь тюрьма, как это ни страшно, является идеальным местом для такого эксперимента: там в изоляции содержатся различные по расам, возрасту, физическому состоянию и прочим параметрам люди. И еще одна картина, достойная голливудского фильма. Все заключенные выведены из камер и молча сидят на полу рядами, прививки делаются... каждому второму. Надо признать, что опыты на заключенных проводились и до, и после этого случая. Об этом не принято писать, но известно, что заключенных посылали на смертельные работы после Второй Мировой войны, французы широко использовали военнопленных (в основном, немцев) для разминирования минных полей, заключенных широко использовали уже после войны на урановых рудниках, на них испытывали оружие разного рода. Все это было, и нельзя быть уверенным, что не происходит сейчас.

Результат эксперимента в тюрьме не заставил себя долго ждать. Уже в первые дни из 99 человек, не получивших вакцину, 11 заболели и умерли, а из 110 вакцинированных заболели только 5 и только 3 из них умерли. При этом холера продолжала поражать людей из контрольной группы (те 99 человек), и никто не знал, скольким еще предстоит умереть. Тогда Хавкин прекратил эксперимент и вакцинировал всех заключенных. Смерть отступила.

Так были получены цифры так называемого «чистого» эксперимента, которые полностью подтвердили данные Хавкина, полученные в его расчетах и в экспедициях.

Интересно, что тюремные вакцинации на этом не прекратились и продолжились уже в других тюрьмах Индии. Так, 15 июня 1897 года в тюрьме города Хазарибагх 180 заключенным была сделана прививка, и ни один не заболел. А из 770 непривитых 14 заболели и 12 из них умерли. 21 июля в тюрьме Ранчи из 369 привитых не заболел никто, а среди 31 не получившего вакцину 4 заболело холерой.

Итак, необходимая статистика была собрана, и теперь, казалось бы, Хавкину можно возвращаться в Европу – спокойно заниматься наукой и получить свою Нобелевскую премию, которую он, безусловно, заслуживал, но так и не получил. Но все случилось иначе.

ГЛАВА 6.

ЧУМА

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ В БОМБЕЕ

В это время началась пандемия еще более страшной болезни – чумы. Чума вышла из китайского города Юньнан в Кантоне, затем распространилась в Гонконг, а оттуда в Индию. В 1896 году она уже в портовом Бомбее и оттуда распространяется по всему миру: Австралия, Южная Африка, Северная и Южная Америка, Египет, Англия и Франция – эпидемия разрастается и постоянно захватывает все новые территории. В Индии она достигает катастрофического уровня очень быстро – в первый же год число умерших в стране миллион сто пятьдесят тысяч (!) человек. Центром эпидемии становится 800-тысячный Бомбей, половина населения покидает город, пытаясь убежать от болезни и тем самым распространяя болезнь по стране. Лекарств от чумы нет никаких.

Сначала английские и индийские газеты ничего не писали о болезни, но поток беженцев из Бомбея был так велик, что властям пришлось принять меры. Так они обратились за помощью к Хавкину, который вступил в схватку теперь уже с «черной смертью».

7 октября 1896 года Хавкин отправился из Калькутты в самое логово эпидемии – в полупустой Бомбей. Как всегда, кадр из будущего фильма: Хавкин едет один в пустом поезде и видит в окне,

как навстречу едут переполненные поезда с испуганными беженцами. Все покидают Бомбей, из вагонов на станциях выбрасывают трупы, а Хавкин едет в обратном направлении – навстречу «черной смерти». Он приезжает в пустой мертвый город, где ему предстоит попытаться впервые создать противочумную вакцину. В местном медицинском колледже ему выделена лаборатория из одной комнаты и веранды, и четыре сотрудника. Он поселился рядом, в том же почти пустом колледже. В этой единственной комнате его лаборатории находились все колбы, пробирки, химикаты, микроскопы, инструменты и материалы, а на веранде жили в клетках животные – крысы, кролики, морские свинки.

Уже на третий день по прибытии он начал свои опыты. Использовалась та же идея Пастера: если в организм ввести ослабленные бактерии в небольших дозах, то в организме может возникнуть иммунитет против болезни. Но одно дело теория, а другое – создание реальной вакцины, которую никто еще не делал ни для крыс, ни, тем более, для людей.

Вопросов было много. Как ослабить действие бактерий? При помощи нагревания, как в случае с холерой, но до каких температур и в течение какого времени? Для выяснения этого необходимы были многочисленные опыты. Неожиданно оказалась, что ослабленная вакцина не вызывает у крыс никакого иммунитета, в то время как у кроликов иммунитет появлялся. Но как поведет себя вакцина с человеком? Какова безопасная доза, особенно для ослабленного местного населения (средний вес местных мужчин из-за недоедания был 39-44 килограммов)?

Надо было решить и другие задачи: время действия иммунитета, реакцию организма и главное – определить побочные действия (не забывайте, что человеку вводили бактерии чумы).

А эпидемия тем временем все распространялась, чума не щадила никого. Заболевший за 48 часов превращался в труп, убийца почти не оставлял следов: только припухшие железы на горле или подмышками и потемневшее лицо. Хавкин очень торопился, он работал по 14 часов в сутки, необходимо было решать огромное число задач и решать их очень быстро. Один из его помощников вскоре не выдержал и получил нервный срыв, двое уволились – люди были не в силах выдержать такого ритма, испытания трудом

и страхом. А страх был огромный. Только представьте себе – находиться по 14 часов в день в контакте с миллионами смертельных доз чумы, что непрерывно клубились в лабораторных сосудах и были отделены от людей лишь тонким стеклом. Смерть поджидала Хавкина и его помощников на каждом шагу: если бы лопнула только одна из многочисленных колб, которые Хавкин постоянно нагревал и охлаждал, или чумная крыса укусила кого-то...

Это похоже на страшный сон или фильм ужасов. Нет современной бактериологической лаборатории с двойными и тройными бронированными стенами и дверьми, с многочисленными датчиками и сенсорами, с роботами-манипуляторами и защитной одеждой, похожей на скафандры астронавтов... Люди одни наедине со смертью, закрытой в хрупких пробирках. Практически никакой защиты в чумной лаборатории Хавкина не было, но он продолжал поиски. Вероятно, Создатель решил его защитить.

ВАКЦИНА ГОТОВА

И вот, после многочисленных опытов и экспериментов, в канун нового 1897 года (всего через три месяца после начала работ) в лабораторию доставили двадцать здоровых крыс. Десяти крысам ввели разработанную вакцину и впустили к ним в клетку зараженную крысу. Через сутки девять непривитых лежали, сраженные чумой, а десять крыс с прививкой разгуливали по клетке.

Опыты с животными были закончены и необходимо было переходить к опытам на людях. Но где взять добровольцев, согласных заразиться чумой? В нищей голодной стране, возможно, нашлось бы немало людей, готовых пойти на такой риск за деньги. Но это было не в принципах Хавкина. Если рисковать чей-то жизнью, то только своей. И он во второй раз, как и в случае с холерой, испытывает на себе только что разработанную и проверенную на животных вакцину.

Запомните эту дату — 10 января 1897 года: ее бы стоило отмечать всему человечеству. В этот день, после трех месяцев опытов, Хавкин в присутствии двух свидетелей (врача и директора медицинского колледжа) попросил ввести себе 10 кубических санти-

метров смертельного яда. Эта доза была в четыре раза больше той, что впоследствии вводили жителям Бомбея – так ученый выяснял размер безопасной дозы.

Получив первую, а затем вторую инъекцию, Хавкин поблагодарил присутствующих, сел за рабочий стол и стал спокойно работать. Через час у него появились хорошо ему знакомые первые признаки чумы – температура и лихорадочное состояние. Через девять часов температура поднялась до 38.9, а боль была такая, как будто ему воткнули иголки в разные места. Утром он с трудом встал с постели, оделся и сел за стол работать. В этот же день он принял участие в совещании по чуме в медицинском ведомстве, где никто не догадывался, что накануне он сделал себе смертоносное впрыскивание. Хавкин вернулся в лабораторию, и постепенно его состояние пришло в норму: лихорадка уменьшилась, а температура спала. Стало ясно, что вакцина работает. Это был один из примеров тайно творимого добра в истории человечества.

ТЮРЕМНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ №2

Противочумная вакцина была изобретена, и теперь предстояло ее испытать на других людях. Ознакомившись с протоколом испытания, несколько студентов и преподавателей местного медицинского колледжа согласились сделать себе прививку. Но действие вакцины на ослабленный, голодный простой народ могло быть совершенно другим...

Тем временем эпидемия распространялась, в Бомбее каждый день умирали сотни и тысячи людей. Необходимы были прямые испытания на местном населении, чтобы выявить статистику воздействия вакцины. И тут опять помог случай. В тюрьме города Байкулы возникли случаи заболевания чумой, и власти обратились к Хавкину за помощью.

Хавкин с двумя помощниками оказался внутри тюрьмы за высоким охраняемым забором. В тюрьме паника, перепуганный начальник тюрьмы и местный врач предлагают ему привить всех заключенных, но Хавкин соглашается привить только добровольцев, так как понимает, что это огромный риск. Инъекции раньше не

применялись на ослабленном местном народе, к тому же они были очень болезненными, люди могли просто погибнуть, не выдержав самой инъекции. Но было очень важно проверить действие вакцины и собрать статистику, чтобы в случае успеха спасти многие жизни. Кошунственно, но трудно себе представить более подходящее место для испытаний, чем тюрьма, где в замкнутом пространстве находились представители местного населения, в основном, низших сословий, и главное, в равных условиях. Хавкин получил специальные полномочия, которыми и попытался воспользоваться с максимальной осторожностью. Из 337 заключенных тюрьмы на прививку согласились 134 человека.

Этот опыт потребовал от Хавкина немало моральных, да и физических сил. Целую неделю он сам жил в тюрьме и прививал ее обитателей. Особенно страшной была первая ночь — уже через два часа после первых прививок у двух юношей воспалились в паху лимфатические железы. Их пытались спасти, но было поздно — вероятно, они заболели еще до инъекции, вакцина была бесполезна. Такое начало не предвещало ничего хорошего. В ту страшную ночь и у других заключенных появились признаки чумы. Охваченные жаром люди металась и корчились в судорогах от страшной боли, и нельзя было понять, что это — болезнь или реакция на вакцину. Картина прояснялась медленно, но в течение недели стало ясно, что из принявших вакцину (кроме умерших в первую ночь) только один человек заболел, да и он скоро выздоровел. А что же среди оставшихся 177 человек, не принявших вакцину? 13 заболели чумой, 7 из них умерли.

Результат был очевиден. Оказалось, что вакцина работает и предохраняет людей от смерти, и, что не менее важно, — доза, подобранная доктором Хавкиным в расчетах и краткосрочных экспериментах, была правильной. Это была уже большая победа.

ЧУМА РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ В ИНДИИ

И особенно важно это было в то время, когда чума с огромной скоростью распространялась по всей Индии: только за январь 1897 года в Бомбее от чумы погибло более трех тысяч человек. Бе-

женцы от чумы разнесли болезнь по другим городам и провинциям Индии, эпидемией было охвачено 18 миллионов человек, она грозила перейти в пандемию.

Правительство более не могло скрывать эпидемию, чума вышла на первые полосы газет. Люди, как в Европе, так и в самой Индии, требовали срочных мер, и правительство меры приняло, но какие? Как и положено правительству: 5 марта 1897 была организована... комиссия по борьбе с чумой. Эта комиссия создала соответствующий комитет, во главе которого поставила командующего местным военным гарнизоном бригадного генерала В. Гетакра, который, конечно, ничего не смыслил ни в медицине, ни, тем более, в происхождении и сущности чумы. Откровенно говоря, в то время и медики о ней почти ничего не знали.

Зато генерал хорошо разбирался в военных действиях, поэтому подошел к борьбе с болезнью чисто по-военному. Он разделил сначала Бомбей, а потом и другие территории на зоны и выделил военные отряды из полицейских и солдат для каждой из зон. Каждое утро эти отряды проводили обход своей территории и, если находили больного, укладывали его на ручную тележку и отвозили в ближайший госпиталь. Жителей, которые были в контакте с больным, отправляли в изоляционный лагерь за городом, а опустевшее жилье подвергали дезинфекции — заливке карболовой кислотой и сулемой, прямо из пожарных труб и ручных насосов. Чисто военная операция: быстрая, четкая, беспощадная, но совершенно бесполезная, так как от чумы она не спасала.

Русский эпидемиолог профессор В. К. Высокович и доктор А. М. Левин были в то время в Индии и писали об увиденных там ужасах. Страшно читать описание госпиталей, куда отправляли больных чумой. Все они были переполнены, из 120-140 человек ежедневно умирали 20-30, медсестры и врачи выбивались из сил, но и их жизнь была под угрозой, так как лечения чумы тогда не было.

Но госпитали были еще не самыми страшными местами. Доктор А. М. Левин описывает переполненные изоляционные лагеря, где под дырявыми соломенными навесами прямо на земле сидели голые и полуголые истощенные люди. Они ждали своего освобождения из этого беспощадного плена. Плен этот был не только жестоким, но и бессмысленным — в лагерь попадали все без

разбора – и те, кто имели контакт с больным, и те, кто случайно попались под руку.

В такой обстановке новость о вакцинации в тюрьме Байкулы мгновенно распространилась, люди стали требовать вакцинации. Но никто не торопился воспользоваться помощью доктора Хавкина. Глава чумного комитета генерал Гетакр считал научные разработки чем-то вроде амулетов и заклинаний факиров. Опыт военной службы подсказывал ему, что победить врага можно только в прямой атаке: генерал полагал, что, заливая полы и стены карболкой, можно в конце концов убить всех микробов чумы.

Хавкин был тоже членом этого комитета, но держался совершенно другого мнения. Он знал, что, в отличие от возбудителей оспы и бешенства, чумные микробы живут не только в стенах зданий, но и в земле, в насекомых и крысах, поэтому только санитарными методами чуму не победить. Хавкин выступил с лекциями и статьями о вакцинации, но не пошел открыто против генерала Гетакра. И это не было трусостью: чего-чего, а храбрости Хавкину было не занимать, и через полгода он открыто выступит против генерала и его карболки. Но сейчас он вынужден был соглашаться с санитарными мерами, так как всегда относился с исключительной требовательностью к результатам своих исследований. Когда речь касалась научных выводов, он стремился выверить действия и последствия своей вакцины так, чтобы не было никаких сомнений в ее эффективности. Хавкин считал, что собранной статистики еще недостаточно для массовой вакцинации и открытого противостояния с генералом. Вскоре ему представляется случай окончательно проверить вакцину.

НАЧАЛО ВАКЦИНАЦИИ

Еще в конце февраля 1897 года чума пришла в Дюман, маленькую зеленую колонию из трех деревень, принадлежащую Португалии, со всех сторон окруженную территорией Британской Индии. На момент начала эпидемии в Дюмане проживало около десяти тысяч человек, но, когда началась чума, две тысячи убежали из колонии. Чтобы предотвратить дальнейшее распространение болез-

ни, португальские войска окружили деревни, а за ними плотным кольцом стояли английские военные. Даман, в котором на тот момент оставалось примерно восемь тысяч жителей, оказался в двух кольцах изоляции. Туда и отправился доктор Хавкин. В этом изолированном пространстве он два месяца проводил вакцинацию и наблюдал за населением. Его врачи вели строгий учет привитых и непривитых, заболевших и умерших (умерших, правда, считали солдаты, охранявшие кладбище). В мае в индийских газетах появились потрясшие всех цифры. Из шести тысяч жителей, отказавшихся от прививок, умерло 1482 человека, а из двух тысяч привитых умерло только 36, т.е. примерно 1,5%. Опубликованные цифры показывали, что прививки в 15 раз уменьшали число смертей.

Но Хавкин на этом не остановился и в июле 1897-го отправился в небольшой, затерянный высоко в горах город Ланаули, в котором началась эпидемия чумы. Вместе со своими врачами, а также приехавшим из России доктором Левиным он находился в самом центре эпидемии. Ими было привито 487 человек, и из этой группы заболело всего пять и умерло только три человека, в то время как из числа непривитых заболевали каждый день 10-12 человек, и три четверти из них умирали. Вакцина не спасала от заражения всех, но значительно повышала шанс не заболеть в окружении чумных больных, а главное, она спасала людям жизнь! Смертность у привитых уменьшилась на 85-90 процентов.

Сенсационные данные о вакцине быстро распространились по миру, имя Хавкина опять появилось на первых полосах газет. Статьи Хавкина публиковались в газетах и журналах Индии и с жадностью перепечатывались и читались в Европе.

Тем временем эпидемия усиливалась, черная смерть ежедневно уносила тысячи жизней. Дошло до того, что зимой 1898 года армии разрешили останавливать похоронные процессии – если не было подписанного врачом заключения о причине смерти, отличной от чумы, то солдаты могли вскрыть гроб и осмотреть покойника. Если у него находили признаки чумы, то далее следовали карантинные меры в отношении всех участников процессии.

По мере того, как распространялась информация о прививках Хавкина, люди стали требовать замены жестокой гигиенической системы генерала Гетакра на реально действующую систему при-

вивок. В газетах появились требования прекратить финансировать бесполезную санитарно-карантинную войну с болезнью, а вместо этого открывать пункты массовой вакцинации населения. Индийские медики, которые поначалу с недоверием относились к вакцине Хавкина (немалую роль здесь играло то, что Хавкин не был врачом), постепенно тоже склонялись к массовой вакцинации. Постепенно в различных городах, прежде всего в Бомбее, начали открываться противочумные пункты, где проходила вакцинация – для малоимущих бесплатно, а беднякам даже приплачивали.

МАССОВАЯ ВАКЦИНАЦИЯ В ИНДИИ

Хавкин наладил и постоянно наращивал производство вакцины – весь 1898 год вакцины производили все больше и более широко применяли. За короткое время было привито 82 тысячи человек. За всю историю медицины не было человека-вакцинатора, который спас столько людей за такой короткий срок. Хавкин работал на износ, по 12-14 часов в сутки, часто без выходных. При этом лично для себя он ничего не требовал – он отдал рецепт и методику вакцинации различным лабораториям и институтам в Индии и за рубежом, причем бесплатно! (это ему еще припомнят представители фармбизнеса). Сам он продолжал жить в маленькой комнате рядом с лабораторией, ездил на общественном транспорте или ходил пешком. Ему как бактериологу Британского правительства полагалось персональное транспортное средство – в то время это была лошадь с повозкой, но он отдал ее на нужды лаборатории.

ЧУМА В РОССИИ

Эпидемия чумы докатилась и до России, географической родины Хавкина, люди гибли от нее тысячами. Когда Хавкин узнал об этом, он сразу предложил передать свою вакцину и обучить, как ее производить и использовать. Ну а что же Россия? Как и раньше в случае с холерой, Хавкин получает отказ.

Да, признавать заслуги зарубежных коллег, даже бывших соотечественников, Россия никогда не любила и не хотела, да и теперь не хочет. Но российские люди всегда любили и хотели ездить за рубеж... В 1897 году российское правительство направило делегацию в Бомбей, официальная цель которой было наблюдение за распространением чумы. Несмотря на нечеловеческую занятость, Хавкин встретился с земляками и принял их с большой теплотой. Он рассказал им о своей вакцине, раскрыл методики ее производства и применения, обучил их, и даже брал некоторых врачей в свои поездки по стране (помните воспоминания русского доктора Левина, приведенные выше?). Хавкин безвозмездно передал русским врачам технологию (это ему тоже припомнят), на основе которой в 1899 году в Петербурге была создана первая в России лаборатория по производству вакцины, которую впоследствии назовут «лимфой Хавкина», и она спасет тысячи жизней русских людей.

Правда, надо отметить, что сами ученые и медики с благодарностью принимали помощь Хавкина. Вот что писал один из основателей этой лаборатории в России, доктор А.Ф. Вигура: «Чтобы ни случилось с лимфой Хавкина в будущем, имя этого неутомимого исследователя навсегда останется памятно в науке». Но доктор Вигура оказался плохим провидцем: как раз с вакциной Хавкина ничего не случилось, она продолжает существовать и применяться, а вот имя Хавкина, к сожалению, теперь практически забыто.

А тогда вакцина Хавкина дошла и до Украины, спасая многие жизни в городе его юности – Одессе. Ее ярким сторонником и широким пользователем был доктор Дмитрий Заболотный, к слову сказать, ставший впоследствии академиком и даже президентом академии наук Украины, но это все будет потом, а пока – вернемся в Индию конца 19 века.

ПОБЕДА?

Число вакцинированных в Индии достигло четырех миллионов человек, эффективность вакцины просто поражала – люди, получившие прививку, в семь раз меньше заражались и в десять раз меньше умирали от страшной болезни.

Хавкин был назначен главным бактериологом правительства Индии и директором Бомбейской противочумной лаборатории. Казалось, все складывается хорошо, но судьба уже готовила ему новые испытания. Ну, а пока он на вершине своей славы.

22 июня 1897 года английская королева Виктория наградила Хавкина орденом Индийской империи. Когда весной 1899 года Хавкин приехал в Европу, его встречали как героя. 8 июля он выступал в Бертингтон-Хаусе перед членами Лондонского королевского общества. Его речь слушали виднейшие британские деятели науки под председательством Джозефа Листера, который горячо приветствовал Хавкина как ученого и даже как еврея – в своей речи он критиковал антисемитизм, эту тему Хавкину не давали забыть даже его доброжелатели.

24 июля 1900 года Хавкину присуждена Cameron Prize in Practical Therapeutics (Камероновская премия), как писал журнал Scotsman (июль, 1900) за спасение большого количества человеческих жизней от бубонной чумы. Хавкин был среди двенадцати ученых, получивших эту премию, в одном ряду с Пастером, Листером и Дэвидом Брюсом. Хотя получить саму премию и сделать доклад при ее вручении Хавкин не смог, так как к этому времени он уже вернулся в Индию, чтобы продолжить свою миссию.

Но не всем, кажется, нравилась его слава и то, что делал доктор Хавкин. Постепенно в прессе стали появляться статьи, где сначала, конечно, говорилось о пользе различных вакцин, но потом шла критика самого Хавкина и его вакцины. Как ни странно, такие статьи пишут не только далекие от науки люди. Не всем, вероятно, нравилось, что именно этот русский еврей победил зло, которое превращало в кладбища целые города Европы и Азии.

Клевета не знает границ, а в это же время в Европе продолжалось обсуждение дела Дрейфуса. Он уже сидел в тюрьме, но газетам это было мало – появлялись сообщения о якобы побеге еврейского офицера. И в такой атмосфере в прессе стали появляться статейки с явными нападками в адрес Хавкина. В чем только его не обвиняли, – например, что он специально убивает своими вакцинами военнослужащих Ее Величества или намекали на возможность освобождения северных территорий Индии для вторжения России. Из всего этого бреда мне лично больше

всего «понравились» две статьи подполковника Сандерса, который писал, что действия Русского (Хавкина) незаконны, так как эксперименты проводятся на людях (а на ком же еще проводить эксперименты, ведь чума убивает людей – только на морских свинках?). Но самое интересное, что и свинок автор тоже касается. В дополнение к опасности экспериментов с людьми Сандерс предостерегает (внимание!) от ненужной жертвы – морских свинок! Вы скажете: верх абсурда – чума ежедневно уносит тысячи человеческих жизней, а гуманист Сандерс обвиняет Хавкина в смерти морских свинок...

Но более серьезными оппонентами Хавкина были химические или, как они теперь называются, фармацевтические компании, которые производили в огромных масштабах ту самую карболку, которая теперь оказалась невостребованной... Разрастался скандал, дошло до того, что в защиту Хавкина должен был выступить Уильям Симсон, глава медицинской службы Индии.

Была и еще одна парадоксальная причина, из-за которой вакцина встретила сопротивление. Дело в том, что вначале при ее производстве использовался мясной бульон из говядины или свинины – в нем разводили бактерии. Часть населения Индии считает корову священным животным, а другая, мусульманская ее часть, не приемлет свинины, и они были против вакцины с использованием таких бульонов. Тогда Хавкин, уважая религиозные чувства людей, поменял технологию и стал выращивать споры в козлином бульоне. А вскоре его ассистент Александр Гибсон научился даже использовать вегетарианский бульон на основе пшеницы (потом Хавкину припомнят, что он отошел от мяса, поменяв технологию). Вот такие задачи приходилось решать Владимиру Хавкину.

Но, несмотря ни на что, польза вакцинации была настолько очевидна, что правительство было вынуждено закрыть санитарную изоляцию и дезинфекцию и перейти к массовой вакцинации. В июле 1898-го был закрыт чумной комитет, генерал Гетакр вернулся к более привычной ему гарнизонной службе, а произведенная в огромных количествах карболка стала никому не нужна. Триумф Хавкина означал поражение правительственной санитарии. И правительство решило прибрать к рукам это новое направление и, по возможности, избавиться от русского еврея.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ В БОМБЕЕ

В августе 1899 года в Бомбее в правительственном здании открывается Институт по исследованию чумы. Все происходит очень торжественно. пышная церемония, пресса, много важных гостей, включая мэра Бомбея и губернатора. В кресле директора лаборатории сидит Вильям Берни Баннерман, майор Индийской армии, бывший заместитель Хавкина. Отсутствовал на церемонии только один человек – основатель лаборатории Владимир Хавкин (он был еще в Англии, но его решили не ждать).

Вернувшись, Хавкин, конечно, не мог смириться с такой несправедливостью. Теперь он был вынужден бороться одновременно с чумой и с правительством. В попытках вернуть лабораторию прошел почти весь 1900 год. Интересно читать письма Хавкина секретарю правительства Индии: они искренни и порой даже наивны. В них он объясняет чиновникам, что директором научной лаборатории должен быть человек, разбирающийся в исследовательской деятельности. В научном мире директор лаборатории — это, как правило, известный ученый, способный преподавать и передавать свои знания и опыт, и уж точно не военный. Хавкин вернул себе пост руководителя, но, к сожалению, ненадолго.

Несмотря на мировое признание, положение Хавкина в Индии оставалось непростым. В архивах сохранилось письмо вице-короля Индии Георгия Керзона, написанное в мае 1899 государственному секретарю Великобритании по Индии Джону Артуру Годли. Вот цитата из этого документа: «Хавкин русский, и кажется странным ставить кого-то с таким гражданством во главу индийского института». Да и внутри самого института были силы, враждебные Хавкину, в основном, среди шотландцев, которые поддерживали своего соотечественника Уильяма Баннермана и ждали случая сместить Хавкина. Такой случай вскоре представился.

Несмотря на напряженность, институт функционировал и постоянно наращивал производство вакцины. Теперь уже в день производилось до 80 тысяч доз, а за один только 1901 год – более двух миллионов доз.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Чтобы как-то отдохнуть и отвлечься от тяжелой работы и сгущающегося климата в институте, Хавкин занимался плаванием, верховой ездой и игрой на скрипке. Примерно в это время в нем самом начали происходить некоторые перемены. Он и раньше поддерживал еврейские организации, в основном, занимающиеся образованием, хотя и считал, что наука справляется с образованием лучше, чем религия, а религия нужна в основном для сплоченности народа. В архиве Хавкина сохранилась его переписка того времени с еврейскими деятелями Европы, большей частью с Соломоном Рейнахом (младшим братом известного археолога Теодора Рейнаха), из которой можно увидеть, как он возвращается к еврейству. В Индии он часто бывает в доме известной еврейской семьи Сасон, много читает, особенно книги Авраама ибн Эзры.

Однажды, гуляя по Бомбею со своим другом Давидом Сасоном (его называли «сефардским Ротшильдом»), они повстречали еврейских солдат (были и такие в индийской армии). Завязался разговор, и Хавкин советовал им избегать поездок в Шаббат и посещения воскресных молитв. Солдаты, вероятно, сообщили об этом своему начальству – так эта история стала известной.

Еще один эпизод того времени, описанный в дневнике Хавкина: он отказался идти на свадьбу своего друга с представительницей другого народа, и, хотя понимал, что будет осужден за это, не только не изменил своего решения, но публично выступил против такого союза. Другой случай: Хавкин отказал своему другу с длинным именем Гая-Альберто-Келли-Меиру в просьбе стать крестным отцом его сына, но принял на себя обязанность позаботиться об этом ребенке не в церковных рамках. В этом весь Хавкин.

Постепенно он приходит к осознанию важности выполнения заповедей – его начинают видеть в лаборатории, накладывающим тфилин и облаченным в талит, он строже выполняет заповеди кашрута, хотя в Индии того времени это было непросто.

В те годы он начинает больше помогать религиозным образовательным заведениям – иешивам. В дневнике он пишет, что те, кто отказываются соблюдать Шаббат и кашрут, обрекают себя и свои семьи на исчезновение в следующих поколениях.

ЛАБОРАТОРИЯ РАСШИРЯЕТСЯ

Но давайте вернемся в стены лаборатории Хавкина того времени и обратим внимание на одну немаловажную сторону ее деятельности, а именно, на финансовую сторону производства антихолерных и античумных вакцин, тем более что, к сожалению, многие пишущие о Хавкине этого не делают. К тому времени производство вакцин приняло массовый многомиллионный характер, в Индии почти каждая лаборатория производила эти вакцины (Хавкин ничего не скрывал и выкладывал всю информацию в открытый доступ).

Еженедельно тысячи доз вакцины вывозили в Англию, Францию и Португалию. Чума еще продолжала появляться в некоторых портах Европы и Азии, но была уже не так страшна – ведь существовала вакцина Хавкина. Появился даже новый термин «хавканизация населения», а противочумную вакцину называли «лимфа Хавкина».

Хотя Хавкин и вернул себе лабораторию и должность ее директора, но, как и раньше целыми днями работал в чумных очагах и рисковал заразиться больше, чем кто-то другой. Он не отказывался посещать места, где эпидемия убивала каждого второго; с группой ассистентов он приезжал туда, где по недельному отчету было максимальное количество смертных случаев. И, конечно, руководил производством в своей лаборатории, которое постоянно росло, а площадь лаборатории расширялась. Под лабораторию передали бывшее здание губернатора Бомбея. Хавкина называли спасителем человечества, великим ученым и великим филантропом, так как технологию производства он передавал безвозмездно всем желающим, в том числе передал и в Россию, где были открыты противочумные станции и лаборатории, одна из которых в Кронштадте – и это ему тоже припомнят.

По фотографиям в архиве Хавкина не видно, что все его служащие (их было 53 человека) были военными и, возможно, не сильно любили русского еврея, особенно их предводитель Уильям Баннерман.

ГЛАВА 7.

НОВОЕ ДЕЛО ДРЕЙФУСА

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ С ДЕВЯТНАДЦАТЬЮ ТРУПАМИ

1902 год, Владимир Хавкин на вершине славы, его вакцины от холеры и чумы производятся в огромных масштабах и спасают жизни миллионам людей в разных частях света. И тут случилась трагедия, страшная и так и не раскрытая до конца по сей день.

19 сентября 1902 была произведена очередная партия вакцины под номером 53N, разлита в бутылки и отправлена в различные районы Индии. В то время институт Хавкина производил десятки тысяч доз вакцины ежедневно, и Хавкин, конечно, был просто не в состоянии контролировать все производство и все вакцинации. 30 октября 1902 года в деревне Малковала провинции Пенджаб были сделаны 109 прививок из этой партии, и 19 человек умерли... от столбняка.

Правительство немедленно начинает расследование, создается комиссия во главе с сэром Лоуренсом Дженкинсом прокурором Бомбея, все подозрения и обвинения сразу падают на доктора Хавкина. Вскоре комиссия приходит к заключению, что заражение вакцины столбняком произошло в лаборатории Хавкина. Как было сделано это заключение не объясняется, почти никакие

факты не приводятся и не рассматриваются. Не приняли в расчет даже признание человека, делавшего инъекцию, что, когда он открывал бутылку, его пинцет падал на землю, и это могло стать причиной попадания инфекции (в земле часто находятся споры столбняка). Позже он уже утверждал, что пинцет после падения был стерилизован в карболовой кислоте, но не на пламени горелки, как того требовала инструкция Хавкина. К сожалению, инструкция доктора Хавкина была изменена на применение все той же карболки, которая не могла полностью убить столбнячные бактерии. Комиссия настаивала, что смертельные бациллы попали в вакцину в лаборатории Хавкина. Никто не обратил внимание и на тот факт, что если бы бактерии попали в вакцину в лаборатории, то за 40 дней, что прошло до ее применения, жидкость имела бы сильный запах, но запаха не было. Кроме того, смерть от вакцины, зараженной 40 дней назад столбняком, наступила бы сразу, а люди в деревне умирали медленно один за другим.

Все эти замечания не были учтены комиссией, и было сделано заключение, что заражение попало в вакцину в лаборатории из-за недостаточной стерилизации в карболовой кислоте. Хавкина также обвинили, что в производстве вакцины мясной бульон был заменен на водосодержащий компонент (что в реальности было вызвано огромным ростом потребности в вакцине и некоторыми околополитическими и религиозными соображениями – в Индии корова священна, а о применении свинины не могло быть и речи).

В итоге майор Баннерман снова занял кресло директора лаборатории, а Хавкин был отстранен от работы с выплатой ему половины зарплаты. Заключение было сделано явно по заказу, не были опрошены ни сам Хавкин, ни доктор Эллион, делавший прививки в Малковале, который подтвердил факт падения пинцета на землю у его ассистента.

Заключение комиссии было отправлено в Лондон, в Листеровский бактериологический институт. Оттуда пришел неоднозначный ответ, что микробы столбняка находились во флаконе с вакциной в момент прививки, но, каким путем они туда попали, определить невозможно. Хавкин все время повторял, что вакцина, отправленная из лаборатории, заражена не была, что заражение произошло за пределами Бомбея, но его не слушали. Расследова-

ние проходило довольно долго, Хавкин все это время находился в постоянном напряжении, но все же сохранял силу духа, надеясь, что правительство Индии вынесет оправдательное заключение, однако этого не случилось.

ПРЕССА ТРЕБУЕТ КРОВИ

30 апреля 1904 года Хавкин вернулся в Европу, где его ждал уже совсем другой прием. То, что печаталось в Европе в так называемой свободной демократической прессе, думаю, читателю объяснять не надо. В этом отношении времена не сильно изменились, хорошо, что в то время еще не было ни CNN, ни CNBC, ни Fox News.

Обстановка в Европе была самая подходящая – только что закончилось дело Дрейфуса, а тут вот вам и новое дело: «Русский еврей-вредитель убивает индийских крестьян своей вакциной». Эту историю с явным антисемитским душком так и называли – «Новое дело Дрейфуса». В письме своему другу Герберту Самуэлю Хавкин прямо сравнивал себя с Дрейфусом.

Антисемитизм, присутствующий в Европе всегда, теперь набирал новую силу. В Восточной Европе все было еще хуже: из газет Хавкин узнал о погромах в России. В это же время в Кишиневе было убито 45 евреев и 86 ранено, но это мало кому было интересно – пресса более охотно смаковала подробности трагедии в Малковале. Материалы расследования постоянно сливались в прессу: прокурор лорд Керзон (помните его письмо о нежелательности назначения Хавкина директором института) грозил, что Хавкин может быть даже повешен. Газеты наперебой обсуждали «профессионального убийцу» Хавкина, и что особенно обидно, в этой вакханалии принимали участие и некоторые люди науки. Есть о чем задуматься Хавкину: наука – религия его учителя Мечникова – к сожалению, не сделала человечество лучше. Доказательство этому, как пишет Хавкин, «застенчивость» научного сообщества, страх встать на его защиту. Многие ученые после продолжительных бесед с сильными мира сего и их рекомендаций отделились от опального ученого, даже Райт, создавший вакцину от тифа.

Как это ни парадоксально, у Хавкина, спасающего человечество, немало врагов. И это не только военные, защитники санитарных мер и производители карболки (которая теперь, никому не нужная, тоннами накапливалась на складах, потому что правительство продолжало финансировать ее производство); государственные чиновники, которым с появлением вакцины пришлось начать работать – проводить и организовывать вакцинацию, а не просто перебирать бумаги. Да и в самой лаборатории Хавкина было достаточно недоброжелателей – здесь и конкуренция, и зависть, и экономические интересы, и, конечно, антисемитизм.

Всего в лаборатории работало 53 человека. Некто капитан Глен Листон вскоре уволился из нее. Доктор Гипсон, ранее всегда поддерживал Хавкина, но когда началось расследование, по непонятной причине сначала отмалчивался, а потом выступил против Хавкина, который был в шоке от этого. Слишком много интересов сошлось против Хавкина и продолжения его деятельности в институте. Обычно сдержанный на слова Хавкин описывал в своем

дневнике атмосферу в индийском институте как полную лжи, доносительства и шпионажа.

В апреле Хавкин, как мы уже говорили, был официально отстранен от должности с половиной зарплаты, а Баннерман назначен директором с полномочиями производства и применения вакцинации в Индии. Особенно болезненно для Хавкина было то, что комиссии удалось получить заключение

Илл. 19. Хавкин В. М.

из европейского института Листера о неоднозначной роли Хавкина в трагедии.

Положение Хавкина было крайне тяжелым. Пресса требовала его крови, постоянно перепечатывая приведенное выше высказывание Керзона о том, что Хавкин заслуживает смертной казни.

СЛЕДСТВИЕ

От более серьезного, чем халатность, обвинения Хавкина спасала, вероятно, невозможность предъявить обвинение в убийстве человеку, вся деятельность которого была направлена на спасение людей. Кроме этого, была очевидна полная неграмотность правительственных чиновников, составивших заключения, а также позиция ряда честных мировых ученых и медиков, выступивших в защиту Хавкина. Обвинения в халатности было, однако, вполне достаточно, чтобы поставить жирный крест на карьере, деятельности, а главное – на честном имени Хавкина.

Следствие, длившееся более года, обвинило Хавкина в несоблюдении санитарных норм и недостаточной дезинфекции карболкой! Члены комиссии даже не разобрались в технологии производства вакцины, главное заключение: мало использовалась карболка.

Было очевидно, что смертельные микробы попали в эту единственную бутылку с вакциной после того, как она покинула лабораторию. Это могло случиться из-за того, что пинцет для открытия пробок упал на землю, и местный помощник не простерилизовал его так, как требовала инструкция. Это было отмечено в материалах комиссии, отчет содержал примерно 20 страниц, но правительственные чиновники сделали вывод: виноват Хавкин.

10 апреля уже в английском парламенте проводились слушания по делу Хавкина, и несмотря на очевидное, парламент отказался сделать вывод о его невиновности.

Попробуем и мы разобраться в причинах трагедии.

Итак, возможны были три причины.

1. Инфекция попала в лаборатории:

а) из-за недостаточной стерилизации, то есть недостаточного применения той же карболки;

б) из-за изменений в технологии приготовления вакцины, таких как замена мясного раствора на другие виды среды для роста бактерий.

2. Инфекция попала в Малковале из-за упавшего и плохо простерилизованного пинцета.

3. Трагедия была подстроена извне.

На то, что инфекции не было в сосуде с вакциной до его вскрытия, указывает следующее:

- а) инфекция оказалась только в одном флаконе вакцины, в других бутылках той же партии ее не было;
- б) за 40 дней инфицированная жидкость приобрела бы сильный запах, а его не было;
- в) бактерия столбняка за 40 дней стала бы настолько сильна, что моментально убила бы всех, но эти 19 человек умирали в течение недели в разное время.

Тот факт, что первоначально инструкция Хавкина требовала стерилизации в пламени, но была изменена правительством на стерилизацию карболкой, следствием не рассматривался. Более того, теперь правительство обвиняло самого Хавкина в изменениях инструкции, которые были сделаны членами правительственной комиссии. За несколько дней до трагедии Хавкин общал властям, что он против применения карболки, так как она недостаточно эффективна в том числе против столбняка, но на это никто не обращал внимания.

Из трех причин возможного попадания микробов в вакцину осталась только одна логически правильная – упавший на землю пинцет, и в этом вины Хавкина не было.

Также остается версия специального заражения, которая даже не рассматривалась, но я бы не стал ее исключать. Очевидно, что сам Хавкин не мог открыто указывать на эту возможность – слишком неравные были силы.

Хотя я нашел письменное упоминание об этой версии. Альберт С. Грюнбаум, профессор патологии и бактериологии города Лидса, который профессионально разбирался в проблеме, 19 марта 1907 написал письмо в газету «Таймс», в котором прямо сказано: «Мне трудно сказать, как вакцина оказалась зараженной, если это не был акт недоброжелательства в лаборатории. Еще труднее понять, почему доктор Хавкин, который внес такой большой вклад в науку и здравоохранение, объявлен ответственным за это несчастье».

В одном из архивов Иерусалима мной было обнаружено любопытное письмо Хавкина от 4 февраля 1905 года в комиссию по расследованию инцидента в Малковале, на которое, почему-то никто не обратил внимания. В нем Хавкин приводит следующие

данные: оказывается, вакцину для Индии делали не только в лаборатории Хавкина. 20 тысяч вакцин было произведено в Париже, 500 тысяч – в Лондоне. Кто может гарантировать, что в вакцинах, привезенных в Индию из-за границы, не было возбудителей столбняка, или что номер или целая партия не были по ошибке или специально изменены. Почему-то на письмо ученого никак не отреагировали.

Несмотря на весь этот кошмар, Хавкин не сдается и решает продолжить борьбу, дабы его честное имя не было очернено, а дело, которому он посвятил более двадцати лет жизни, не было опорочено. Понятно, что он уже сомневается в поддержке листовского института, поскольку им под явным давлением правительства было дано нейтральное заключение. Но Хавкина также удивил и расстроил нейтрально-сдержанный подход в пастеровском институте от Ру и Мечникова.

Возможно, в это время он стал больше сомневаться во всеисилии науки, в которую он так верил, начал осознавать ее ограничения. Наука не всегда объективна и не всегда моральна. Возможно, в результате всего этого доктор Хавкин стал больше приближаться к религии, в это время он чаще посещает синагогу. Хотя это типично для многих – люди часто приближаются к религии под действием проблем и тяжелых обстоятельств.

В попытках восстановить свое доброе имя он стучался во многие двери и в Лондоне, и Париже, но русского еврея не очень слушали и не торопились помогать. В это время его часто можно было встретить в Лондонской синагоге раввина Адлера. Вероятно, здесь, в тишине и спокойствии он думал о многом и многое переосмыслил, хотя нам и не дано знать, о чем доктор Хавкин просил Создателя.

ЗАЩИТА РОССА

Помощь неожиданно пришла откуда не ждали. В защиту Хавкина выступил профессор сэра Рональд Росс. Росс был не только истинным британцем, бывшим военным, ученым-бактериологом и врачом, математиком и поэтом. Недавно он получил Нобелевскую

премию за открытый им механизм передачи малярии от комара людям. Малярия – не холера и не чума, но и она очень опасна, и это открытие было, безусловно, важным. Однако им не был предложен ни способ защиты от малярии, ни ее лечения, ни профилактики – он открыл только механизм передачи болезни. Росс, как никто другой, понимал значимость и величие достижений Хавкина, разработавшего и внедрившего действенные меры защиты от страшных болезней – чумы и холеры.

Понимая величие гения и героизма доктора Хавкина и его работы, за которую он не только не получил Нобелевскую премию, но даже и не был на нее номинирован, в дальнейшем Росс пытался представить его труды в Нобелевский комитет. Но, откровенно говоря, публикаций было немного – Хавкину просто некогда много писать в научные журналы и выступать на академических конференциях, он в основном выступал в деревнях и джунглях Индии, спасая миллионы человеческих жизней. Но главное, почему Хавкина не было в списке лауреатов этой, весьма политизированной премии, – сама личность Хавкина с его биографией и ценностями.

Итак, Росс ринулся в бой, защищая Хавкина. Он и сам работал в то время в Индии и хорошо знал ее законы и порядки. Росс сразу же написал открытое письмо в журнал «Таймс» и 15 марта 1907 оно было опубликовано. Это письмо заслуживает того, чтобы прочитать его полностью, но я приведу здесь только небольшие выдержки:

«В 1896 году Индию застало врасплох ужасное бедствие – чума. Охваченное паникой и оставленное слабым правительством население не подчинялось карантинным ограничениям и инфекция медленно, но верно охватывала город за городом. Нужен новый Даниэль Дефо, чтобы описать страдания, которые пали на бедный народ. Британская пресса, так охотно осуждающая непорядки в России, Бельгии и Турции, не очень-то писала по этому поводу. В разгар этого шквала Хавкин был единственным, кто мог активно противостоять эпидемии. Он изобрел вакцину, организовал ее производство и заставил власти применять ее. Начался массовый выпуск хавкинской вакцины, более шести миллионов доз было произведено только в Индии, вакцина снизила смертность на 85 и более процентов. По-видимому, никто в мире со

времен Дженнера не спас так много человеческих жизней. Какой чиновник, смельчак, ученый сделал столько же?»

Далее он описал трагедию в Малковале и указал на две возможности заражения: либо в институте, либо в Малковале. Он осудил поспешное заключение комиссии о том, что заражение произошло в лаборатории. Далее он пишет:

«Мы должны согласиться с тем, что столбняк попал в вакцину, когда ее открывали. Но даже если яд попал в вакцину в лаборатории, то почему, собственно, наказан Хавкин? Неужели власти так невежественны, что представляют себе, что директор огромной лаборатории, производящей десятки тысяч доз вакцин в день, делает все своими руками и может даже при самом заботливом и добросовестном отношении гарантировать качество любой крошечной дозы? Это тоже самое, что наказать человека, принесшего нам миллионы фунтов стерлингов за то, что он потерял один пенс. Это наводит на мысль, что судить надо не Хавкина, судить надо Индию и ее правительство».

Это письмо всколыхнуло все научное сообщество, которое выступало против политической власти. Симсон писал своим коллегам о необходимости создания «комитета Хавкина», который должен быть распущен только после полной реабилитации ученого. Он намекал секретарю по Индии, что следует возобновить расследование случая в Малковале и выяснить истинную причину случившегося, а этого, конечно же, все боялись, поэтому правительственная машина начала притормаживать и даже пошла в обратном направлении.

Это было сильное письмо сильного человека, а главное, абсолютно правдивое, оно наверняка сыграло свою роль в защите Хавкина. Хотя были и жалобы в прессу, как анонимные, так и подписанные. Например, письмо некоего Фредерика Лили от 22 марта 1907 с осуждением и самого доктора Росса, и Хавкина. Письмо было опубликовано в «Таймс» 14 апреля 1907 года. В нем говорится, в частности: «...не было приведено ни одного факта, который подтверждал бы полезную деятельность м-ра Хавкина в Индии. Кстати, Хавкин не имеет никакого отношения к медицинской профессии, как же у него хватает самонадеянности говорить, что он спас тысячи жизней?»

Но такие опусы явно проигрывали письму Росса и реальным фактам. А тут еще появилось письмо смелого профессора Альберта Грюнбаума с неоднозначным указанием на возможность акта недоброжелательности в лаборатории. Правительство стало потихоньку пытаться изменить ситуацию, предлагая Хавкину мировую без его оправдания и возврат в Индию под руководство майора Баннермана. Хавкин этого предложения не принял. 4-го апреля Росс направил следующее письмо, в котором смело атаковал правительственных чиновников, обвиняя их в должностном преступлении. В частности, он писал: «Генералы и гражданские лица были облечены диктаторскими полномочиями в вопросах, в которых они ничего не понимали. Они жгли серу на перекрестках, а когда их деятельность провалилась, перенесли всю вину на своих подчиненных – врачей, чьими советами пренебрегали и чьи знания не ставили ни во что. И какой же результат? За девять лет до 1905 года было сообщено более чем о четырех миллионах смертей от чумы только в одной Индии. Профессор Симсон сообщает, что по-прежнему каждую неделю там умирает 20 тысяч человек. Какая война, какая массовая гибель унесла столько же жизней? Разве допустить гибель людей не есть умственное и моральное преступление? Я утверждаю: один только Хавкин создал эффективные средства, дающие безопасность людям». На это письмо в «Таймсе» сразу же появились отдельные голословные возражения, в том числе и от Ф. Лили с теми же нападками на Хавкина. Казалось, Хавкина вот-вот сокрушат...

И тут Росс пишет письмо уже не как ученый или врач, а как опытный адвокат, затрагивая очень болезненный вопрос о денежной компенсации. Он, в частности, пишет: «Есть у этого случая еще одна сторона, которую пресса почему-то не затрагивает. Хавкин в течение двух лет получал только половину зарплаты, а один год ему вообще ничего не платили. Он лишен права на оплату, продвижения по службе, почестей, на которые вполне мог бы рассчитывать благодаря своим заслугам. Хавкин изобрел противочумную вакцину, отказался ее запатентовать и отдал свои права индийскому правительству для использования на всеобщее благо. С тех пор индийское правительство, я думаю, выпустило 6-7 миллионов доз препарата и продолжает его выпускать. При-

нимая во внимание, что Хавкин имел и имеет право получать за все это отчисления в размере шиллинга за дозу, мы можем судить о стоимости его благородного поступка. Единственный правильный образ действия для правительства это или восстановление мистера Хавкина в той же должности, или выплата ему долга за миллионы доз вакцины». Вот так!

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТОРГУЕТСЯ

Полагаю, что требование о выплате Хавкину многомиллионной компенсации с прямой угрозой привлечения правовой поддержки во многом решило его дальнейшую судьбу – правители дрогнули. А тут еще появилось коллективное письмо ведущих профессоров-бактериологов Европы и США, напечатанное в «Таймс» 25 июля 1907, в котором было доказано, что лаборатория Хавкина к случаю в Малковале не имеет никакого отношения.

Начинается что-то похожее на торг. Правительство Индии предлагает Хавкину вернуться в Индию с трудоустройством и частичным оправданием, но без извинений. От этого оскорбительного предложения он отказывается. Далее следует переписка Росса с государственным секретарем сэром Хамильтоном о полном и, конечно, публичном оправдании имени доктора Хавкина.

Хавкин ждет. Правительство, конечно, не в состоянии извиниться и оправдать его. Тогда, в ноябре 1907-го придумывается казуистическая фраза, что «правительство признает, что научное мнение реабилитировало его от всей ответственности и предлагает вернуться на работу с той же зарплатой, как и раньше, с назначением на любую должность». Хотя и это не было выполнено, но главное, что это как бы «оправдательное» письмо было опубликовано в медицинском журнале «Ланцет». Это вызвало шквал поздравлений и писем от ученых и медиков, политических деятелей и простых граждан, уверенных, что ученый вернется в Индию, где продолжит дело своей жизни, спасая людей от страшных болезней.

Конечно же, Хавкину было неприятно возвращаться к людям, которые организовали эту страшную компанию травли против него или участвовали в ней. Но Индия притягивала его: там

ежедневно прививались тысячи людей, производились десятки и сотни тысяч доз его вакцины. Как и в прошлый раз во время холеры, Хавкин решает вернуться, хотя он мог бы остаться в благополучной Европе и спокойно заниматься наукой в любом из европейских или американских институтов.

Такое решение требовало от Хавкина немалого мужества и преданности делу спасения человеческих жизней. Однако гениальный ученый явно проигрывал в хитрости правительственным чиновникам. Когда он послал письмо о своем согласии вернуться, ему сообщили, что место директора Чумного института уже занято (понятно, кем), а ему предложена маленькая лаборатория в Калькутте в президентской больнице.

НАЗАД В ИНДИЮ

Итак, в 1908 г доктор Хавкин вернулся в Индию. Вакцинация от чумы и холеры охватила к тому времени огромное количество людей. Только в Индии к 1908 году число привитых превысило 8 миллионов человек, объем производства вакцин постоянно увеличивался. И в это время последовало новое унижение: Хавкину было разрешено только заниматься наукой. С 1908 по 1915 год доктор Хавкин написал около двадцати пособий, инструкций и рекомендаций по вакцинации для персонала и медиков и ни одной (!) научной статьи для Нобелевского или других наградных комитетов. В то время, как директор Баннерман, вовсе не будучи ученым, за это время опубликовал десятки статей и даже получил какую-то степень. Хорошо еще, что его не выдвинули на Нобелевскую премию – ведь материал, который оказался в его руках, был действительно колоссальным.

При этом жизнь Хавкина оставалась беспокойной. Так, в июле 1908 все вакцинации против холеры были остановлены после сообщения в *Journal of American Medical Association* о смерти нескольких человек в Маниле из-за того, что в вакцине от холеры были найдены бациллы чумы (?!). И, конечно, Хавкин был сразу же опрошен на предмет производства и техники безопасности при применении вакцины.

Это был удар не столько по Хавкину (как уже говорилось, он был отстранен от производства вакцины и ее применения ранее), а по качеству самой вакцины. Но Хавкин не был бы Хавкиным, если бы не принял на себя всей ответственности по использованию своих вакцин. Его четкие обоснования и данные привели теперь к оправданию самой вакцины, ее производства и применения. Вероятно, зная уже характер Хавкина-бойца, очередная комиссия довольно быстро приостановила свою деятельность. А может, это было своеобразное предупреждение-напоминание со скрытой угрозой, чтобы Хавкин перестал делать свои заявления?

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ЕВРЕЙСТВУ

Вся эта борьба еще более способствовала переосмыслению действительности и все более приближала Хавкин к глубокому религиозному пониманию реальности и целей жизни. В Индию вернулся уже другой Хавкин: много понявший и осознавший, во многом и во многих разочаровавшийся человек. Трагедия в Малковале как бы разделила его жизнь на «до» и «после».

Он продолжает заниматься исследованиями холеры и чумы, и в то же время все шире и шире общается с еврейскими организациями в Индии и за рубежом. Он участвует в открытии еврейской больницы в Бомбее, даже встречается с лидером мусульман Индии Ага-Ханом, с которым у него сложились очень хорошие отношения (последний предоставил свою виллу для лаборатории Хавкина). Их отношения даже можно назвать дружескими настолько, что Хавкин просит Хана, ни много ни мало, обратиться к султану Османской империи Абдул-Хамиду, чтобы тот разрешил продавать земли в Палестине для последующего заселения евреями из Европы. Необходимые средства предоставляли как европейские, так и американские богатые евреи, в частности, барон Ротшильд. Ага-Хан даже написал письмо турецкому султану. Но, к сожалению, правитель Османской империи оставил эту идею без ответа, потом ему на смену пришел другой султан, Мехмед V, а потом пришли англичане. Кто знает, если бы это удалось, возможно, Земля Израиля была бы заселена евреями ранее.

По переписке и дневникам Хавкина видно его все большее стремление посвящать себя идеям, связанным с еврейством. Вот краткий перечень некоторых эпизодов из его дневника.

1891-1903. Париж: Хавкин – один из основателей общества по возрождению языка иврит.

1898: участвует в открытии Bene Israel Plague and Famine Relief Fund – еврейской больницы для больных чумой в Бомбее.

1908: участвует в открытии еврейской школы в Калькутте.

1907-09: участвует в дискуссии о статусе сефардских евреев в Индии и их связях с евреями Франции.

1907: помогает еврейским беженцам, в основном, из России, при переезде в Америку.

1909: участвует в образовании фонда для основания института микробиологии в Палестине.

1909, июль: участвует в собрании по организации Neveh Shalom Synagogue в Калькутте.

Чтобы лучше понять жизнь и мысли Хавкина того времени, нужно посмотреть на ситуацию в мире и положение еврейства. Это можно увидеть по газетам тех лет. С одной стороны, открываются врата так называемых «гетто» – еврейских местечек, евреи выходят на свободу, в «просвещенный мир». Но с другой стороны в это же самое время растет антисемитизм. В России, где живет большинство евреев, он выражается в погромах; суды над евреями происходят не только в Европе (дело Дрейфуса), но и в России (дело Бейлиса). Конечно, Хавкин знает все это, и не только из газет.

Есть о чем задуматься ученому Хавкину. Он постепенно начинает понимать, что причина роста антисемитизма в мире прежде всего в том, что евреи перестают выполнять возложенную на них роль и уважать свои ценности, а пытаются подражать другим народам или просто смешиваются с ними.

Отношение Хавкина к науке не то чтобы меняется, но становится более глубоким. Как мы уже упоминали, раньше он считал науку всемогущей и полагал, что она справляется со своими задачами лучше религии, а религия нужна в основном для сплочения народа. Вот что он пишет о науке несколько позже:

«Наука совершает свое движение по бесчисленным тропам медленно и постепенно, но чем дальше она продвига-

ется в исследовании флоры и фауны, в анализе фундаментальных явлений тепла, света, магнетизма, электричества, химии, механики, геологии и астрономии, тем основательнее она подходит к выводу о существовании во вселенной силы без начала и без предела. Силы, которая предшествовала всему сотворенному и пребудет после его исчезновения. Силы – которая исток всего существующего и которая при этом находится вне границ любого понятия и любой картины, которую человек способен вообразить или наглядно представить – при всех его способностях исследовать и описывать все, что касается материи и материальных сил. Этот общий итог научных открытий во все времена и во всех странах мира и есть приближение современной науки к идее, выраженной в нашем гимне «Адон Олам» (Господь Мира), возвышенном гимне, благодаря которому евреи произвели и еще произведут на Земле удивительнейшие метаморфозы. Как нет замены нашей религиозной философии, так нечем заменить и законы нашей морали, за которую мы боролись поколениями и которую мы отстаиваем сегодня».

В то время, а это где-то 1910 год, он еще считает, что выполнение заповедей не является строго обязательным, но вскоре, по мере размышлений и учебы, он поменяет свое мнение. Хавкин решает глубже изучить еврейские законы. С кем он учился – неизвестно, в его дневнике упоминается Авраам Эзра, но, зная его характер, можно предположить, что учился он в основном сам, в одиночку.

Также в это время Хавкин начинает финансово поддерживать восточноевропейские иешивы. Через своего друга Александра Кляйна он, в частности, передает значительную сумму для поддержания иешивы Мир в России. Это кажется чудом, но он будет поддерживать ту же иешиву Мир и через 120 лет (!) – через фонд, созданный им (мы расскажем об этом подробнее ниже). А пока Хавкин постепенно приходит к пониманию, что безусловно важное светское образование должно сочетаться с более глубоким – религиозным.

Будучи основательным человеком, Хавкин планирует свою жизнь после возвращения из Индии: где жить, чем заниматься.

В это время к нему приезжает Мордехай Рабинович, его старый друг еще по Одессе, и с восторгом рассказывает, что в Эрец Исраэль будет создан институт бактериологии, связанный с университетом, который также планировалось открыть в Иерусалиме. Хавкин, первоклассный ученый, как никто другой подходит для того, чтобы возглавить такой институт, он серьезно задумывается о переезде из Индии в Землю Израиля.

30 июня он просит Рабиновича о более точной информации, заявив, что собирается отправиться в Израиль, организовать там лабораторию и жить вместе со своим народом. Но история («история», почти «из Торы» — т.е. все описано в Торе) распорядилась иначе и не позволила случиться переезду Хавкина в Израиль. 1 августа 1914 Германия объявила войну России, 4-го Англия вступила в войну... Переезд в Эрец Исраэль пришлось отложить.

ГЛАВА 8.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В ДОРОГУ!

Весной 1915 Хавкин отплыл на корабле, но не в Израиль, а... в Америку. Шла Первая мировая война, и в Америку в те годы прибыло около двух миллионов евреев, из них половина – из России. В Израиле же в то время жило 80 тысяч евреев.

Так начиналась третья по счету жизнь Хавкина – после жизни Хавкина-народовольца и Хавкина-ученого – жизнь Хавкина-ортодоксального еврея, представляющаяся нам наиболее полной и осмысленной. Началась она весьма странно – с почти кругосветного путешествия, во время которого он совершил два трансокеанских плавания.

Достигнув возраста 55 лет, доктор Хавкин вышел на пенсию, и это была вполне достойная пенсия Британского государственного служащего. Любой университет Европы и Америки был бы рад пригласить его на должность профессора. Палестина была практически закрыта, поскольку шла война, а о возвращении в Россию он, скорее всего, не думал.

Начал Хавкин свою пенсионную жизнь с путешествия. В Индии он сел на японский пароход Fushimu Maru и отправился в Китай. Там он провел полную неделю, посетив Гонконг и Шанхай.

Судя по записям в его дневнике, Китай Хавкину не понравился – он писал, что люди неряшливы и безответственны, улицы грязны, а обслуживание очень плохое.

Из Китая он отплыл в Японию и в мае 1915 ступил на причал Нагасаки. В Японии ему понравилось всё: чистота и порядок, дисциплина и этикет. В дневнике он пишет о группе школьников, восхищающихся своим национальным храмом, об их гордости за свою нацию и государство, о полицейском, который помогал приезжим ориентироваться в незнакомом месте. Хавкин даже посетил Кендо – бой на бамбуковых палках и соревнования по национальной борьбе Сумо. Единственным местом, которое ему не понравилось, оказалась, как это ни странно, бактериологическая лаборатория в институте инфекционных болезней в Токио. Он посетил ее 12 июня 1915 года. В дневнике он пишет, что обстановка в лаборатории не чистая, люди суетливы, и по сравнению с лабораторией в Бомбее все организовано хуже.

Из Японии через Тихий океан Хавкин отправляется в Америку. Эта поездка имела конкретные цели и не была просто путешествием (к этому времени путешествий было достаточно). Вероятно, он рассматривал Америку как место постоянного жительства. Европу он уже хорошо знал и не имел никаких иллюзий о ней, Израиль был закрыт, так как находился под контролем Османской империи, с которой шла война, так что Америка вполне могла бы стать его домом, как для многих евреев до и после него. Но это не было основной целью поездки в США. Прежде всего он хотел познакомиться с жизнью и деятельностью американских евреев и особенно жителей сельскохозяйственных сообществ, которые он рассматривал как модель развития сельского хозяйства Палестины (подробнее об этом мы поговорим ниже).

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСТВА К НАЧАЛУ ВОЙНЫ

А сейчас вернемся немного назад, к последним годам жизни Хавкина в Индии, когда происходило его приближение к традиции предков. Марк Поповский в своей книге пишет, что Хавкин пришел к иудаизму одномоментно. Но я совершенно уверен, что

Хавкин шел к этому медленно, постепенно, и главное, очень осознанно – на основании своих знаний и глубоких размышлений, своего аналитического ума и широкого жизненного опыта.

Очевидный вопрос: как так получилось, что светский человек, с детства оторванный от своих корней, языка и традиций, бывший народоволец, гениальный ученый и вдруг стал... религиозным человеком, выбрав для себя не просто иудаизм, а именно ортодоксальную его разновидность как единственно правильный путь, которого он будет держаться до конца жизни? Вероятно, была не одна причина, и не только одиночество, как пишет Поповский, хотя это, возможно, тоже повлияло на него. Это решение также не связано только с проблемами, с которыми Хавкин столкнулся ранее – трагедии в Малковале (как мне сказал сотрудник архива в Иерусалимском университете: «когда у человека появляются проблемы, он идет в синагогу»). Хотя, возможно, на его приход к религии повлияли и проблемы. Еще одной причиной, безусловно, являлась его забота о людях, всегда характерная для Хавкина и в молодости, и во время борьбы с болезнями. Все эти причины влияли на его приход к религии, но главная из них – это, безусловно, поиск **Истины**. Хавкин как гениальный ученый стремился понять не только законы природы, но и цель создания человека.

Долго размышляя, он нашел четкие и ясные ответы и понял, что они находятся в Торе, в исполнении ее заповедей. Это было непростое и совсем неочевидное решение, которое сильно противоречило ситуации, сложившейся в мире. Если посмотреть на положение, в котором находилось еврейство к началу первой мировой войны, то картина была пестрой и противоречивой.

Еще за сто лет до этого в мире практически не было нерелигиозных евреев: все евреи были религиозными и соблюдающими традицию, иногда тайно, когда их преследовали, или открыто, когда наступали лучшие времена. Но к началу XIX века под воздействием прогресса в науке и технике, после революций во Франции и Америке евреи многих стран, в основном, Европы, стали выходить из территориально-географической и духовно-моральной черты оседлости: из гетто – в так называемый «свободный мир», выходя тем самым и из еврейства.

Германия оказалась лидером этого процесса – именно там возникло XVIII в конце века движение Аскала (т.н. «еврейское просвещение»). И, хотя его основатель Мозес Мендельсон не призывал к ассимиляции, и сам до конца своей жизни оставался религиозным евреем, но его последователи, названные «маскилим», пошли гораздо дальше в своих требованиях отбросить устаревшие еврейские традиции и религиозные предписания. Дошло до того, что евреи Германии стали называть Берлин современным Иерусалимом, строить синагоги по типу костелов и проводить службы на немецком языке в сопровождении органа, подобно своим христианским соседям. Казалось, они говорили логично: «Мы прежде всего немцы, наш язык и культура – немецкие». И действительно, евреи Германии составляли большинство университетских профессоров на кафедрах немецкой словесности и литературы, их было огромное число в средствах массовой информации и пропаганды, банковском деле и юриспруденции. Парадоксально, но факт: некоторые из них были действительно большими немцами, чем сами немцы – они знали немецкий язык и культуру лучше, чем немцы, среди них были выдающиеся писатели и поэты, политические деятели и экономисты. Они ратовали за просвещение и отход от устаревших традиций. Чем это закончилось, мы теперь знаем, но тогда это было совсем не очевидно.

Вот далеко не полный перечень течений в еврействе, сложившихся к началу мировой войны:

- евреи, сохранившие свою традицию только в виде отмечания праздников или кулинарных традиций (да и сейчас таких большинство в мире);
- евреи-атеисты, не верящие в Создателя и не соблюдающие традиций, но считающие себя евреями;
- ортодоксальные евреи;
- евреи-марксисты, которые и евреями себя не считали;
- евреи-сионисты, ратующие за переезд в Палестину, будучи атеистами;
- религиозные сионисты;
- анархисты;
- религиозные реформисты двух типов: консерваторы и реформисты (сейчас таких большинство в Америке).

В такой разнообразной картине выбрать для себя ортодоксальный иудаизм было совсем не очевидно и не просто. Владимир Хавкин хорошо знал все эти течения еврейства, причем знал изнутри, имея множество друзей и знакомых. Но он выбрал для себя ортодоксальный иудаизм, так как считал, что это единственное из всех течений, которое имеет будущее.

Теперь, с высоты нашего времени, мы знаем, что есть доля истины в мнении Хавкина – где эти еврей-анархисты, социалисты, коммунисты, где эти реформисты и консерваторы? История дает ответ, что они растворяются и исчезают через 2-3 поколения... Посмотрите на великолепные консервативные синагоги – в современной богатой Америке они полупустые. Но ортодоксальный еврей как существовал много веков до того, так существует и поныне.

Понимая это, Хавкин еще более укрепляется в верности Торе, в изучении и исполнении ее заповедей. Именно тогда он задумывает написать свой выдающийся труд «Апология ортодоксального иудаизма», который, как и вакцины Хавкина не только опередил свое время, но и спас и продолжает спасать многих людей. Конечно, только тех, кто их применяет – это касается как вакцин, так и иудаизма.

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Давайте вернемся в 1915 год, на пароход, на котором наш герой плывет через Тихий океан из Японии в Америку. Незадолго до прибытия в Сан-Франциско на пароходе произошел несчастный случай, глубоко потрясший Хавкина – одна из пассажирок парохода случайно или умышленно упала за борт. Сирена тревоги, корабль, естественно, тормозит и останавливается, чтобы спасти несчастную, но поиски, к сожалению, ни к чему не приводят. Страшная трагедия на глазах у всех, Хавкин удручен и подавлен, но в не меньший шок его повергло, когда один из пассажиров, элегантно одетый американский джентльмен в беседе с ним посетовал на то, что они потеряли целый час времени из-за этого инцидента. Вот как современный цивилизованный и благополучный американец

оценивает человеческую жизнь. Потом, путешествуя по стране, он увидит, что для многих здесь время и прибыль важнее человеческой жизни. Возможно, тогда он и укрепился в решении вернуться в Европу, но сейчас корабль пристает к Сан-Франциско и впереди у Хавкина продолжительная поездка по Соединенным Штатам.

29 июня пароход заходит в порт Сан-Франциско. Запись в дневнике Хавкина: «Токио является маленькой деревней по сравнению с Сан-Франциско. Огромные здания, массы хорошо одетых людей и огромное количество автомобилей производят хорошее впечатление». Через несколько дней 4 июля – День независимости, толпы народа празднуют национальный праздник: в основном это семьи с маленькими и большими детьми, нет полиции, нет страха, нет пьяных.

СЕЛЬХОЗКОММУНЫ В АМЕРИКЕ

Первое, что Хавкин делает, прибыв в Сан-Франциско, – берет телефонный справочник и в разделе «церкви» находит и выпишивает адреса всех синагог. Он встречается с руководством местной еврейской общины и просит показать ему местные еврейские сельхозкоммуны. Чтобы понять, зачем это ему понадобилось, нужно вернуться немного назад, когда, еще находясь в Индии, он постоянно задумывался о возврате евреев на их историческую родину, в Землю Израиля. У него даже был свой проект помощи еврейским общинам в Земле Израиля, с которым он обратился к султану Османской империи через своего друга Ага-Хана.

Хавкин размышлял о возможности скорого возникновения еврейского государства – конечно же, в Палестине, в месте, указанном самим Создателем, Уганду или другие варианты Хавкин даже не рассматривал. Он предвидел скорое прибытие на Святую землю множества евреев – где и как им жить, чем заниматься, чтобы прокормить себя и свои семьи? Палестина в то время была сельскохозяйственной областью, и логично было бы прибывшим владеть основами земледелия. Хавкин рассуждал, что было бы хорошо им приехать на святую землю уже профессиональными фермерами, привезя с собой опыт возделывания полей, садов,

теплиц и огородов. А еще лучше, если бы они могли работать на земле сообща, сельхозкоммунами. По мысли Хавкина, такие коммуны могли бы сделать эту землю богатой и процветающей. Так и случилось впоследствии – сейчас маленький Израиль не только обеспечивает себя, но и поставяет сельхозпродукцию по всему миру. Автор этого текста в Хьюстоне покупает в корейском магазине израильские помидоры, хурму и прочие овощи и фрукты – разве это не пророческое предвидение Хавкина?!

Итак, еврейские сельскохозяйственные коммуны – основа будущей страны. К этому времени в Америке такие коммуны уже существовали, и Хавкин решил познакомиться с их опытом – насколько они действенны и жизнеспособны. Он начал ездить по сельхозкоммунам в США. Эта идея не давала ему покоя и после – когда в 20-х годах в СССР возникли еврейские колхозы, Хавкин поехал и туда, но это уже совсем другая история. И хотя в обоих случаях его ждало разочарование, для Израиля всё в конечном итоге обернулось к лучшему.

Начиная свою поездку, Хавкин прибывает на поезде в Сакраменто и тут случается неожиданная встреча! На перроне его встречает Симха Любарски, президент сельхозкоммун всей Калифорнии и старый друг Хавкина из Одессы – с ним вместе они участвовали в студенческих движениях, бывший народоволец, который оставил университет и уехал в Америку, где присоединился к движению по расселению евреев в сельской местности. Он получал от государства на льготных условиях участки земли, сначала в Нью-Джерси, а в 1897 году, переехав в Калифорнию получил сразу 17 участков земли и поселился там с восемью другими семьями, возглавив это движение.

Наш герой начинает путешествовать по американским коммунам Калифорнии со своим старым другом Симхой. У Любарского было четыре взрослых сына, две замужние дочери и много внуков. Поначалу Хавкин впечатлен увиденным, но по мере знакомства с жизнью работавших на земле поселенцев в его дневнике появляются записи о разногласиях в их среде и даже в семье самого Любарского. Он пишет о брошенной и поломанной технике, о болтающихся дверях, описывает неправильно установленный насос, который не способен качать из земли воду и о котором никто не

заботится. Педантичный Хавкин не принимает такое, на страницах его дневника встречаются слова «некомпетентность», «безответственность». Хавкин видит причину в том, что поселенцы тратят не свои деньги, а полученные из благотворительных организаций и банков.

Хавкин едет на поезде через Юту и Колорадо, пересекает Американскую пустыню и фиксирует в своем дневнике все, что видит, чуть ли не поминутно. Несмотря на критику (на бесхозяйственность и безответственность в использовании не своих собственных средств), он все же смотрит с оптимизмом на еврейское сельское хозяйство. Он надеется, что в конце концов ответственные и обладающие хорошими знаниями и ноу-хау еврейские сельскохозяйственные антрепренеры достигнут успеха. Так это и случилось, но не сразу, а через 50 лет, и не в Америке, а в Государстве Израиль.

А пока в Америке Хавкин не удивлен их примитивной и не слишком вежливой речью – ведь они работают на земле (Хавкин пишет, что они произносят сквозь зубы только два слова – «yes» и «sure»), но он сильно удивлен и разочарован их отрывом от родительских семей и отрывом своих детей от учебы и традиции.

ЕВРЕИ В США

В Чикаго Хавкин посещает разные места – и мясокомбинат, где он встречается с его богатым хозяином, бизнесменом и филантропом Джулиусом Розенвальдом, и Чикагский университет, знакомясь с его профессорами. Осмотрев Ниагарский водопад, 27 июля Хавкин приезжает в Нью-Йорк и останавливается в шикарном отеле «Балтимор». В Нью-Йорке он гуляет по небогатым еврейским районам, с удовольствием слушая с детства знакомую и приятную сердцу речь местных евреев на идише, принимает участие в разговорах на этом языке. Судя по его дневнику, ему ничего человеческое не чуждо – он с удовольствием кушает в местных кошерных ресторанах, покупает сувениры в маленьких лавочках и книги в книжных магазинах. Вечерами он посещает театр – особенно ему понравилась пьеса «Воскресение» по роману Льва

Толстого в театре Kessler's Roof Garden Theatre – представление его настолько впечатлило, что он прослезился.

В дневнике Хавкин отмечает, что религиозность людей исчезает, вытесняемая бизнесом. Он описывает случай, когда редактор еврейского журнала договорился с ним об интервью (а желающих взять у него интервью было множество) и назначил встречу в редакции в субботу (еврейский журнал и в Субботу?!), а когда Хавкин отказался, он сам приехал к нему в отель в субботу на завтрак.

Хавкин слышит и читает о мультикультуре, об американском «плавильном котле», особенно в университетах, и это его не радует, он это категорически не приемлет. Он встречается с людьми, называющими себя сионистами. Известный американский государственный деятель и философ Хорас Каллен в беседе с Хавкиным утверждал: «Как только мы получим государство в Палестине, его жители станут христианами, если они этого желают». Хавкин ответил, что если встанет выбор между государством и религией, евреи без колебаний должны выбрать религию, потому что, потеряв государство 2000 лет назад, евреи сохранились как народ, но когда они отказываются от религии, то исчезают уже через 2-3 поколения. Об этом свидетельствует вся еврейская история и современность – сохранить евреев могут не границы государства, а Тора и выполнение ее предписаний. Понял ли это уважаемый политик и философ Хорас Каллен, неизвестно.

Хавкин хочет все это сказать публично, и когда Генри Гурвиц, редактор The Menorah Journal, обратился к нему с предложением написать статью в этот известный журнал, Хавкин понял, что настало время изложить свою позицию в виде текста. Этот текст вошел в мировое еврейское наследие под названием «Апология ортодоксального иудаизма». Его мы обсудим ниже, ну а пока наш герой продолжает свои поездки по сельскохозяйственным коммунам восточного побережья страны. Судя по его дневнику, в целом его разочаровало то, что он видел и слышал. Члены коммун подходили к делу чисто по-американски – как к очередному бизнесу. Получив землю от еврейских благотворительных организаций почти бесплатно или с большими скидками, они пытались быстро выжать из нее максимальную прибыль, а потом так же быстро ее бросали и уезжали в Нью-Йорк, Чикаго или

Сан-Франциско. При этом и бизнесменами они были неважными – вы можете себе представить, чтобы евреи оказались плохими коммерсантами? Но они выхолостили из своих коммун все еврейское, оставив только название – Хавкин сразу обратил на это внимание. Были забыты или не соблюдались еврейские религиозные праздники, обычаи и обряды, в том числе, касающиеся обработки земли и выращиванию животных. Нечто похожее он увидит через десять лет на другом конце земли – в далекой России, в таких же сельхозкоммунах под названием «колхозы», и то же самое произойдет еще через десять лет уже в самой Палестине, когда в 1930-е годы ее начнут осваивать приехавшие из Европы евреи и неевреи.

Недавно я был в Израиле в одном кибуце, основанном приехавшими в 30-е годы немцами, что интересно, они были профессиональными фермерами. Но ужасные условия – малярия, засухи, неурожай – вынудили их бросить всё и вернуться в Европу. Только через десять лет, уже после образования Государства Израиль, когда из Европы приехали евреи, этот кибуц превратился в процветающее хозяйство с двумя синагогами. В кибуце сейчас соблюдаются год шмиты, Шаббат и все праздники, а свою продукцию они поставляют во многие страны мира. Действительно, как сказано в Торе, эта земля будет процветать только для евреев, и только если они будут жить на ней по законам Торы. Так это в итоге и получилось, а Хавкин это понимал и предвидел.

Но вернемся к поездке Хавкина по Америке: в августе он побывал в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Деламэре, Балтиморе и Чикаго.

УГРОЗА АССИМИЛЯЦИИ

Кроме сельскохозяйственного бизнеса Хавкина во время поездки интересовала жизнь американского общества и, конечно, евреев. Судя по дневникам, его мысли постоянно были заняты судьбами евреев и еврейства в целом. Свои взгляды на эту тему он впервые изложил в интервью газете Jewish Daily News в августе 1915. В этом интервью, больше похожем на статью, он касается трех тем – еврейства, религии и науки.

Корреспондент задает ему вопрос: «Не кажется ли доктору Хавкину, что стремительный научный прогресс последних десятилетий подрывает еврейскую религию? Ответ Хавкина: «Все обстоит совсем иначе, наука не подрывает еврейскую религию, сама наука не могла бы существовать без учения иудаизма. Более того, прогресс науки подводит нас к концепции вселенной, на которой основан иудаизм». И далее: «Еврейская концепция, согласно которой энергия всей вселенной имеет лишь один-единственный источник – Бога – это тот вывод, к которому в конечном счете сводятся все научные доводы». Это он пишет задолго до теории «Большого взрыва», формулы энергии Эйнштейна, которые в дальнейшем и подтвердят существование единственного источника. «Нет оснований полагать, что прогресс в различных наших знаниях подорвет или изменит этот основной принцип». И, как позже и было подтверждено, этот принцип не только не был подорван или изменен, но был вскоре блестяще доказан самой наукой – той же формулой Эйнштейна о переходе энергии в массу, а также другими физическими теориями, включая теории расширения вселенной, «большого взрыва», сингулярности и проч.

Важно, что на этот вопрос отвечает не раввин с бородой и пейсами, а ученый с мировым именем, современно одетый, и на первый взгляд совершенно светский, который много путешествовал и много повидал, жил на Западе и на Востоке.

Во время поездки по Соединенным Штатам Хавкин встречается не только с религиозными деятелями, но и с учеными, политическими деятелями и людьми искусства. В своем дневнике он описывает встречи с философом и политиком Горацием Калленом, с членом Верховного суда Феликсом Франкфуртером. Также охотно он встречается и разговаривает с простыми людьми, ходит по магазинам и кошерным ресторанам, посещает театр.

Во время этих поездок он многое видит, много думает и пишет о науке и религии. В своей выдающейся статье «Апология ортодоксального иудаизма», опубликованной в журнале «Менора», он касается этой и других тем, и главное, затрагивает вопрос о том, как евреям выжить в современных условиях, не исчезнув как нация.

Прежде всего его заботит молодое поколение, он понимает угрозы, нависшие над ним из-за прогресса науки и ошибочного

мнения о том, что наука – враг религии. «Религия – опиум для народа» – это все, что знали о религии многие люди того поколения. Это высказывание предполагает, что они знали, что такое опиум, но не знали, что такое религия – и это не шутка, а горькая истина.

Хавкин ясно понимал, что отход от религии под предлогом прогресса, не только и не столько ошибочен, сколько опасен, поскольку ведет к исчезновению евреев как народа. Этот процесс, тогда еще только начинавшийся в Германии, Франции, а впоследствии и в России, привел к потере миллионов представителей еврейского народа. И этот процесс, к сожалению, продолжается и даже усиливается в современных Европе и Америке.

А начало этому было положено еще когда под предлогом просвещения сложилось снисходительное отношение к религии, прекратились религиозное образование и учеба, перестали соблюдаться традиции и заповеди. И если в СССР этот отход был вынужденным, под действием давления, угроз, массовой пропаганды со стороны гигантского коммунистического аппарата, то на свободном Западе эти процессы происходили добровольно.

В то время Хавкин пишет в своем дневнике, что угроза ассимиляции более опасна, чем погромы, а что такое погромы он знал не понаслышке. И он писал это более 100 лет назад. Парадоксально, что и сейчас, с высоты нашего времени, многие этого или не понимают, или просто не хотят понимать – видимо, так им спокойнее. В современном мире людям кажется, что можно прожить вполне комфортную и даже успешную жизнь без религии, изучения Торы, без выполнения ее предписаний и прочих «заморочек». Но в этом случае их исчезновение как евреев неизбежно, если не их самих, то их детей или внуков. Эта азбучная истина, которую должен знать каждый, считающий себя думающим или просто образованным евреем.

ХАВКИН В ЛОНДОНЕ. ПРОПАВШАЯ РУКОПИСЬ

После двухмесячной поездки по Соединенным Штатам Хавкин возвращается в Англию по приглашению правительства Британии. 4 сентября 1915 года он садится в Нью-Йорке на пароход

«Святой Пауль», чтобы пересечь океан. Это плавание вовсе не было безопасным: шла война – как на суше, так и на море. Его встретил военный Лондон: кругом солдаты и военнослужащие, армейские машины и машины скорой помощи, заклеенные и разбитые окна, постоянные ночные бомбардировки с аэростатов. Хавкин остановился в шикарном «Особняке королевы Анны», и здесь началась еще одна весьма загадочная часть его биографии.

Испытывая недостаток в живой силе, Англия привезла из Индии корпус военнослужащих в несколько тысяч человек на фронт с Германией. Вся английская армия получила прививки от брюшного тифа, но не была привита от паратифа А и Б. Встал вопрос: следует ли прививать войска от паратифа и прививать ли экспедиционный корпус из Индии? Мнения разделились – были как сторонники, так и противники вакцинации, впрочем, как и сейчас. Сторонниками были в основном медики, а противниками – генералы, они опасались, что побочные действия прививки снизят потенциал солдат в бою, возможность заболевания солдат их не так волновала. Поэтому Хавкин был приглашен правительством Великобритании, а точнее министерством обороны в район Милбэнк (там до сих пор много правительственных учреждений).

Тщательно изучив все материалы и взвесив все «за» и против, в ноябре 1915 года Хавкин в присутствии многих военных чинов и медиков делает доклад, в котором однозначно выступает за вакцинацию. Более того, он предлагает привить прямо сейчас 300 человек в Милбэнке, чтобы показать, что вакцина легко переносится. Авторитет Хавкина-ученого преодолел сопротивление военных чинов, и через месяц в январе 1916 года началась массовая вакцинация войск. Интересно, что позже Хавкина даже хотели представить к какой-то правительственной награде за это или за что-то другое, но... не нашли его и его адреса.

Это все было интересным, а теперь – о загадочном. Загадочным в его деятельности в Британии в то время был вопрос, который очень интересовал английское правительство: могут ли вакцины от тифа, чумы и холеры использоваться в качестве бактериологического оружия. Немцы к тому времени уже использовали химическое оружие, и была высокая вероятность разработки и использования также оружия бактериологического.

Остается загадкой, предлагали ли Хавкину участвовать в создании самого оружия или только защиты от него? Принял ли он эти предложения? Учитывая нравы всех правительственных служб, думаю, что не должно быть на этот счет особых иллюзий.

Хавкин как человек, который разработал, проверил и наладил производство вакцин от таких страшных болезней, как чума и холера, конечно же, потенциально мог участвовать и в создании бактериологического оружия. Лучшего эксперта в этом вопросе, чем Хавкин, в мире не было. Зная натуру Хавкина, можно предположить его однозначный отказ от участия в создании такого оружия, но что касается защиты от бактериологического оружия... Ответы на эти и другие вопросы можно было бы найти в архивах Лондона, но мне, к сожалению, не удалось до них добраться. Думаю, что многие документы до сих пор лежат в архивах под грифами «секретно» и «совершенно секретно».

Но гораздо более существенным для ответа на этот вопрос является то, что я НЕ нашел – и это поистине загадочная, почти детективная история, но начнем по порядку.

Большую работу в архиве Хавкина проделала, как известно, в 70-80-х годах Эдит Лутцкер, дама очень активная, она даже приезжала за железный занавес в 70-е годы в СССР, где встречалась с Марком Поповским, написавшем книгу о Хавкине. И вот некто, чье имя она так и не раскрыла (и, вероятно, унесла с собой в могилу), по ее поручению и при финансировании какого-то фонда, собирает огромный материал в архиве Хавкина, даже пишет книгу о нем, в которой аж 12 глав. Мисс Лутцкер, конечно, собирается это все опубликовать в виде книги – ведь материал собран колоссальный, но, к сожалению, не успевает, умерев в августе 1991. Перед смертью она передает Марку Поповскому только две последние главы этой книги, и тот который сразу же использует их в своей книге о Хавкине, но вскоре и он умирает.

Мне удалось найти архив Марка Поповского в Колумбийском университете, и в нем были те две главы из книги неизвестного автора. В них описывался как раз период с сентября 1915 по февраль 1916 годов, когда доктор Хавкин жил в Лондоне. Когда мне принесли коробку с папкой о Хавкине, и я увидел рукопись неизвестного автора, напечатанную на пишущей машинке, именно

эти две главы, – я был уверен, что сейчас откроется тайна деятельности Хавкина в Лондоне в этот период! Я открывал папку за папкой, мой пульс и сердцебиение увеличивались по мере того, как я вчитывался в страницу за страницей. Но каковы были мое удивление и разочарование, когда я не нашел ни одного (!) слова об участии Хавкина в работе на военное ведомство. Было много интересного об этом периоде, но ни слова о деятельности Хавкина для британского правительства. Возможно, кто-то очень тщательно поработал над описанием именно этого периода в его жизни, убрав всю нежелательную информацию. В то же время все остальные события описаны очень подробно, буквально день за днем. Незвестный автор упоминает о телефонных разговорах, посещении различных лекций, работе над статьями, даже о посещении кошерных ресторанов (забавный случай я приведу ниже), но без малейшего упоминания о его деятельности на правительство Британии.

Возможно, ответ на этот и другие вопросы можно найти в его дневниках, и я снова решил отправиться в Иерусалим, в Еврейский университет, где находится в настоящее время архив Хавкина. И, когда мне вынесли личный рукописный дневник Хавкина этого периода, мое сердце снова резко забилося.

Сотни страниц его дневника оказались написаны почерком настолько мелким и неразборчивым, что я не мог разобрать содержание этих записей, кроме отдельных слов, предложений и некоторых дат. И тогда я стал просто выписывать даты записей дневника, и, к моему изумлению, обнаружилось, что даты дневниковых записей идут не по порядку, отсутствуют целые периоды. Вероятно, кто-то изъял некоторые страницы дневника и вставил на их место другие. Возможно, это был сам доктор Хавкин.

Известно, что перед смертью Хавкин открыл в Швейцарском банке ячейку для хранения и поместил в нее некоторые документы и 50 страниц своего личного дневника, начиная с 1878 года. Известно, что там находятся некоторые личные, в основном романтические страницы и письма из его архива, но возможно – и часть материалов, связанных с его работой на Британское правительство в тот период. Но пока это все остается тайной – как известно, швейцарские банки не любят раскрывать свои секреты.

Список его встреч очень внушителен и включает таких знаменитостей как Мьюир Маккензи, Херон Максвелл, сэр Дэвид и леди Брюс, Эдвин Монтегю, лорд и леди Суэйтлинг, Герберт Сэмюэл (последний вскоре станет наместником Британии в Палестине). И ни одного, подчеркну: ни одного слова о работе на Британское правительство.

Возможно, кто-то неизвестный сам или по чьему-либо указанию просто убрал все данные об этой работе, но в очень подробных, часто ежедневных записях Хавкина само это отсутствие малейших упоминаний наводит на определенные выводы. Так что этот вопрос остается открытым с тремя возможными вариантами ответа:

1. Доктор Хавкин работал в Англии над созданием биологического оружия. Писатель Давид Маркиш в своем фантастическом романе о Хавкине называет его чуть ли не первым создателем биологического оружия в мире. Хотя мне лично не очень нравится, когда в книге о личности масштаба Хавкина пишут подобные домыслы, не обоснованные реальными фактами. Думаю, что это не совсем этично.

2. Хавкин сам не пожелал участвовать в этих программах. И я считаю этот вариант наиболее вероятным, зная его натуру. Этим, возможно, объясняется его быстрый отъезд из Англии.

3. Ему просто не предложили участие в такого рода деятельности, зная его характер и не имея возможности его заставить. А может быть, ему просто не доверяли, опять-таки изучив его жизненный путь и личность.

А вот и обещанный забавный случай из жизни евреев в Лондоне того периода. Однажды Хавкин искал кошерный ресторан в Лондоне, который бы отвечал двум критериям – был строго кошерным и достаточно чистым. В конце концов он нашел ресторан, в котором его все устраивало: меню, чистота и обслуживание. Ресторан назывался «Абрахамсон». Одно ему показалось странным – ресторан работал до глубокой ночи. Кто ночью ходит в кошерный ресторан? Еще более странным было наличие множества темных стекол и непрозрачных перегородок между столиками. И только через какое-то время до Хавкина дошло, что ресторан часто использовался – кем бы вы думали – еврейскими проститут-

ками и их клиентами. Представительницы древнейшей профессии, вероятно, допоздна работали по своей совсем не кошерной профессии, но потом шли кушать... строго в кошерный ресторан! «Вот как сохраняется кашрут в Лондоне и Нью-Йорке» – записал Хавкин в своем дневнике.

ПАРИЖ. 1916 ГОД

Довольно быстро закончив работу в военном министерстве, консультируя по прививкам от тифа, Хавкин решает отправиться во Францию. 2 февраля 1916 года он садится на поезд, затем на пароме пересекает Ла-Манш и прибывает в Париж.

И снова, как в молодости, Хавкин в Париже. Это уже не тот молодой эмигрант из России, каким он был, когда впервые приехал сюда в 1890-е – он вернулся человеком с мировым именем, который достиг многого и для которого открыты многие двери. После поездок и размышлений Хавкин решил выбрать Париж местом своего постоянного жительства. Интересно, что по приезду в Париж он все записи в дневнике ведет на французском языке.

В Париже Хавкин три месяца весьма скрупулезно занимается изучением недвижимости и в итоге покупает себе небольшой дом по адресу улица Виктора Гюго, 17. Этот адрес будет часто упоминаться в дальнейшем.

Одним из первых его визитов в Париже, был, конечно, визит к учителю – Илье Мечникову. Мечникову 72 года, и он лежит в постели после перенесенного инфаркта. Хавкин садится рядом с кроватью своего учителя, они мирно беседуют. Жить великому ученому оставалось недолго – 15 июля Мечников умер, был кремирован и захоронен на кладбище Пер-Лашез.

На траурной церемонии Хавкин увидел в толпе молодого человека, убого одетого, как пишет он в своем дневнике. Их взгляды встретились, и молодой человек, смущенно опустив глаза, собирался уйти. «Гриша!» – позвал его Хавкин. Это был его племянник Григорий Хавкин, сын Павла, старшего брата по отцу. Студентом в Одессе он был активным революционером, был исключен из университета, прошел тюрьму и ссылку в Сибирь, откуда бежал и

сейчас кое-как перебивался в Париже как политический беженец. «Гриша!» – еще раз позвал его Хавкин, и тот подошел к нему, полагая, что дядя не захочет иметь с ним ничего общего, так как было известно его прохладное отношение к многочисленным родственникам, которые постоянно атаковали его письмами, просьбами и личными встречами, пытаясь использовать финансово.

Началась их беседа, Хавкин сказал, что они с Гришей могут быть друзьями, он посоветовал ему найти постоянный источник дохода, например, работать на одну из русскоязычных газет Парижа. Гриша пообещал прислушаться к этому совету и... исчез.

В первый год Хавкин встречается в Париже со многими совершенно разными личностями, часть из них впоследствии станут его друзьями и соратниками по совместной общественной деятельности. Вот некоторые из них: Израиль Леви, главный раввин Франции, художник Эммануэль Вайль, скульптор Наум Аронсон, ученый и лидер сионистов Франции Соломон Рейнак, ученые Андре Спир и Эмиль Мейерсон, барон Гинзбург, внук еврейского мецената, винопроизводителя Гинзбурга – того самого, в компании которого работал отец Хавкина. Интересно, что у барона Гинзбурга остались очень хорошие воспоминания об отце Хавкина, он говорил, что тот был всегда желанным гостем в доме Гинзбургов, его называли «наш Хавкин». Барону приятно было встретить его сына, доктора Хавкина, это было приятно и самому Хавкину. Это несколько противоречит характеристике, данной отцу Хавкина Шаулем Черниховским.

Теперь Хавкин соблюдает все правила и законы ортодоксального еврея: Шаббат, кашрут, праздники... Характерный пример: Хавкин не только сам не занимается делами в субботу: не прикасается берет к ручке или карандашу (в Шаббат запрещено писать), он даже делает замечание барону Ротшильду, который часто навещал своего нового друга по субботам, и при этом делал какие-то заметки, связанные с бизнесом.

Закончилась мировая война, произошло изменение границ странами-победителями. Сионистское движение добилось крупного успеха – была оглашена Декларация Бальфура, Великобритания получила мандат на всю территорию Палестины, появилась надежда на создание еврейского государства. Однако Хавкин не

разделяет общего восторга, в Индии он хорошо изучил колониальные повадки империи, ему известно, что, получив нечто, Англия очень сильно не желает с этим расставаться. Хавкин не тешит себя надеждами и открыто говорит о разочаровании, которое ждет евреев. На него смотрят как на одинокого плакальщика за общим веселым столом. Увы, многие его печальные предсказания оправдались и достаточно скоро.

АПОЛОГИЯ ОРТОДОКСАЛЬНОГО ИУДАИЗМА

В это время, в 1916 году в журнале «Менора» выходит статья Хавкина, а позже она печатается в виде брошюры, и о ней хотелось бы поговорить подробнее. Чтобы понять, насколько далеко Хавкин предвидел и понимал судьбу евреев, необходимо прочесть эту статью, перевод которой приведен далее.

Хавкин-человек, участвовавший в борьбе жизни со смертью и открывший вакцину для иммунизации людей от смертельных болезней, теперь открыл для себя и других древнюю вакцину для иммунизации еврейского народа: Тору и вечные институты по ее изучению (иешивы и Талмуд-торы). Студенческая среда европейских университетов, в которых воспитывался сам Хавкин, больше не пленяла его душу, он вернулся к своим истокам – к тем, кто изучает Тору.

«Апология ортодоксального иудаизма» – результат раздумий Хавкина, основанных на глубоких знаниях ученого, на его опыте и человеческих качествах. Это статья конкретная, в ней нет ни одного лишнего слова. На первой странице фото автора – лицо Хавкина, как и его статья, излучают доброту, простоту и ясность. В статье нет словесных фейерверков, стремления блеснуть и поразить читателя. Зато есть великая убежденность, прямота и правда. Человек, проживший большую и яркую жизнь, делится своими мыслями и чувствами, подводит итоги. Ему нет надобности щеголять своими знаниями и делами. Это не философия в узком смысле слова. Его тема – истинное учение и вечная ответственность. Автор вовсе не поучает других, он лишь рассказывает о своем опыте. Перед нами исповедь, потрясающая абсолютной искренностью.

Первоначально Хавкин планировал назвать статью «О нашем Народе», потом «О еврейской стойкости», потом «Призыв к ортодоксии», но в апреле 1916 она вышла под названием «Апология ортодоксального иудаизма». Думаю, читателю будет интересно прочесть ее полностью: статья, написанная более ста лет назад, не только не утратила актуальность, но и оказалась в чем-то пророческой.

Главный вопрос для Хавкина – это жизнеспособность и существование евреев как народа, миссия еврейского народа и почему он должен избежать исчезновения.

Илл. 20. Хавкин В. М.

«Как сохранить еврейский народ духовно объединенным и сплоченным, в то время как физически он разрознен и рассеян по всему свету. Сейчас, однако, евреи возгордились собственным разумом и беззаботно преступают законы, данные их предкам. Значение этих законов выражено в формуле завета: «И внушай их детям твоим, и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою твоей, и ложась, и вставая. И повяжи их в знак на руку твою, и да будут они знамением между глазами твоими. И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих»».

И вот какой он дает ответ на этот главный вопрос:

«Так надлежит нам учить наших детей Торе, ежедневно и ежечасно напоминая им о ней. И возлагать на себя *тфиллин* — памятные знаки, напоминающие нам о нашей вере, ибо только благодаря неустанным **воспоминаниям** может сохраниться вера в наших сердцах. Известно всем, что едва человек перестает исполнять принятый им свод законов, он

сразу, не потрудившись разобраться, теряет и веру в истоки кодекса, и в **важность его древнего происхождения**. А спохватывается он и задумывается лишь потом, после того как скоропалительно вынес приговор старым законам и обычаям, объявив их уделом исключительно древних, то есть темных и непросвещенных людей».

Далее на примере других народов Хавкин указывает на конкретные средства:

«Одно из средств сохранить коллективную память – национальные костюмы или особая одежда определенных групп. У сикхов в Индии – племена, известного своей физической красотой, высокой нравственностью и порядочностью, – существует закон, воспрещающий стричь или брить волосы. Мужчины отращивают волосы и завивают их, как женщины; длинейшие свои бороды сикхи заплетают в косички и обертывают вокруг головы. В результате сикха можно безошибочно отличить сразу и повсюду: на рынке индийской деревушки и в лондонской гостинице. Каждый, кто нарушит этот закон, будет отвержен общиной сикхов – будь то крестьянин или принц. Это сильное племя, живущее в стране, населенной множеством народов и народностей, которые отличны друг от друга по происхождению, психологическому типу, обычаям и уровню цивилизованности, пришло к выводу, что группа людей, желающая сохранить групповые узы, обязана закрепить какие-то обычаи и постоянно их придерживаться, дабы выявить свою сущность внутри себя и заявить о ней внешнему миру. Соблюдая свои законы, они демонстрируют перед всеми принадлежность к своему сообществу, игнорируя его — берут на душу грех измены и предательства, потому что, обрывая нить традиции, ставят под угрозу продолжение существования своего сообщества. Обстоятельство, которое учитывают основатели всех государств и военачальники всех армий.

Когда Австралия захотела переменить цвета своего флага, общие для всех стран британского Содружества наций,

это вызвало в Англии настоящую бурю. Жители Соединенных Штатов Америки, сознавая общность происхождения, культуры и психологии между собою и обитателями «Старого Света», а также Канады, Австралии и Новой Зеландии, крайне ревниво относятся, однако, к цветам своего национального флага.

Подобных примеров, свидетельствующих об осознании этой простой истины, можно привести сколько угодно. Именно в ней — причина соблюдения повсюду особых обычаев и законов, ибо все понимают, что, если не подкреплять ощущение общности специальными усилиями и постоянными действиями-напоминаниями, люди потеряют устойчивость и соскользнут в гигантский плавильный горн ассимиляции. А это значит, что все достояния истории и традиции, сокровища опыта и мудрости, полученные от предков, будут утрачены безвозвратно».

Следующее средство для сохранения еврейства он видит в выполнении законов кошерной пищи. В законах кашрута он как ученый также видит рациональное значение для здоровья. Ниже приводится мнение Хавкина на этот счет.

КАШРУТ И СОВРЕМЕННЫЙ МИКРОСКОП

«Многие евреи уверены, что в условиях современной жизни чрезвычайно трудно, а порой и просто невозможно исполнять все еврейские законы и обычаи, но немало есть ценных обычаев и законов, которые выполнимы в любой современной ситуации. Выполнимы и полезны.

К примеру, последние микробиологические исследования показали, что туши животных, предназначенные в пищу человека, следует обескровить. Именно кровь после убоя становится рассадником микробов, вызывающих гниение мяса. То же относится к запрету употреблять в пищу мясо, на котором появились пятна. Эти пятна, как засвидетельствовал микроскоп, — скопления личинок паразитов.

Вполне разумно и предписание из свода законов о дозволенной и недозволенной пище (*кашрут*), касающееся высаливания мяса. Соль – ценное консервирующее средство.

Абсолютно оправдан и запрет пользоваться посудой, которая находилась в контакте, хотя бы мгновение, с нечистым предметом. И такого прикосновения достаточно, чтобы посуда стала источником инфекционных заболеваний. Нет нужды доказывать, что очищение такой посуды должно совершаться с помощью кипятка или на огне...

И тут стоит подумать над тем, что все эти примечательные и важные факты открыты не вчера: законы *кашрута* зафиксированы в Торе и соблюдаются с очень древних времен. Соблюдение этих законов принесло не только прямую пользу здоровью народа, но и помогло евреям осознать свое еврейство и сохранить чистоту нашего народа.

Если многие наши соплеменники неделями и месяцами могут не вспомнить (нет повода!) в школе, конторе или магазине о своем народе и своей вере, то еврей, исполняющий законы *кашрута*, вспоминает о своей религии и связи со своим народом каждый раз, как садится есть, и повсюду, где бы он в этот момент ни находился. Более того, соблюдая эти правила, он снова и снова — добровольно и вполне сознательно — возлагает на себя бремя иудаизма.

Этот добровольный акт отдельного человека, семьи, круга собравшихся за столом друзей постоянно связывает нас с нашими соплеменниками. Благословенной памяти мудрецы наши не зря осудили тех, кто пренебрегает этим законом. В этом осуждении заключены великая правда и глубокий смысл. Во всяком случае, тут неизмеримо больше правды и смысла, чем, например, в воинском уставе, который велит солдату отдавать почести знамени и мундиру.

Действия, которые нужны чтобы в нынешних условиях соблюдать *кашрут*, просты и необременительны для каждого, кто к этому действительно стремится. Именно сейчас, когда нам более чем когда бы то ни было необходимы сплочение и дисциплина, чтобы устоять перед нависшей над диаспорой угрозой гибели, наши духовные вожди и

наставники должны особенно энергично добиваться соблюдения этих законов».

ЯЗЫК ПРЕДКОВ КАК НЕОБХОДИМЫЙ СВЯЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ

«Один из самых важных связующих элементов, постоянно напоминающих людям об их национальной принадлежности, – язык, на котором они говорят, а значит и особенно сти их речевого и слухового аппарата, складывающиеся под влиянием этого языка. Тут, как и во многом другом, дело у современных евреев обстоит неважно. Рассеянные по многим странам, мы в значительной степени утратили этот вид памяти о национальном единстве.

Вместе с тем язык, на котором говорили наши предки в своей стране, жив – и внутренне очень нам близок. Нет ничего особенно сложного в том, чтобы научить детей нашему древнему языку – ивриту, если преподавать его традиционными методами. Берусь утверждать, что такое обучение еще и замечательным образом разовьет в детях способности к другим языкам и наукам.

Служение Б-гу на иврите привязывает молитву к Торе и тем самым поднимает молитву над любыми повседневными занятиями. Как выражение тоски по утешению и спасению или жажды исполнения недостижимого, как мольба о милости и пощаде в минуту скорби и одиночества, как благодарение в момент великого счастья – в этом смысле молитва одинакова у всех, в том числе и «еретиков». Однако образ священнослужения, в котором евреи уединяют в молитве свои сердца, подробности службы и содержание самих молитв, в которых душа изливается перед Б-гом, свойственны только евреям и сливают нацию воедино, ибо одинаков образ молитв во всех концах диаспоры.

Эти заповедные скрепы стали достоянием каждого из нас в силу родительского и учительского труда на протяжении многих поколений. И если изменить в этих молитвах

нечто из формы, установленной древними мудрецами, а особенно – если заменить иврит, на котором сложены молитвы, чужим языком, рухнет фундамент, на котором зиждется особое положение и особая святость наших молитвенных книг. А это значит, что рано или поздно еврейский народ распадется на обособленные группы, которые с легкостью будут поглощены окружающими их народами. Ведь эти народы, кстати, «всего лишь» изменили еврейские молитвы, заимствовав их для своих б-гослужений.

Храня наши молитвы в той форме и в том порядке, как это завещано нам предками, мы предъявляем всему миру неопровержимое свидетельство нашего права на Родину и нашего происхождения из рода составителей молитв и книг Библии. Так что иврит нам куда более важен и необходим, чем валлийский язык – валлийцам, финский – финнам, польский – полякам. А ведь все они считают свой язык достоянием, от которого зависит существование их нации, а поэтому ценят свой язык превыше всего.

Иврит и сегодня дарит нам ощущение братства, объединяя разбросанные по миру и разъединенные огромными расстояниями еврейские общины. Много лет назад, проезжая в обществе английского офицера окрестности Адена, я повстречал двух босых стариков в лохмотьях. Они казались угрюмыми и подавленными, словно заблудились среди тамошних диких скал. При виде европейцев путники хотели свернуть с дороги. Не знаю, что толкнуло меня обратиться к ним, похожим на беженцев-арабов, со словами библейского стиха «Шма Исраэль». И произошло чудо: от одного только звука еврейской речи в них пробудилось чувство их общей со мною родины и веры. Такие угрюмые и дикие, они тотчас просветлели, заулыбались кротко и, подойдя, продолжили начатый мною стих. И я подумал, наблюдая за ними: кто знает, очень возможно, что по крайней мере в одной области старики эти обладают знаниями и мудростью, более основательными и глубокими, чем наши со спутником знания в любой науке.

Недопустимо, чтобы дети и взрослые в еврейских домах не знали или почти не знали иврита. Даже если не каждый ребенок и не каждый взрослый могут понять тексты Торы и молитв до такой степени, чтобы объяснить их и составить свое суждение, все равно чрезвычайно важно – с точки зрения и религиозной, и общественной – произносить эти молитвы на языке наших предков».

И это все было написано в 1915-16 годах, еще до того, как Элиэзер Бен-Иегуда убедил английские власти, и 29 ноября 1922 года иврит стал одним из языков в Палестине.

Следующая тема также актуальна и сейчас.

ЗНАЧЕНИЕ ОСОБОЙ ОДЕЖДЫ

«Тема, к которой мы переходим, для многих, бесспорно, представляется источником затруднений. Рассказывали о благословенной памяти сэре Моше Монтефиоре, одном из наиболее выдающихся сынов нашего народа в XIX в., который всегда ходил с покрытой головой, следуя древнему еврейскому закону. Он не снимал шапки даже на аудиенциях у королевы. Этой деталью рассказчики хотели подчеркнуть благочестивость Монтефиоре – качество, которым он действительно обладал.

Когда мы видим еврея, который поступает подобным образом, строго придерживаясь своей – особой, традиционной – одежды, или женщину, которая в нееврейской среде носит парик по обычаю набожных замужних евреек, сам собой отпадает вопрос, причисляют ли они себя к своему народу – ответ очевиден. В этом – великое достоинство национального костюма. Столь же ясно, что многие из нас не могут его носить.

Моше Монтефиоре, посетив Россию, упрекал тамошних своих соплеменников за то, что они отказались от традиционного платья, которое навлекло на них ненависть соседей. Многие евреи в России и Польше были вынуждены переме-

нить одежду – как и евреи в других странах. Но завет Торы звучит так: «Чтобы они делали себе кисти на краях одежд своих все поколения их и придавали к кисти, которая на краях, голубую нить, и, смотря на них, вспоминали все заповеди Г-спода и исполняли их».

Еврей, который носит под верхней одеждой *талит-ка-тан* и, одеваясь поутру, всего минуту посвятит созерцанию голубых кисточек, не проживет дня, будь он школьник, солдат, торговец или чиновник, чтобы как-то не засвидетельствовать веру, живущую в его сердце. Многие из нас пренебрегают исполнением этой заповеди, а вот общество масонов во всем мире научилось понимать и ценить его значение: члены этого общества всегда носят на одежде особые символические знаки, которые напоминают им везде и всюду об их братстве и союзе».

МОЛОДЕЖЬ И АВТОРИТЕТ ОТЦОВ

«Большие группы людей, в том числе и евреев как большой группы-сообщества, как народа-нации, не могут существовать долго сами собой – требуют постоянного воспитания, выработки привычек. Это достигается сознательными усилиями, применением целой системы запретов и самодисциплины. Наивно ждать от детей и юношей, что они сами подчинят себя определенным требованиям. В детстве и юности неопытны все, а вместе с тем порывисты и дерзки.

У юности – пылкое сердце. Жажда удовольствий, погоня за успехом в жизни, честолюбивые мечты – качества необходимые и полезные в этом возрасте – заслоняют молодым людям дальнюю перспективу, не оставляют времени, чтобы глубоко подумать над нуждами всего народа. У молодых людей обычно нет серьезных знаний, и они не в состоянии оценить знания старших, плод их опыта, наблюдений и размышлений. Всего того, что накоплено за целую жизнь стариками, которые десятки лет вели борьбу за существование

и терпели невзгоды. Именно так они пришли к пониманию того, что необходимо для самого существования нации.

Поскольку это положение вытекает из самой природы вещей, вряд ли есть смысл в спорах между родителями и детьми, молодостью и старостью. Куда полезнее и лучше заменить эти споры доверием, любовью и прочими добрыми чувствами, которые дали бы молодежи столь необходимую ей опору.

Еврейская же молодежь нередко расценивает попытки родителей урезонить своих детей, как тиранию и покушение на свободу. Молодые люди требуют, чтобы им непременно объяснили и обосновали каждое действие взрослых, каждую их меру. Но это нелепо и дурно, ибо в определенном возрасте подобное требование просто невыполнимо. Это все равно, как если бы личинка шелкопряда потребовала, чтобы ей объяснили, каким она увидит мир, когда превратится в бабочку... При подобном образе мыслей молодые люди могут легко распроститься со всеми теми добрыми традициями и образом жизни, которые сложились благодаря заветам Торы и передавались из поколения в поколение.

Следствием этого – в силу обстоятельств, не очевидных для глаза, но совершенно неизбежных – будут разочарование и крах, а финалом – гибель души, подверженной этому процессу. Вот почему две части великой заповеди, связь между которыми кажется случайной, соединены органически – как причина и следствие:

«Почитай отца твоего и мать твою – чтобы продлились дни твои на той земле, которую Г-сподь, Б-г твой, дает тебе».

Наследие предков – выше разума.

Отрицание молодыми людьми национальных традиций становится особенно опасным, когда родители, отлично понимающие значение собственного авторитета (даже если он основан на слепой вере), не понимают великой роли Торы и заветов, унаследованных нами от отцов, дедов и прадедов.

Они охотно потакают юным ниспровергателям религиозных законов и традиций, хотя ясно, что этот процесс проник уже в самую сердцевину национального организма.

Дети отрицают веру и ломают скрепы, а отцы видят в этом всего лишь проявление свободы «эмансипированного» поколения и поощряют подражание гойской суе, которая неопытным юным глазам представляется вершиной культуры.

Подобные тенденции и в самом деле способны погубить нашу древнюю культуру. И дело тут не в личных качествах. Никакой отец или воспитатель не может извлечь из личного опыта то, что приобретено нацией за тысячи лет, на всех поворотах ее пути, на всех изломах исторических судеб. Мы должны избегать наивного самомнения и понимать, что не все доступно нашему разуму. И если мы не способны проникнуть в глубины спасительного учения силой собственного разума, не нужно стыдиться следовать этому учению – хотя бы из доверия к многовековой коллективной мудрости нашего народа.

Те из нас, кто упрямо стремится объять своим умом все на свете, забывают, что вся наша мудрость и все наши знания – не что иное, как обрывки воспоминаний – причем поверхностные и несовершенные – о впечатливших нас фактах и их последствиях. Понимать же мы не понимаем по-настоящему ни один из них; так вне-рассудочно и безотчетно подчиняемся мы ощущениям голода, холода, страсти – всему, что в нас укоренилось и развилось, чтобы обеспечить наше существование, благополучие и пользу. Ничто из всего этого мы не понимаем и не можем до конца объяснить.

То же и с постижением истоков и сути всех так называемых законов природы. О большей части этих законов мы узнаем от других людей, которые преподносят их нам в препарированном и систематизированном виде. Множество наук вообще создано человеком, и мы не в состоянии исследовать и проанализировать их содержание и происхождение.

Что касается фундаментальных законов жизни, дошедших до нас в преданиях бесчисленных поколений, то их истоки так же далеки от исследовательских возможностей человека, как и истоки законов природы.

Думается, истинную свободу воли и благородство стремлений наша молодежь могла бы продемонстрировать

не погоней за модой, а принятием Торы и ее заповедей, данных нашему народу.

В своей жизни я не раз был лишен общества соплеменников на протяжении многих лет. В этих условиях я обретал утешение и опору в стремлении соблюдать законы Торы, в той мере, в какой это было доступно моим силам и разуму. Я поступал так отнюдь не из страха перед возмездием и не потому, что надеялся таким образом спасти душу. У меня было внутреннее ощущение, в котором я, кажется, не ошибся, что грех любого отдельного человека падает на все общество: согрешит и преступит закон один – так возникнет прецедент, который со временем навлечет кару и гибель на весь народ. Ни один мужчина и ни одна женщина не вправе уйти от этой истины и связанного с ней страха».

ПРИБЛИЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ К «ГОСПОДИНУ ВСЕЛЕННОЙ»

Вначале Хавкин пишет о важности исполнения законов, предписанных Торой, и об усилиях, которые необходимо предпринять для их выполнения.

«...сами эти усилия имеют самодовлеющее значение, ибо характер и правота человека проверяются исполнением долга, требующего мысли и усилий. Чем ревностнее люди исполняют закон, тем более они ценны для него и тем сильнее прилипают к нему на всем своем жизненном пути.

...Прошедшая мировая война показала, на какие жертвы способна молодежь каждой из стран-участниц войны во имя защиты своей земли и своего народа. Усилия, которых иной раз требует от евреев соблюдение законов Торы, не менее велики, но и не менее важны по последствиям.

В сравнении с этим кажется сущей малостью такое, например, требование, как взять на себя труд научить собственных детей благословению перед едой и привить им привычку произносить это благословение всякий раз, как они садятся за стол. Это и в самом деле малость – и тем не

менее я берусь утверждать, что если наши соплеменники, хотя бы мысленно, будут повторять эти несколько слов, подобная мера окажется более действенным актом защиты и спасения, чем победы в войне. Ибо когда еврей вспоминает это благословение перед тем, как переломить хлеб, и произносит его на иврите словами, повторяемыми евреями по всему свету с незапамятных времен, он, где бы ни находился, пробуждает в себе память о братстве и единении со своим народом, вечным и непоколебимым.

Приобретения и захваты земель неизбежно приводят к ответным действиям. За войной рано или поздно следует другая война¹. Но пока евреи будут произносить это благословение, садясь за стол, как того требует закон, Б-г оборонит их, и не убоится он окружающего их сонма народов. И народы земли тоже признают их за народ. Ибо существование любого народа, племени и нации желательно, и еврейский народ в этом смысле не исключение. Здравый смысл и логика, которые оправдывают рождение и существование различных человеческих сообществ, наделяют нас величайшим правом и великой обязанностью делать все возможное для сохранения нашей культуры и духовного своеобразия нашего народа.

Можно, например, смело утверждать, что наука не существовала бы сегодня, если бы не евреи. Именно евреи с их б-гобязанностью, их стремлением постоянно учиться и учить, их тягой к постижению глубинной сущности вещей, их ясным разумом, именно они развеяли пелену тумана, окутывавшего человечество, избравшее ложный путь объяснения всех явлений природы действиями сонма богов, которые, якобы, вершат все в мире по своей воле и капризу.

Из всех религиозных и философских представлений лишь иудаизму – вере, объединяющей евреев, – не нанесен ущерб в результате прогресса научных исследований. Скорее наоборот – она укрепила себя и подтвердилась вплоть до самого своего базиса.

1 И действительно, через 20 лет началась другая война.

Наука совершает свое движение по бесчисленным тропам медленно и постепенно, – но чем дальше она продвигается в исследовании флоры и фауны, в анализе фундаментальных явлений тепла, света, магнетизма, электричества, химии, механики, геологии и астрономии, тем основательнее она подходит к выводу о существовании во вселенной силы без начала и без предела. Силы, которая предшествовала всему сотворенному и пребудет после его исчезновения. Силы – которая исток всего существующего и которая при этом находится вне границ любого понятия и любой картины, которую человек способен вообразить или наглядно представить – при всех его способностях исследовать и описывать все, что касается материи и материальных сил.

Этот общий итог научных открытий во все времена и во всех странах мира и есть приближение современной науки к идее, выраженной в нашем гимне «Господь вселенной», Адон Олам – возвышенном гимне, благодаря которому евреи произвели и еще произведут на Земле удивительнейшие метаморфозы.

Как нет замены нашей религиозной философии, так нечем заменить и законы нашей морали, за которую мы боролись поколениями и которую мы отстаиваем сегодня.

В самом деле – среди законов природы нет действующего более необходимо и более точно, нежели закон, дарующий жизнь и победу лишь тем сообществам, которые приближаются к иудаизму в области отношения человека к Создателю, порядка отдыха от работы, в семейных отношениях, во взаимоотношениях между супругами, родителями и детьми, в исполнении религиозных обязанностей, в честности и справедливости, отношений между людьми, отношения к чужеземцу. Только так, на основе опыта, народы мира придут к сознанию, что законы Торы, сообщенные им евреями, и есть единственно возможная основа правильной, разумной, упорядоченной жизни».

Эта статья была написана более ста лет назад, с тех пор исчезли и появились новые города и страны, прошли революции и войны,

произошла Катастрофа европейского еврейства, появилось государство Израиль... Но рецепты, приведенные в этой статье, актуальны и сейчас как вакцинация от болезни под названием «исчезновение евреев в современном мире».

ГЛАВА 9.

ПЕРЕЛОМ В СУДЬБЕ ЕВРЕЙСТВА

ПАРИЖ, ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

Однако вернемся к перипетиям судьбы героя этой книги. Хавкин поселился, как мы уже говорили, в доме на улице Виктора Гюго. Этот дом, и по теперешним временам довольно приличный, имел лужайку на входе, веранду, небольшой сад и шесть уютных комнат: на первом этаже гостиную, столовую и кухню, на втором этаже – спальню, офис и библиотеку. В общем, все, что нужно для холостого обеспеченного мужчины, чтобы спокойно жить и спокойно работать.

Почти каждый день Хавкин ездил на метро в Париж – встречаться с людьми и питаться в кошерных ресторанах, когда ему хотелось мясного. Его нееврейская домработница не могла поддерживать кошерность кухни, но, как он пишет, это та небольшая цена, которую он должен платить (позиция, похоже, не совсем однозначна).

Его первый проект и первая должность называлась «президент комитета по религиозным школам» в районе Бельвиль. Этот район был населен множеством евреев, и идея Хавкина была в том, чтобы сконцентрировать их деятельность на религиозном образовании, ввести в их учебу религию и иврит.

В Париже он сразу же начал собирать средства для помощи русским евреям, в его дневниках много внимания уделяется этому вопросу, и ни слова ни о Февральской, ни об Октябрьской революции. Возможно, тогда это не было настолько значимым событием – просто смена правительств. Скорее всего, Хавкин и не думал, что пришедшие к власти большевики будут править более семидесяти лет, да и кто это тогда мог предположить.

В декабре 1917-го к Хавкину пришли сионисты за помощью и поддержкой. И мы остановимся немного на отношении Хавкина к сионизму, так как его мысли актуальны и спустя век. Судя по дневнику, он не был сионистом в том смысле, как сионизм понимали его тогдашние представители во главе с Теодором Герцлем. Кстати, о самом Герцле Хавкин не был высокого мнения – он описывает его как эгоцентрического, слабо разбирающегося в экономике и технике лидера. Хавкина волновало то, что сионисты в Палестине собирались открыть гимназии, подобные либеральным европейским, он твердо считал, что образование в Земле Израиля должно быть не либеральным, а строгим и в основном религиозным.

Но в то же время Хавкин никогда публично не выступал не только против сионистов (среди которых были и его друзья), но даже и против сионизма как движения, стараясь его поддержать. Вот его слова: «Я друг Сиона и сионистов, но не сионизма».

В это время основная сионистская организация Франции «Сионистская федерация» раскололась на две группы с двумя лидерами, не признающих друг друга. Но интересно, что оба лидера согласились, чтобы Хавкин стал президентом их движения, и тогда они могли бы объединиться. Хавкин сначала отказался, но в феврале 1918 г. такое же предложение поступило от самого Нахума Соколова – лидера сионизма международного масштаба, одного из заместителей Герцля. Соколов также просил, чтобы Хавкин возглавил обе группы, находящиеся в оппозиции друг к другу. Хавкин согласился на условиях, что несколько пунктов программы Герцля будут изменены. Как ни странно, Соколов с этим согласился, но потом отказался, и Хавкин оставил эту должность.

Между тем война докатилась и до Парижа – весной уже начались бомбардировки, немецкие войска приближались, в августе на улице, где жил Хавкин, были слышны канонады огромной

пушки, названной «Большая Берта». Все это никак не отразилось на Хавкине – он был абсолютно спокоен, как и в студенчестве, когда полиция ворвалась к нему в лабораторию в поисках пистолета, а он сказал им: «Ищите что хотите, только не мешайте работать». И сейчас он продолжает заниматься своей деятельностью под звуки канонады, и даже в его дневнике это не сильно отражается. Как известно, немцам на этот раз не удалось войти в Париж, а к ноябрю 1918 война была закончена.

В это время в Палестине армия британского генерала Эдмунда Алленби маршировала по улицам Иерусалима, положив конец более чем 300-летнему правлению Оттоманской империи.

Хавкин окупился в дела Всемирного еврейского союза – Alliance Israelite Universelle или просто «Альянс» (так он будет фигурировать во всех документах и в дневнике Хавкина). Перед Хавкиным как ортодоксом стоял непростой вопрос: вступать или не вступать в Альянс, многие члены которого, включая руководителей, занимаясь, безусловно, полезной для евреев разных стран работой, в то же время не были сторонниками религии, а иногда и выступали за полное слияние евреев с другими народами, в частности с французами.

Хавкин с начала войны всячески пытается помогать еврейским беженцам, которых только в Париже было 75 тысяч, и половину из них составляли приехавшие из России. Он также пытается оказать помощь евреям в России, положение которых и так было нелегким, а с первых месяцев войны еще более ухудшилось, хотя, кажется, куда уж хуже: погромы, дискриминация, антиеврейские законы, антисемитизм на всех уровнях.

ДЕКЛАРАЦИЯ БАЛЬФУРА

Интересно, что в одно и то же время – в 1917 году – появилась Декларация Бальфура о возможной еврейской государственности и свершилась революция в России. Сообщения об этих двух событиях появились в газетах в один и тот же день.

Для того, чтобы лучше понять Декларацию Бальфура, необходимо немного вернуться назад и посмотреть, что ей предшество-

вало. А именно – начало массовой эмиграции евреев, в основном из России, в находящуюся под правлением Османской империи Палестину. Возникло еврейское национальное движение, требующее вернуть Палестину евреям. У этого движения появились яркие лидеры, еще до войны одним из первых был Теодор Герцль, а по окончании войны – Хаим Вейцман и Наум Соколов. Они встречались с руководителями Франции, Англии, Италии и даже с Папой Римским, убеждая сильных мира сего в необходимости создания государства евреев в Палестине. Интересно, что Соколов, встречаясь с премьер-министром Италии, нашел поддержку в идее создания этого государства. Как звали этого премьер-министра? Бенито Муссолини!

Декларация Бальфура во многом и была результатом всей этой деятельности. Но принципиальное отличие позиции Хавкина от позиции сионистов было в том, что сионисты стремились решить палестинскую проблему только административными и политическими мерами, опираясь на Британию. Хавкин же не возражал, чтобы в Палестине возникло еврейское государство, но категорически возражал против «сионистских» методов его образования, основанных на отходе от религии и принятии каких угодно законов, только не законов Торы. Хавкин считал, что не государственные границы, а религиозные законы и вера сохранили и будут сохранять еврейский народ от распада и растворения. Хавкин понимал, что самое важное условие – это сохранение заповедей, данных евреям, и религиозное воспитание детей и юношей. Он писал, что можно оставаться евреем, сохранив гражданство Франции, или Англии, или Соединенных Штатов, выполняя заповеди и обеспечивая реально религиозное образование в нем, но если создавать государство, в котором не будут обеспечены эти основы, то евреев в таком государстве вскоре ждет разочарование и даже эмиграция.

В то же время, расходясь с нерелигиозными сионистами по принципиальным вопросам, он охотно участвовал в деятельности организации «Друзья Сиона», которая занималась укреплением веры и обычаев поселенцев в Палестине. Он уделял много времени и выделял много средств на еврейское образование (особенно начальное) детей. Вот его высказывание на собрании

учителей хедеров 8 января 1917 года: «Чтобы община оставалась еврейской, члены ее с малолетнего возраста должны быть воспитаны в уважении к Сефер Тора. Они должны относиться к ней, как к части своего наследия и происхождения, как к высшей хартии, данной нашим предкам. Нам и сейчас, живя среди чужих народов, надлежит передавать свое религиозное кредо без изменений из поколения в поколение. Хедер и Талмуд-тора учат детей этим заветам. Поддерживая наши школы и синагоги, тем самым вы способствуете тем силам, которые держали нас вместе в самые тяжелые годы в прошлом, и которым можно доверить нашу безопасность в будущем».

Итак, в 1917 году было впервые объявлено о возможности создания еврейской государственности. Вопрос: когда и кем? Каждый скажет: «в ноябре 1917 в декларации Бальфура», и будет неправ. Впервые об этом объявили там, где этого меньше всего ждали, – в манифесте Февральской революции – в нем был пункт о создании автономий для национальных меньшинств. В России евреи в то время были не таким уж меньшинством, в состав России входили тогда Польша и страны Прибалтики, поэтому численность всех евреев Российской империи приближалась к 6 миллионам, в остальных странах Европы жили еще 3 миллиона евреев.

Интересно, что в надежде на образование еврейской автономной государственности начали даже печатать деньги с надписью на идише, теперь они считаются огромной редкостью у нумизматов. Так что если у кого-то сохранились от бабушек или прабабушек эти купюры, знайте, что каждая из них – целое состояние, настолько они редки.

В России в феврале (хотя во всем мире был уже март, но это чисто русский, отличный от других путь, а точнее календарь) 1917 года произошла революция. 15 марта русский царь – император Николай отрекся от престола, прежде всего, под давлением окружения, армии и просто предательства. К власти приходит Временное правительство. Этой революции, названной потом Февральской буржуазно-демократической (хотя в этом нет ни слова правды, так как, во-первых, во всем мире был март, во-вторых, буржуазной она не была, в основном ее сделали голодные толпы крестьян, рабочих и солдат, в-третьих, конечно, демократической

ее нельзя назвать), менее чем через 7 месяцев придет на смену Октябрьская (точнее ноябрьская) революция большевиков. Она отменит не только решение об автономии евреев, но и присоединит, точнее, введет в состав, такие значительно большие национальные образования, как Украина и Грузия. Вскоре понятие евреев как народа будет заменено пятым пунктом в паспорте, без всякой территории – похоже, только для дискриминации при поступлении на работу или учебу.

Но это будет потом и постепенно, а пока – 1917 год, всеобщая эйфория, в том числе, и на Западе, и в среде мирового, так называемого прогрессивного еврейства. Газеты пишут: «Браво демократической революции в России!». Некоторым казалось, что образование еврейского национального очага уже не за горами, причем в месте, в котором его меньше всего ждали – в России. Несомненно, в России произошло историческое событие, говорят об открытии новой эры эмансипации, о которой мечтали многие евреи, включая, наверно, и отца Хавкина – наконец-то сбылось!

Но Хавкин не очень радуется, и тем более не разделяет всеобщего восторга от эмансипации, так как он видел, что происходит с евреями Запада. Его сейчас больше волнует не эмансипация, а идентичность евреев – он видит большую угрозу в ассимиляции, которая станет результатом массовой эмансипации. Но очень скоро, всего через семь месяцев место будущей автономии евреев перейдет из России в Палестину. Но вот парадокс истории: в тот же самый день, когда свершилась большевистская революция в России, похоронившая возможность образования еврейской государственности, вышла в свет декларация Бальфура. Просто мистика, на которую почему-то не обращают внимания, что две эти новости были напечатаны на одной и той же газетной странице. Началась новая эйфория от возможности создания Еврейского государства в Палестине. Это место было более ожидаемо для евреев – они молились об этом две тысячи лет. Но как на это реагирует наш герой?

Хавкин с самого начала относился к Декларации Бальфура скептически. И из-за колониальной политики Британии, о которой мы говорили, и из-за скрытого антисемитизма, распространенного на британской госслужбе, особенно в иностранном

ведомстве и разведке. И, кроме этого, Хавкин хорошо понимал фразу, записанную в тексте самой декларации: Палестина будет «a national home for the Jews» – не «**the** national home», а «**a** national home». Маленькая деталь – отсутствие определенного артикля, оставляющее Британской Империи возможность для широких маневров (случившихся в дальнейшем).

Но главное, что тревожило Хавкина, – это принципы, на которых будет основано государство. К этому времени он уже понимал, что государство евреев не может быть основано на тех же принципах, на которых в основном основаны другие западные государства – государство, созданное на земле, переданной евреям Создателем, может быть основано только на принципах Торы и существовать по законам Торы. Единственный документ, который дает евреям право на эту землю, – это документ всех документов под названием «Тора». Декларации, мандаты, прочие бумаги – сегодня есть, завтра их нет.... Недаром даже социалист Бен Гурион на трибуне ООН показывал Тору и ссылаясь на нее.

Понимая все это, Хавкин относился к декларации Бальфура с сомнением и прямо указывал, что евреев ждет разочарование, и, как показала история, оказался прав. В итоге англичане не только не организовали государство, но и сначала ограничили, а потом закрыли въезд евреев на территорию Палестины. Даже когда в Европе бушевала война, людей отправляли в газовые камеры, Британия не пускала беженцев в Палестину, и даже топила корабли с ними. Когда катастрофа стала известна всему миру, Британия возвращала суда с еврейскими беженцами обратно, а людей, вместо Святой Земли, поселяли в те же самые лагеря под охраной немецких военнопленных. Британия до последнего яростно боролась, как в ООН, так и в самой Палестине, против создания государства Израиль, снабжая арабов оружием и всячески преследуя евреев даже за создание вооруженных отрядов самообороны. Все это пророчески предвидел Хавкин еще в 1917 году.

Хавкин, однако, лично участвовал в помощи евреям не только Европы, но и Палестины. Он отправлял в Палестину вакцины от холеры, собирал средства и поддерживал сельхозкоммуны, школы. При этом он не забывал и о бывших земляках – евреях, оставшихся в России. Их положение было не просто тяжелым: разруха,

голод и холод, страшное насилие и настоящий геноцид евреев на территории его бывшей родины. Массовые убийства евреев во время Первой мировой войны, революции и, особенно, гражданской войны еще мало изучены – советская, да и западная пропаганды старались забыть об этой странице еврейской истории. Но если просто обратиться к цифрам, то они ужасают.

ЕВРЕИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В Российской армии во время Первой мировой служило от 250 до 500 тысяч евреев. Мало кто знает, что из всех национальных меньшинств только евреи обязательно призывались в армию еще с 1827 года, а закон о всеобщей воинской обязанности, принятый в 1874 году, касался в основном евреев. Ни народы Средней Азии, ни народы Кавказа обычно не попадали под этот закон (кроме добровольцев), и только евреи были избранным, а точнее призванным народом для службы в царской армии. При этом для евреев служба была гораздо тяжелей, так как все евреи в то время были религиозными, и законы кашрута и Шаббата для них были жизненно важны.

Кстати, раз мы уже заговорили об этом, призыв в армию был одной из основных причин массовой эмиграции евреев из России. С 1881 по 1914 гг. из России уехало приблизительно два миллиона евреев, из них минимум полтора миллиона осели в Соединенных Штатах, на это же время приходится бум в развитии Америки. Если бы не царский призыв евреев в армию, то, вероятно, не было бы ни Голливуда, ни Уолл-стрит, ни многого другого, чем славится Америка. Даже гимн Америки – «Бог, благослови Америку» написал Израиль Бейлин – это ли не очередной парадокс истории?!

Но, несмотря на значительное участие евреев в российской армии во время Первой мировой, с начала войны уровень антисемитизма в России зашкаливал. В то время, когда еврейские мужчины и юноши гибли на поле боя, сражаясь за Россию, дома их отцов и матерей, их жен и детей нечеловечески преследовали. Ко всему классическому набору обвинений теперь добавились обвинения евреев в шпионаже на стороне Германии. Логика была проста: в

Илл. 21. Еврейский солдат вернулся с войны и видит ужасное надругательство и смерть жены и дочери. Картина «Наконец то дома» Моисея Маймонта 1860-1924 гг.

России притесняют евреев – в частности, запрещено, например, присваивать евреям офицерские звания; а в Германии все дискриминационные законы отменены (кстати, в Германской армии было достаточное количество офицеров-евреев) – значит кого, по логике антисемитов, должны поддерживать евреи? Но, как ни странно, евреи в большинстве своем, оставались верны своей, не очень лояльной к ним, отчизне. В прифронтовых городах при малейшем подозрении евреев просто вешали без всякого суда по решению полкового командования за шпионаж. Если же дело доходило хотя бы до армейского разбирательства с адвокатом, как правило, всех евреев оправдывали.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

После Февральской и Октябрьской революций в России началась гражданская война, и положение евреев ухудшилось. Причи-

Илл. 22. Кишиневский погром

на этого кроется, прежде всего, в длительной и целенаправленной идеологической политике антисемитизма в России, которая воплощалась в погромах. Этнический фактор для погромщиков выступал как основной признак участника революционного движения: еврей – значит, революционер; и наоборот: революционер – значит, еврей.

Вот некоторые факты из Википедии:

«По данным историка Геннадия Костырченко, за время гражданской войны в России имело место 1236 случаев антиеврейских выступлений, 887 из которых были отнесены к погромам – к акциям, сопровождавшимся насилием в массовом масштабе. Из них 493 акции (40 %) совершили петлюровцы, 307 (25 %) — зеленые, 213 (17 %) — белогвардейцы, в основном, войска Деникина и 106 (8,5 %) — части красных.

Однако историк Олег Будницкий считает эти данные заниженными. По его мнению, в 1918–1920 годах только на Украине приблизительно в 1300 населенных пунктах произошло свыше

1500 еврейских погромов. Были убиты и умерли от ран, по разным оценкам, от 50 до 200 тысяч евреев. Около 200 тысяч было ранено и искалечено. Тысячи женщин были изнасилованы. Около 50 тысяч женщин стали вдовами, около 300 тысяч детей остались сиротами.

Историк Норман Кон оценивает общее число евреев убитых в погромах с 1918 по 1920 годы в 100 тысяч человек».

А вот только один эпизод того времени: 15 февраля 1919, город Проскуров.

ЗАКЛЕНИЕ. РЕЗНЯ ЕВРЕЕВ ПРОСКУРОВА

Не просто убийства или погром, а именно резня, так как атаман армии Симона Петлюры Иван Семесенко издал приказ резать, рубить шашками и закалывать штыками мирных, безоружных и незащищенных евреев Проскурова, а стрелять только в исключительных случаях, и даже их имущество не брать (это с большим удовольствием делали их соседи-крестьяне).

Город Проскуров был самым оживленным и быстро развивающимся в Подольской губернии. К этому времени в нем было несколько заводов, большая ярмарка, коммерческое училище, свой театр. Многие евреи из местечек перебирались жить в этот процветающий город. В нем была даже демократически избранная администрация, городской парламент – Дума, в которой заседали представители многих партий, в том числе евреи. В городе существовала и большевистская партия, но она не входила в состав Думы и была на нелегальном положении. Пример Проскурова показал, что и демократия не всегда защищает евреев. Военным комендантом города был подполковник Юрий Киверчук, который незадолго до кровавых событий потребовал от евреев, входящих в отряды самообороны (а были и такие) сдать все оружие.

Поводом для резни в Проскурове послужило восстание большевиков (среди которых было немало евреев) против власти. Восстание потерпело поражение, и кого же обвинили в восстании? – всех евреев Проскурова, многие из которых даже не слышали об этом восстании.

Я долго не мог читать материалы об этой страшной бойне – настолько они были ужасны, и долго колебался, приводить ли их, но все же решил привести. Уважаемый читатель, если хочет, может пропустить их и не читать.

Вот выдержки из описаний нескольких чудом выживших жителей Проскурова, взятые из книги «Курбан Проскурова» («Khurban Proskurov»), вышедшей на идиш и переведенной на английский в Америке в 20-е годы.

«Невозможно описать человеческим языком те жестокости, которые были совершены в то время. Можем ли мы найти слова, которыми можно выразить дрожь человека во время бойни? Или момент, когда человек видит своими глазами, как убивают его близких, и сам он уже приговорен к смерти, и через минуту тот же убийца с тем же ножом или саблей подойдет и к нему и положит конец его жизни? Разве создан такой человек, что мог бы выразить те переживания, что испытывает сердце матери, когда она своими глазами видит, как выкалывают глаза ее единственному сыну и как мучают ее единственную дочь? Наш язык слишком беден, чтобы передать даже тысячную долю тех ужасов, что были совершены в тот день, описать тот террор и страх, что царили в Проскурове во время погрома.

Около трех часов дня в субботу, 15 февраля 1919 года, в яркий солнечный день гайдамацкий отряд в составе примерно трехсот человек во главе с атаманом Семесенко вошел в город по улице Александровской. Солдаты шли походным порядком, с оркестром впереди, офицеры ехали на лошадях. Рядом с ними шли медики – врач, санитары и «сестры милосердия» с красным крестом на карете скорой помощи – то есть все, что берут с собой, когда идут сражаться с врагом. На углу Дворянской и Александровской улицы, а также на углу Аптекарской и Купеческой улиц полк разделился на небольшие подразделения, чтобы разойтись по районам, населенным евреями. Несколько евреев с Аптекарской улицы видели через окна, как строем прошли гайдамаки и развернулись в боевом порядке. Когда был дан приказ: «Разделиться!», они ринулись как дикие звери по трое и четверо, к еврейским домам.

Страшная резня началась со всех сторон. Убийцы в основном использовали холодное оружие – шашки, копья и ножи, а стрельба

из огнестрельного оружия открывалась только в случае, если кто-то пытался бежать. Это делалось для того, чтобы стрельбу не было слышно на других улицах. А также с целью избежать лишнего шума в городе, чтобы не было никаких христианских свидетелей пролития невинной еврейской крови. Таким образом, в то время как страшная бойня велась на одной улице, на соседней улице никто об этом не знал. Так несчастных еврейских мужчин, женщин и детей убивали как овец. Кто-то из выживших рассказал, что он слышал, как одна «сестра милосердия» сказала убийцам: «Резать, убивать и не оставлять никого в живых ни за какие деньги!»

Как уже говорилось, за отрядом казаков шла карета с красным крестом и отряд медиков во главе с доктором по фамилии Скорник, несколько «сестер милосердия» и двое санитаров, которые также принимали активное участие в бойне. Особенно отличился доктор Скорник. Когда одна из «сестер милосердия» все же не выдержала и крикнула ему: «Что вы делаете? На вас повязка Красного креста!» – он сорвал с себя повязку и бросил ей, а сам продолжал резать. Когда этот доктор вернулся после резни в свой вагон, он хвастал, что в одном доме они нашли такую красавицу-девушку, что ни один гайдамак не решился ее зарезать, тогда он заколол ее собственноручно. Действительно, по словам свидетелей, на кладбище среди трупов оказался труп заколотой девушки редкой красоты.

Все улицы были полны мертвых тел, а ручейки крови текли с одной улицы на другую. Во многих семьях все погибли мученической смертью в страшной боли и страданиях. Озверелые убийцы пытали их, намеренно калеча так, чтобы жертвы дольше мучились. Со всех концов города в небеса летели плач и крики раненых и искалеченных, которые катались в собственной крови. Многие потом лежали в больницах несколько недель или месяцев, пока смерть не избавляла их от агонии. Во многих домах убийцы истязали своих жертв – ножами отрезали носы и уши, ломали пальцы и выкалывали глаза, они закалывали пиками детей прямо в колыбелях, специально отрезали руки и ноги многим детям, чтобы те, если выживут, остались калеками навсегда. Многих девушек они насиловали и истязали до тех пор, пока те не умирали в руках своих мучителей. На улице Каменецкой казаки заметили маленькую

девочку в субботней одежде, они закололи ее и подняли высоко над собой. У некоторых евреев осталось оружие – из этих домов убийцы трусливо убегали, услышав выстрелы.

Были также случаи героического сопротивления. Еврейский студент Янкель Гофштейн смело вышел навстречу казакам без оружия. Когда убийцы окружили его и хотели зарезать, он крикнул им: «Руки прочь от меня! Я был офицером и привык смотреть смерти в глаза. Если вы хотите убить меня – стреляйте!» И он упал от пули, как герой. Убийцы были трусливы и малодушны, и если видели малейшую опасность для себя, то не осмеливались приблизиться. Если где-то они предполагали сопротивление, то проходили мимо таких домов, не останавливаясь. Но таких мест было очень мало.

Резня продолжалась около трех часов. Когда стало темнеть, раздался громкий выстрел, его слышали уцелевшие в тайных убежищах – это был сигнал убийцам прекратить бойню.

На следующий день о том, что в доме не осталось живых, свидетельствовали ярко освещенные окна. Дело в том, что в Проскурове все дома освещались электричеством, и оно там было весьма доступно. Верные своему закону религиозные евреи, которых в Проскурове было большинство, в ночь с пятницы на субботу не гасили огонь, и свет горел до утра, пока не прекращалось поступление тока. На следующий вечер с наступлением темноты свет зажигался сам и горел, пока его не выключали на ночь. В тех домах, где никого не осталось в живых, свет горел всю следующую ночь, и на этот огонек теперь шли грабители.

Главным физическим исполнителем резни в Проскурове был Семесенко, но ее организатором и вдохновителем был военный комендант города подполковник Юрий Киверчук. И если Семесенко был вскоре расстрелян своими за совершенно другое, и его командир Петлюра был застрелен в Париже евреем, который потом был оправдан французским судом, то кровавый палач Киверчук бежал сначала в Польшу, а позже перебрался в США, где умер только в 1968 году...

К сожалению, история повторяется – в Проскурове повторилась такая же страшная резня евреев, что была ранее в городе Немиров во времена атамана Богдана Хмельницкого. Разница лишь

в том, что в Немирове резали и поляков, и евреев, а в Проскурове – только евреев.

Собирая материал для этой книги, я решил почтить о современном Проскурове, и обнаружил, что сейчас он носит имя Хмельницкий. Я думаю, что советские власти, давшие разрешение на переименование этого города в 1956 году, ничего не знали ни о резне в Проскурове, ни о резне в Немирове во времена Хмельницкого. Хорошо еще, что не переименовали город Немиров в Самосенков или в Петлюров.

Надо отметить, что кровавые погромы евреев происходили не только на Украине, но и во многих других краях России. Например, на Кавказе в погромах также было убито немало евреев. Помню, моя бабушка Фея Рахмановна Шаулова рассказывала, как на ее глазах убили ее родного брата в городе Пятигорске, а сами они пряталась в подвале. Когда я ее спрашивал, кто убил, она говорила: «Банды», а чьи они были и какого цвета – белые, красные или зеленые – так и осталось тайной.

СУДЬБА ЕВРЕЕВ РОССИИ

Но мы опять отвлеклись. Хавкин, будучи мудрым и талантливым человеком, хорошо знал историю и умел делать из исторических событий правильные выводы. Происходящее глубоко волновало Хавкина, и он принимал участие в многочисленных проектах по оказанию помощи евреям России. В то время его ближайшим другом и соратником был председатель Сионистского комитета в Париже Нахум Соколов – личность легендарная и незаслуженно забытая. Хавкин часто встречался с ним и вел постоянную переписку.

Вот один из характерных эпизодов того времени. 1 ноября 1920 года, Россия, полуостров Крым. На территории Крыма живет большое количество евреев, а также прибывших в то время беженцев, которые подвергаются постоянным враждебным действиям. Угроза массовых погромов нарастает с каждым днем, среди тех, кто призывает к погромам, много священников. Их проповеди говорят просто и примитивно: «Все евреи – больше-

вики, а все большевики – евреи», в небольших сельских приходах священники прямо призывают к погромам. Назначена уже дата – перед Йом Кипуром... В то время Крым находился под военным контролем барона Врангеля – заметьте, не какого-то Петлюры или атамана Семенова, а главнокомандующего русской армией барона Врангеля.

Судьба евреев Крыма висит на волоске. Председатель Сионистского комитета Соколов срочно едет из Парижа в Крым, чтобы встретиться с бароном Врангелем и попросить его защитить людей или хотя бы пресечь подстрекательскую пропаганду против евреев. И что же барон Врангель? Он ответил, что с представителями церкви ничего поделать не может и предложил Соколову обратиться непосредственно к священнослужителям... И Соколов пошел к ним, возможно, предотвратив этим погромы. Во всяком случае, данных о погромах в Крыму в это время я не нашел.

Хавкина постоянно волнует судьба его соплеменников, как в России, так и в Европе, но он не забывает и о Палестине. Он понимает, что происходит какой-то перелом в судьбе мирового еврейства, он постоянно думает о его судьбах.

Ниже выдержка из его выступления на съезде Лиги защиты угнетенных евреев 12 мая 1917 года, где развернулась дискуссия об эмансипации евреев. Этот съезд проходил во Франции, на нем были представители, предлагавшие евреям Франции быть как все – то есть, прежде всего, французами и гражданами своей Родины. Но послушаем, что сказал в своем заключительном слове Хавкин, который был председателем этого съезда: «Родина – это еще не все». Заметим, что надо иметь смелость, чтобы сказать такое во время войны. И далее: «Где находятся народы многих великих государств, таких, как Римская империя, которые предпочли свою родину своим убеждениям? Только еврейский народ, разбросанный по всему миру, лишенный часто простого убежища, но твердый в своей вере – выжил. Нет такой еврейской общины, которая бы отреклась от своей веры и выжила, мы не найдем такую общину». «Тора и традиции, – продолжает Хавкин, – гарантируют главное: само существование еврейского народа и поддерживают его национальные атрибуты».

ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

28 июня 1919 года, в пятую годовщину убийства австро-венгерского эрцгерцога Франца Фердинанда, послужившего политической искрой для начала Первой мировой войны, немецкая делегация на Парижской мирной конференции поставила свою подпись под Версальским договором. Подписание этого договора состоялось под Парижем в Зеркальном зале Версаля.

Версальским пактом евреям было дано право на создание собственного государства в Палестине, на обоих берегах реки Иордан. Но – и это главное НО – до создания еврейского государства территория Палестины переходила по мандату Лиги Наций в управление Великобританией. Помните всего одно слово «the» в декларации Бальфура?

А то, что случилось дальше и происходит до сих пор, Хавкин еще тогда понимал и предвидел. Вот слова другого ученого, нашего современника, выдающегося математика и лауреата Нобелевской премии Израэля Роберта Джона Аумана:

«Мы смирились с тем, что палестинцы – по определению арабы. Но на самом деле подлинные палестинцы – это евреи. В Иерусалиме в 1912 г. евреи составляли две трети населения (64%). Большинство остальных – христиане. Палестина никогда не была арабской. В Газе жили около пятисот человек, из них половина были евреи, а оставшиеся – христиане. Евреев погромами изгнали из Хеврона и многих других мест в 20-е годы, а затем с 1948 по 1967. Но это не значит, что нас там не было. И то, что мы забыли об этом базисном моменте, – ужасная ошибка! Мы подрываем наше право на эту землю».

Сохранил ли Версальский пакт свое значение поныне? В международно-правовом смысле сохранил, ибо формально ни одна из стран-участниц не денонсировала ни одного из документов, касавшихся создания еврейского государства. Однако сегодня многие правительства фактически отвергают решения Версальского договора. Конечно, большинство стран мира стыдливо признают за евреями право на собственное государство, но в лучшем случае они готовы оставить евреям лишь пятнадцать процентов «обетованной» Версалем территории.

В арабском мире сегодня двадцать одна страна. Территория же, которой владеют арабы, в пятьсот раз превышает площадь еврейского государства.

Предлагаемое ныне «урегулирование» или «мирное соглашение» оставит евреям полосу земли, ширина которой в самом узком месте всего пятнадцать километров. От обещанного в Версале маленького, но жизнеспособного государства, которое в состоянии принять пятнадцать миллионов евреев и обеспечить достойные условия жизни их потомкам, останется жалкое приморское гетто.

Понимая и предвидя все это, Хавкин написал петицию под названием «Гражданские и религиозные права евреев Восточной Европы», и эта петиция была представлена на Версальской конференции.

В Версальском договоре много говорилось, в том числе, о поддержке евреев Восточной Европы, а в это время в России шел настоящий геноцид – Проскуров и многие другие погромы происходили в те самые дни, когда джентльмены в цилиндрах на дипломатическом языке обсуждали судьбы послевоенной Европы.

Хавкин, конечно, не мог оставаться безучастным к евреям Европы, и особенно его волновала судьба его соплеменников в России. Он выступил в Версале с речью, пытаясь организовать их защиту – как евреев, оставшихся в России, так и покинувших страну. Он говорил о зверствах и погромах, о 150 тысячах евреев-эмигрантов из России, пытался убедить мировое сообщество в необходимости создания материально-правовой базы для защиты еврейского населения. Хавкин участвовал в разработке манифеста с призывом ко всем нациям и народам прийти на помощь еврейским массам восточной Европы. Он требовал от людей не только сострадания и осуждения зверств антисемитизма, а гораздо большего – принятия мер для предотвращения нового геноцида. Но нелегко было донести это до Европы. И он оказался прав – меньше чем через двадцать лет, 8-9 ноября 1938 года начались новые погромы уже в самой Европе – в Германии.

Незадолго до этого, 11 мая 1918 года, Хавкин выступил в Париже в исполнительном комитете Всемирного еврейского альянса с предложением приравнять происходившие в то время погромы к

военным преступлениям, а их участников – к военным преступникам, чтобы трибунал Лиги наций судил виновных и участников этих преступлений, а пострадавшие в погромах получали денежную компенсацию. Это было принято в качестве закона, и, кстати, результатами пользуются до сих пор люди, пострадавшие во время Второй мировой войны. Хавкин снова и снова подчеркивал, что ассимиляция – не выход. Он пишет: «Как заставить нееврейских лидеров понять, что ассимиляция не является решением проблемы, если это не понимают даже некоторые лидеры Альянса?»

Параллельно Хавкин продолжает заботиться о евреях в Палестине. Хотя он предостерегал своих сограждан от разочарований, но никоим образом не уменьшал своей активности, веря, что однажды Палестина сможет стать еврейским национальным домом.

Еще с конца 1917 года Хавкин часто встречался с Леоном Цадок-ком Каном – сыном одного из главных раввинов Парижа, а также с Израилем Леви, возглавлявшим французский комитет сионистской организации «Керен Хесед». Хавкина избрали почетным президентом группы сионистских студентов Парижа, которую возглавил Якобсон. 29 января 1917 г. он участвовал во встрече, организованной студентами в поддержку жертв уже в Палестине... Где только нет этих жертв?! Поэтому вопрос ассимиляции был не таким уж простым вопросом.

ЛЮБЯЩИЕ СИОН

Как видно из дневника Хавкина, большую часть своего времени в 1918-19 годах он посвятил организации «Любящие Сион», помогая заселению евреями Палестины и выступая с критикой антисионистской деятельности. Он вел полемику со своим другом, видным деятелем того времени, выдающимся археологом Соломоном Рейнахом, который считал нецелесообразным заселение Земли Израиля.

Хавкин пытался оказать влияние на французское правительство, чтобы оно выступило с заявлением, подобным Декларации Бальфура, также он прилагал усилия, чтобы знакомить французскую общественность с работой по колонизации Палестины. При

этом он постоянно подчеркивал, что освоение Земли Израиля может идти только рука об руку с соблюдением законов Торы – любая община в Палестине должна быть сформирована только в традиционном стиле, с соблюдением еврейских законов. В это время он часто встречался с Н. Соколовым, который стал неформальным лидером французских сионистов. В разговорах с ним, как это видно из дневника, Хавкин резко высказывался против антирелигиозных наклонностей многих сионистов. Сам Соколов писал, что Хавкин «недружески говорил с Герцлем, обвинив его в узурпации прав евреев на Землю Израиля». Хавкин не желал, чтобы его имя использовалось сионистами.

И в то же время Хавкин признавал полезность работы сионистов и делал все возможное, чтобы помочь им привезти в Святую Землю как можно больше евреев. «Он сказал мне, что это единственное, что нужно делать, а не ходить по кабинетам правительственных чиновников в Париже», – писал о Хавкине Соколов. По словам Соколова, позиция Хавкина состояла в следующем: «Организация, построенная только на материализме подобна сухим костям, а духовный центр без материальной основы подобен мыльному пузырю». Выступая за баланс духовного и материального, Хавкин резко критиковал сионистов во главе с Герцлем за то, что они «отрезали себя от живого сока – от иудаизма, отрезали себя от Торы» – писал он.

В это же время, в начале 1918 года Хавкин помог организовать общество «Ахузат Царфат» – гражданское общество плантаций в Палестине, целью которого было приобретение земель в Палестине, строительство домов, возделывание земли и посадка фруктовых садов. Помните его поездки по сельхозкоммунам Соединенных Штатов? Хавкин выпустил небольшую брошюру на французском языке и идише. Вот выдержки из нее:

«Братья, вы хотите самым эффективным образом внести свой вклад в восстановление еврейской Палестины? Хотите осуществить свою давнюю мечту – жить еврейской жизнью в еврейской стране? Вы хотите через несколько лет владеть недвижимостью в Палестине, которая позволит вам достойно жить за счет своего труда?» Далее он давал конкретные рекомендации по освоению земли:

«Эта земля, после достижения полной урожайности (примерно через восемь лет) будет распределена между членами Общества. Каждая доля (земля, плантация, жилой дом), которая может приносить годовой доход около 3000 франков, будет составлять 25000 франков, выплачиваемые ежемесячными платежами».

Эта деятельность Хавкина принесла плоды уже 1919 году: был организован первый отъезд евреев из Франции в Палестину.

В сентябре 1918 года Хавкин познакомился с Хаимом Вейцманом, который открыл синтез ацетона, использующийся для изготовления одного из типов взрывчатки, жизненно необходимой Британии во время войн. С 1915 года Вейцман был директором завода, производившего эту взрывчатку практически для всей Британской армии. У двух этих людей было много общего, и это не только возраст, язык (русский и идиш), место их рождения (бывшая Российская империя), но и наука, которой они отдали большую часть своей жизни. Хавкину было о чем говорить с известным британским химиком, обласканным, в отличие от Хавкина, английскими властями. Они обсуждали, на каких принципах должна строиться будущая страна, как обеспечить ее заселение, где и какие земли следует приобретать, какими будут условия жизни в Израиле.

АЛЬЯНС

Когда я читал дневники Хавкина, меня поражало, насколько он был одинок – не только в личной жизни, но и в понимании пути, по которому должно идти еврейство. Все еврейские лидеры того времени в основном искренне хотели лучшей жизни евреям. Но если эта общая цель была одна, то средства и способы ее достижения были не только разными, но и часто враждебными. Одни выступали за светский подход, то есть полное освобождение евреев от принципов иудаизма и, главное, от их религии, другие – за слияние евреев с другими народами, то есть возрождение еврейства для ассимиляции, в которой они не видели угрозы. Одним из таких лидеров был Соломон Рейнах, основной организацией, в которой он состоял, был Альянс. Существовал также секулярный

сионизм, от его крайней формы, государства в Уганде – до Герцля, предлагавшего евреям собраться в Палестине, но без Торы и ее заповедей. Хавкин был одинок в своей позиции: понимая, что оба подхода неверны, ему ближе был старый ортодоксальный Ишув, уже почти исчезнувший в просвещенном Париже и оставшийся только в далекой Восточной Европе. На нее вскоре и устремит свой взор доктор Хавкин.

Не разделяя многих идей членов Альянса, особенно об эмансипации, доктор Хавкин в то же время понимал, что реальную помощь евреям возможно оказать только через сильную организацию вроде Альянса, поэтому он вступил в него, по-своему представляя его будущее. И жизнь показала правоту Хавкина – кто сейчас знает и помнит об Альянсе? А фонд поддержки иешив, созданный Хавкиным сто лет назад, до сих пор существует и действует (подробнее об этом в конце книги).

Средства, находящиеся в распоряжении Альянса, значительно превышали размеры любых сумм, которые Хавкин собирал ранее в эмигрантских кругах. Бюджет Альянса только за один 1919 год составил 2 миллиона 390 тысяч франков, правда, большая половина его шла на начальное образование. Но в ноябре 1919-го Альянсом, не без участия Хавкина, была выделена сумма в 300 тысяч франков жертвам погромов на Украине. Была и другая причина, по которой Хавкин принял приглашение вступить в Альянс,

Илл. 23. Мальчики с меламедом в хедере

и даже в его центральный комитет – вероятно, это его желание изменить сам Альянс.

Со временем это ему частично удалось. Уже в октябре 1920-го Альянс выпустил брошюру «Advocacy», где наряду с некоторыми прежними положениями, были и такие строки: «Мы никогда не предлагали рабскую ассимиляцию, которая привела бы к исчезновению наследственных характеристик, которыми мы обладаем, напротив – мы привержены защите той неотъемлемой части человеческого наследия, которую наши предки завещали нам, и которую мы должны передать нашим потомкам». Эта смена точки зрения Альянса без сомнения произошла под воздействием принципов Хавкина.

Его деликатная миссия становится все более последовательной, он вступает и в Североатлантический альянс (филиал Альянса в Северной Америке), пытаясь, с одной стороны, противодействовать ассимиляционным процессам, присущим Альянсу, а с другой – изнутри помогать евреям, которым угрожает физическая опасность, а также финансово поддерживать иешивы, в том числе, и в Земле Израиля.

И, конечно, его мысли были во многом связаны с Россией. После окончания гражданской войны в России разруха, болезни и голод, возрос поток беженцев, в том числе еврейских, как в Европу, так и Америку. Разве наш бывший народоволец мог безучастно следить за своими соплеменниками? Альянс, в котором Хавкин принимал активное участие, добился выделения в 1921-1922 годах 50 тысяч франков евреям юга России, страдающим от холодов, голода и разрухи. Такую же сумму он перевел для поддержки также и нееврейского населения.

ПРИСТУПЫ БОЛЕЗНИ, ПЕРВОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Осень 1919 года. С приходом холодов у Хавкина начались приступы сильной слабости. Сначала он все объяснял «некошерной диетой», которую готовила его домработница, состоявшей в основном из овощей. Но однажды приступ случился в его любимом

ресторане «Комарский», где он едва не упал и был вынужден лежать два часа, пока не восстановился и смог идти.

Постепенно он вернулся к своей обыденной жизни, но в ноябре сердечный приступ приковал его к постели на два месяца. Приступ был настолько сильным, что он вызвал нотариуса и продиктовал ему свое первое завещание. В этом документе, составленном, видимо, в спешке, он все свое состояние завещал Альянсу и назначил Соломона Рейнаха его распорядителем. Впоследствии, все более расходясь во мнениях с некоторыми положениями Альянса, он изменит завещание целых три раза. С наступлением зимы самочувствие его постепенно улучшилось, и в январе 1920-го он уже совершал прогулки в окрестностях дома.

В это время он общался, в основном, с двумя семьями: семьей барона Владимира Гинзбурга и его соседом, палеонтологом и археологом Соломоном Рейнахом; вскоре к их компании присоединилась семья Теодеско.

Из дневника видно, что постепенно его график снова становился все более плотным – в 1920 году он был вынужден отказаться от участия в еврейском форуме просто из-за нехватки времени.

Его мысли постоянно связаны с Землей Израиля, в 1920 он вместе с друзьями пишет работу «О правах евреев в Земле Израиля», постоянно участвует в помощи иешивам, поток писем о помощи местным иешивам растет.

Однажды Хавкин встретился с доктором Исааком Максом Рубиновым, управляющим больницей Хадаса в Палестине, и тот ему сообщил, что они думают предложить Хавкину возглавить борьбу с малярией в Земле Израиля. Но это предложение так и не было сделано, как позже выяснилось, из-за позиции некоторых сионистских руководителей.

Основную цель Хавкин видел в поддержке, в основном, финансовой, иешив Восточной Европы, что в то время не всегда соглашывалось с планами Альянса. Но со временем позиция Хавкина нашла поддержку, и в 1924 году Альянс начал выделять средства на субсидию восточноевропейских иешив, повторно эвакуированных из России в Литву и Польшу.

На Песах 1925 года Хавкин лично послал украинским евреям средства для покупки мацы. Из архивных документов видно, что

Илл. 24. Мальчики в хедере

со вступлением Хавкина в Альянс, и особенно после избрания его в ЦК, политика Альянса стала частично меняться, поворачиваясь в сторону живого иудаизма, что выражалось в финансовой поддержке иешив «Слободка», «Мир» и других. Множество писем и телеграмм в архиве свидетельствуют об этом. Вот слова Хавкина из одного письма: «Предоставление средств западным евреям в иешивах России – их лучшее вложение». А в письме раву Эпштейну де-Ковно он пишет: «Я не сомневаюсь, что поддержка деятельности иешив критически важна для самого нашего существования». Он делает и личные пожертвования иешивам, но понимает, что индивидуальные усилия его явно недостаточны.

А положение иешив в Восточной Европе, в центре мирового еврейства, было просто катастрофическим. Разрушительные последствия войны просто выбрасывали студентов на улицу. Голод, холод, разруха и болезни – вот в каких условиях оказались студенты, а тут еще и недобитые банды, совершающие свои набеги. Но хуже всего были действия большевиков, которые просто закрывали иешивы. Многие студенты и раввины вынуждены были

переехать в Польшу и Литву, среди них был и Хафец Хаим. Есть свидетельства, что впоследствии он сомневался в правильности этого решения и говорил, что, возможно, надо было выступить против властей. Только представьте себе: голодные слабые ешиботники против Красной Армии... Но ведь нечто подобное уже было в истории евреев – например, события Хануки. Кто знает, возможно, судьба евреев могла пойти по другому сценарию.

В этой связи Хавкин кратко упоминает в дневнике следующий уникальный факт. В феврале 1923-го к нему подошел некто по фамилии Эберлин, адвокат и представитель организации «Ахузат Царфат» с планом тайного провоза оружия на Украину для еврейского сопротивления. Хавкин выступил против, назвав это «игрой с динамитом».

Бежав из России, Белоруссии и Украины, почти все иешивы обосновались в Литве и Польше. 1924 год, руководители иешив встречаются в Вильно, это 17 учебных заведений, в которых учатся 1431 студент на территории Литвы, 960 в Польше и 80 на Волини (Западная Украина). Помощь, которая поступала из Америки, иссякает, раввины составляют письмо с просьбой о поддержке, подписанное равом Хаимом Озером Гродзенским. Это письмо равы Кальманович и Косовский передают тому, кто действительно может помочь – доктору Хавкину.

Это письмо сохранилось, вот выдержки из него: «Обстоятельства, которые выбросили наших студентов на дорогу – голод, холод, всевозможные лишения, постоянный риск преследования со стороны различных банд, находящихся у власти, и, наконец, регулярные и непримиримые преследования большевиков вынудили наши школы покинуть негостеприимную Россию. Измученные голодом и холодом, часто без одежды, босиком, гуляли наши учащиеся неделями, были среди них больные туберкулезом». Раввины просят Хавкина организовать встречу с представителями Альянса, и Хавкин без промедления устраивает встречу с президентом Альянса Сильвенем Леви. На встречу он пригласил членов совета JCA – еврейских комитетов, известных личностей из Польши, а также представителей совета раввинов.

И вот в 1924 году, что было немыслимо еще десятью годами ранее, Хавкину удалось частично поддержать восточноевропей-

ские иешивы со стороны Альянса. Какие-то средства были выделены, не без сильного сопротивления членов Альянса, особенно со стороны Теодора Рейнаха. Авторитет Хавкина побеждал предвзятость и предрассудки, которые господа в цилиндрах питали против евреев Востока, желающих оставаться верными Торе и традициям. По стенограммам и выступлениям Альянса можно увидеть, что говорил Хавкин, выступая в ЦК, на прекрасном французском, но как еврей, который объявляет себя евреем без французского гражданства, не предпринимающий никаких шагов, чтоб его получить. Он не считает, что должен стать истинным французом, или англичанином, или американцем, отказавшись от религиозной практики своего народа. Этим он отличается от многих других, считающих, что прогресс заключается в выравнивании всех отличий людей и стандартном подходе. Хавкин сравнивает это со стандартизацией американских машин. Он отмечает, что «религиозная практика по-прежнему остается единственным реальным способом сохранить семейную ячейку и бороться с растворением евреев среди других народов». Хавкин понимал то, что многие не понимали и тогда, и значительно позже, а некоторые не понимают и сейчас, как во Франции, так и в России или Америке.

Дневник Хавкина в этот период (1919-1924 годы) содержит много фактов, отражающих взгляды нашего героя на международную политику, которые порой сильно отличались от общепринятой позиции и от позиции его коллег по Альянсу. В основном эти отличия касались Турции и России. Хавкин считал Турцию реальным другом еврейского народа, опираясь на предыдущие события истории. Отношение Хавкина к Советской России тоже отличалось и от общепринятого, и от позиции эмигрантов, которые прибывали во Францию из СССР. Хавкин готов был простить большевикам многое, поскольку считал, что они освободили евреев (заметим, что не столько большевики, сколько Керенский их освободил, и если от чего и освободил, так только от того, чтобы быть евреями). Возможно, это расхождение во мнениях было связано с тем, что он хорошо знал историю и сам прошел через погромы. Хавкин смотрел на Россию 20-х так, как будто сейчас был 1881-й год, в то время как его оппоненты смотрели на Россию, как будто уже наступил 1937-й.

Хавкин расходился во мнениях также и с друзьями, и не только в политике, но и в отношении к соблюдению традиции. Вот два характерных эпизода того времени.

Баронесса Гинзбург заявила, что она не может соблюдать кашрут, так как поблизости нет ни одного магазина с кошерным мясом. Хавкин нашел такой магазин и сам проводил ее туда, когда она собиралась делать покупки для ужина на Шаббат. Второй эпизод. Баронесса появилась в праздничном наряде, а на руке ее было кольцо с изображением креста. В ответ на удивление Хавкина баронесса оправдалась тем, что это кольцо подарил ей раненый во время войны, когда она работала санитаркой, и теперь она носит кольцо в память о нем. Хавкин вызвался поменять крест на звезду Давида, сам оплатил работу ювелира и вернул ей кольцо, сказав, что в армии не носят чужие эмблемы, даже если это эмблемы дружественных государств.

ЖАСТИН

Илл. 25. Жастин

Упомяну еще об одном случае, произошедшем в те годы в доме Гинзбургов. Это эпизод очень личный для Хавкина, и я долго думал, стоит ли его приводить, и решил все же рассказать о нем для будущих кинематографистов, если они когда-нибудь решат сделать фильм о Хавкине.

Однажды на приеме в доме барона Гинзбурга Хавкин встретил человека по фамилии Ашкенази, который прибыл из Одессы. Вот их диалог, заслуживающий интересной сцены в фильме:

Хавкин: Мы оба из одного города – из Одессы.

Ашкенази: Да, и я хорошо знаю Одессу.

После паузы Ашкенази начал разговор о том, что Хавкин назвал одним из самых эмоциональных моментов своей жизни.

– Да, я знаю Одессу и одного из ваших очень хороших друзей – она очень много мне говорила о вас. Вы знаете Жастин? Она всегда помнит вас, и часто с восторгом мне о вас рассказывала. Сейчас она мадам Берсон, она вышла замуж за Эдварда Берсона. Ее сестра Ольга умерла...

– Ольга умерла? Когда? – вырвалось у Хавкина, – Где?

– В Риме. В 19-м году мы уехали из Одессы в Константинополь, а потом в Марсель. Там она прожила год, потом переехала в Рим, где вышла замуж, но брак быстро распался. Вскоре она умерла от рака груди.

– А ее сестра? – спросил Хавкин.

– Ее сестра в Варшаве. Смерть Ольги была сильным потрясением для нее, но еще большим ударом стала смерть ее сына, которого после смерти Ольги она усыновила – у нее нет своих детей.

– У Жастин нет своих детей?

– Нет, сын Ольги был как родной для нее. Жастин прекрасная женщина, очаровательная, она всегда любила говорить о вас.

Хавкин понял, что всегда испытывал к ней те же чувства, что и она к нему. Хавкин быстро покинул дом Гинзбурга. Придя домой, он, вероятно, впервые в жизни дал выход своим эмоциям. Закрывшись в своем кабинете темным декабрьским вечером, он начал рыдать. Потом лег в кровать и пролежал до утра, а утром записал все это в дневник. Он записал и свои воспоминания о Жастин, вспомнил о переписке с ее матерью в 1895-м году. Мать Жастин намекала, что отношения обречены – ill-fated. Позже он заключил, что, возможно, тогда он все неправильно понял.

Позже Хавкин списался с Жастин, когда она была в Бельгии. Они договорились о встрече, которая вскоре состоялась. 27 июля 1924 года Жастин приехала в Париж, Хавкин встретил ее. Я ожидал прочитать в дневнике подробности, но меня ждало разочарование – в дневнике было только: «Июль, 27. 1924. 10:30 – поехал встретить мадам Берсон. Расходы на билет – метро, 1-й класс...» – и всё.

Остались, правда, воспоминания домработницы о том, что ему не следовало так волноваться, и факт, что после этой встречи Хавкин слег с сердечным приступом в постель на неделю. Запись об

этой встрече, возможно, была им сделана, но не для всех, возможно эти страницы также находятся в ячейке в швейцарском банке. От каких глаз он так спрятал и для кого оставил эти страницы? Это загадка и мистерия его жизни. Возможно, там же находится и разгадка его деятельности в британском министерстве обороны в 1916 году. Но швейцарские банки неохотно открывают свои тайны. Мне потребовалось более семи лет, чтобы получить хоть какую-то информацию о наследии Хавкина и его фонде в Швейцарии.

ХАВКИН В ИНСТИТУТЕ ПАСТЕРА

Но давайте вернемся к его повседневной жизни и деятельности в это время. К концу 1923 года наш герой также сблизился с семьей Теодеско. Джакомо, отец семейства, один из основателей организации «Любящие Сион», часто приглашал Хавкина к себе домой, а для его дочерей он был как дедушка. В доме Теодеско за столом часто обсуждались вопросы политики, мирового еврейства и

темы, связанные с Палестиной. Забавная история произошла в один из февральских дней 1924 года, когда жена Теодеско, Беатрис, изучавшая медицину, обратилась к Хавкину с просьбой сопровождать ее на экскурсию в институт Пастера, пригласив также своих дочерей Терезу и Эмму. Хавкин согласился, но при условии, что он пойдет как частное лицо, и даже отказался показать свою визитку сопровождающему их гиду. Но во время экскурсии они встретились в коридоре с директором института Гастоном Рамоном, который, услышав фамилии группы, поинтересовался, не

Илл. 26. Марка, выпущенная в честь Хавкина в Индии в 1964 г.

Илл. 27. Институт имени Хавкина в Мумбае

родственник ли месье Хавкин великому доктору Хавкину? И можно представить себе его потрясение, когда он услышал ответ низким монотонным голосом: «Я – Хавкин». Об этом пишет в своих воспоминаниях Теодеско. Придя в себя, Рамон отпустил гида и вызвался сам сопровождать их группу по институту. Во время этой необычной экскурсии директор заявил, что его собственные исследования основаны на результатах работы доктора Хавкина, проделанной им в Индии.

А в 1925 году пришло неожиданное и радостное сообщение из Индии. По просьбе ученых, работавших в бактериологической лаборатории Бомбея, которую создал Хавкин, власти Индии решили назвать ее его именем: Haffkine Institute (Институт Хавкина). Это была награда, о которой любой ученый может только мечтать. Поздравления поступали со всего света, его окружение и друзья были в восторге и встретили это сообщение с большим воодушевлением и радостью. Но сам Хавкин воспринял эту новость весьма сдержанно и без особого энтузиазма. Он не поехал в Бомбей по приглашению властей на официальные мероприятия, посвященные этому событию, но послал достаточно теплое письмо с пожеланиями долгой деятельности и процветания Институту. Эти его слова пророчески сбылись (см. об этом в заключении этой книги).

ОТНОШЕНИЯ С СИОНИСТАМИ

Хавкин постоянно работает над поддержанием жизни в Палестине, несмотря на его принципиальные разногласия с теми, кто,

по его словам, «узурпировали свою монополию на термин «сионизм»». Он в постоянном контакте с ними, но призывает к истинному сионизму, который неотделим от Торы и выполнения ее заповедей, а также постоянной учебы.

Само сионистское движение того времени подвергалось критике как справа – от тех, кто видел в нем полный отрыв от традиций, а главное, от религии, так и слева – от тех французов, что считали требование евреев создать свое национальное государство знаком неблагодарности к своей родине и обвиняли их в двойной лояльности и даже предательстве. Одним из таких деятелей был глава Альянса Сильвен Леви, которому даже Хаим Вейцман отказался пожать руку после его очередной речи о двойной лояльности.

Отношения Хавкина с лидерами сионизма были также очень непростыми. Так, еще в 1920-м году Александр Марморек предложил Хавкину возглавить борьбу с малярией в Земле Израиля. Александр Марморек был одним из лидеров европейского еврейства и одним из ближайших друзей Хавкина – когда он умер, Хавкин сидел по нему шиву. Это была легендарная личность: выдающийся ученый, коллега Хавкина по Пастеровскому институту, создавший вакцину от ранних стадий туберкулеза, которая спасла тысячи жизней; выдающийся врач, награжденный за свою деятельность во время Первой мировой войны орденом Почетного легиона; ярый сторонник Эрец Исраэль, вначале как адепт политического сионизма, а со временем – на стороне сионизма религиозного. Его именем сейчас названо поселение Кфар Марморек возле Реховота, чему также способствовал Хавкин.

Александр Марморек после встречи с доктором Исааком Максом Рубиновым, директором больницы Хадаса в Палестине, предложил Хавкину возглавить борьбу с малярией в Эрец Исраэль, тогда это было огромной проблемой. Кандидатура Хавкина была обсуждена с верховным комиссаром Палестины губернатором Гербертом Самуэлем. Научные знания и организаторские способности Хавкина были всем известны по его работе в Индии, но также было хорошо известно о его поддержке старого ишува. Уже были выделены необходимые средства от барона Ротшильда, с которым Хавкин постоянно поддерживал дружеские отношения.

Лучшей кандидатуры, чем Хавкин на эту должность нельзя было даже представить. И Хавкин, вероятно, с воодушевлением принял бы эту должность – сколько жизней можно было бы спасти, но... Но кто-то в руководстве сионского движения выступил против его назначения. Вот такая была тогда обстановка.

Читая дневники и документы Хавкина складывается впечатление, что ему наиболее близок был сионизм Рава Кука, но я не нашел документов, подтверждающих их контакты.

ГЛАВА 10. BACK IN USSR

«BACK IN USSR» ИЛИ «FROM RUSSIA WITH LOVE», ТОЧНЕЕ – ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ, НО ЛЮБОВЬЮ СТРАННОЙ

Названия старой песни Битлз и классического фильма о Джеймсе Бонде как нельзя лучше подходят для дальнейшего повествования. Занимаясь различной деятельностью, Хавкин, конечно же, всегда интересовался ситуацией в России – он выпи-сывал и регулярно читал такие газеты, как «Известия» и «Труд», благо русским он владел свободно.

Как же наш Мордехай Зеев Хавкин, а в это время он себя уже так называл, относился к России? Исходя из того, что я нашел, складывается впечатление, что он не был настроен враждебно к своей бывшей родине, хотя она и не сильно его жаловала. Вспомним погромы и тюрьмы, отказ в поступлении в Петербургский университет, а потом отчисление из него, отказ в преподавательской должности, да и просто обычный российский антисемитизм – все это ему было знакомо, но теперь как-то отошло в прошлое, а все хорошее, которое, безусловно, тоже было, – осталось в его воспоминаниях. Этот феномен, возможно, знаком многим эмигрантам – выходцам из различных стран, и не только России.

Вот что писал Хавкин в конце 1923-го года своей знакомой Марион Лерн, живущей в Соединенных Штатах: «Не так давно, лет 35 назад я покинул страну, в которой родился, и в течение последующих лет я был жертвой ностальгии – непонятного магического стремления вернуться в эту страну, стремления, как уверяют, чисто иудейского. А Вы? Когда же мы навестим наши родные края?»

Но реальные сведения, которые доходили до него, часто не соответствовали тому, что он читал в советских газетах.

1925 год, в России с размахом отмечается двухсотлетие Российской Академии наук (200 лет будет через год, но отмечать решили сейчас). В состав официальной французской делегации был включен руководитель Альянса Сильвен Леви – тот самый яркий патриот Франции. Вернувшись из Москвы, он описал совсем не ту картину, какая представлялась по советским газетам. Он рассказал, например, что дети из буржуазии не могут поступать в высшие учебные заведения или исключаются из них, нищета царит в тысячах еврейских домах (и это еще в Москве), евреи теряют свою собственность и недвижимость, еврейская жизнь исчезает. Правда, в последнем месяце Леви видел не злой умысел властей, а близкую его сердцу эмансипацию под эгидой всеобщего равенства, стирание различий и всеобщий прогресс – все то, что он приветствовал.

Хавкин слушал с интересом и тревогой. В итоге, решил сам поехать в Россию, чтобы на месте разобраться в том, что происходит на его бывшей родине. Он начал действия по получению российской визы. Интересно, что еще год назад, получив приглашение из Москвы, он не поехал на конгресс бактериологов. А тут как раз Альянс собрался оказать помощь еврейским сельхозкоммунам, которые организовывались в то время в России. Прежде чем переводить деньги, собранные еврейскими донорами, руководство Альянса решило послать кого-то, чтобы на месте увидеть и разобраться в ситуации.

Лучшей кандидатуры, чем Хавкин, который сам был членом Альянса и даже входил в его центральный комитет, было не найти. Хавкин имел российское происхождение и авторитет, знал язык и местную обстановку, а главное – его преданность еврейским национальным идеалам была хорошо известна. Так что Хавкин был

самым подходящим кандидатом на эту миссию, и после недолгого обсуждения Альянс утвердил его на поездку голосованием (не единогласно).

В конце 1925-го года Хавкин начинает готовиться к путешествию в Россию. Будучи гражданином Британии, он посетил Британское посольство в Париже для получения нового паспорта. Дремлющий сотрудник посольства, которому Хавкин представился и передал заявление, не пожелал его принять, надменно заявив, что британский гражданин должен жить в своей стране, а Хавкин уже 10 лет живет во Франции. Бюрократ уже был готов отказать какому-то там Хавкину в его прошении, но ученый предвидел такой вариант. Поэтому вместе с другими бумагами “совершенно случайно” захватил с собой только что вышедший номер газеты «Таймс оф Индия», где писали, что бактериологический институт был назван его именем. После этого проблема места жительства английского подданного была решена, и он получил новый британский паспорт.

Была и другая проблема: адвокат сообщил Хавкину, что поскольку он не имеет французского гражданства, то его завещание о наследстве может быть оспорено родственниками, а передавать им все средства в планы Хавкина не входило. Кстати, так и случилось: в 50-х годах советские органы пытались оспорить завещание Хавкина с помощью его родственников и получить его деньги. Но им это не удалось, потому что Хавкин в третий раз переписал свое завещание и перед тем, как отправиться в Россию, передал его на хранение в банк (подробнее об этом см. в конце книги).

Оставалось только получить российскую визу, купить билет – и можно ехать. У него даже еще оставался старый российский паспорт, правда, давно просроченный, да и страны «Россия» уже не было. Заметим, что, несмотря на свою ностальгию по родине и положительное отношение к России, возможность получения советского гражданства он даже не рассматривал. Хотя мог бы легко его получить, учитывая свою известность и народовольческое прошлое, которое для новых российских властей теперь было не проблемой, а наоборот, преимуществом. Интересно, ознакомились ли они с его старым делом в царской охранке, прежде чем давать ему визу? Думаю, что да, так как он довольно быстро получил визу, да

и во время поездки встречал в основном хороший прием. Профессор Владимир Аронович Хавкин – так его звали в России – был для советских властей дорогим гостем. Главная причина этого была в том, что только за 1921-24 годы организация Джойнт перевела 24,5 миллиона долларов на помощь российским евреям, и Альянс интересовала единственная цель – возможность оказания помощи еврейским сельхозкоммунам. Хотя сам Хавкин не скрывал личной цели своей поездки, которая не совсем соответствовала целям Альянса, а именно – если возможно, помочь, прежде всего, защите еврейских ценностей и религиозному образованию в СССР.

Чтобы лучше понимать цели и результаты его поездки, следует заметить, что это был 1926-й, а не 36-й и, тем более, не 37-й год.

Итак, 9-го июня 1926 года Хавкин сел в спальный вагон поезда «Париж-Варшава-Москва» и через Польшу отправился на родину. Настроение у него хорошее – начало лета, за окном поезда красивые пейзажи, знакомые с детства. Он пишет в своем дневнике, что отправляется назад в прошлое – Back in USSR, прямо как в песне.

Поезд пересекает красивую и ухоженную Бельгию, но в Польше картина за окном постепенно меняется, и еще сильнее – когда 12 июня 1926 года поезд пересекает границу России. Его первым впечатлением была ужасающая бедность – люди, одетые в лохмотья, изможденные худые лошади, разбитые дороги, полуразвалившиеся дома, кругом бегают и просят еду мальчишки-беспризорники («а где же девочки?» – пишет Хавкин вопрос в дневнике). Но, судя по дневнику, эти неприглядные картины не смогли помешать его радости от возвращения на родину. Кроме того, Хавкина нелегко было удивить бедностью – долгие годы работая в Индии, он повидал ужасы нищеты страшнее этой.

Поезд прибыл в Москву, на перроне его ждали племянница Муся и муж его сестры Самуил Кальманович, они отвезли Хавкина в отель. Москва встретила его относительной чистотой и порядком. Хотя гостиницы были достаточно старыми и не совсем чистыми, но люди ему, в целом, понравились: москвичи в то время были еще вежливыми и доброжелательными.

Приехав в Москву, Хавкин сразу окунулся в работу. Он выполнял поручения Альянса, и его в первую очередь интересовало состояние еврейских сельхозкоммун, разбросанных по стране. Он

посетил ряд организаций, ответственных за деятельность сельхозкоммун в Союзе: Агро-Джойнт, ЕКО – еврейское колониальное общество, ОЗЕТ и КОМЗЕТ – общества земледельческого еврейского товарищества. Хавкин в дневнике пишет, что он встретил много евреев, работающих в различных организациях и часто – на довольно высоких должностях. Они охотно общались с Хавкиным, но когда разговор заходил о еврействе, выяснялось, что никакого взаимопонимания у них нет, особенно они были недовольны, когда он говорил о еврейской культуре и религии.

Один из таких начальников сказал ему: «Еврейская культура? У нас ее сколько угодно – идите в еврейский театр ГОСЕК или почитайте газету «Дер Эмес» («Правда» на идише)... И Хавкин действительно идет в этот театр и смотрит на идише совсем не еврейские шекспировские трагедии с сильным антисемитским душком. Потрясенный, он покидает театр. Он так же честно встречается и с редактором «Дер Эмес», товарищем Мойшей Литваком, и что он от него слышит? Что скоро вообще не будет никаких национальностей, будет только один победоносный пролетариат. Вот как. Он идет в комиссариат просвещения в надежде организовать еврейское образование: чтобы в школах, хотя бы начальных, преподавали основы Торы. Но чиновник-еврей просто его не понимает: как этот старомодный человек на девятом году революции может предлагать такие антинаучные знания? Хавкин побывал и на диспуте, который проводил сам министр образования Анатолий Васильевич Луначарский. Луначарский громил всякие веры и религии, но аргументы наркома были крайне бедны и неубедительны, а сама его личность показалась Хавкину «бледной», как записал он в своем дневнике, придя в гостиницу.

Конечно же, Хавкин с первых дней в Москве посещал синагоги, и они произвели на него еще более удручающее впечатление. В то время в России оставались еще некоторые раввины и просто религиозные люди, в основном пожилые, а также знатоки Торы. Они полушепотом сообщали ему, что по стране происходит уничтожение иешив, аресты раввинов и меламедов, повсеместное закрытие синагог. Позднее в поездке по стране он и сам убедится в этом, но пока в Москве он пытается сохранять оптимизм и во многом винит проблемы роста общества.

В архиве Хавкина есть сохраненная им статья с речью М. И. Калинина, где тот выступает как бы против закрытия синагог и даже готов выделить средства на их ремонт, но во всем обвиняет некоторых евреев, которые действуют очень активно против сохранения всего религиозного и еврейского в стране (что вообще-то было правдой в то время). Хавкину приносят документы и законы новой власти, где говорится об отделении религии от государства, и даже текст Конституции, из которого он тщательно выписывает девятую статью, которая обеспечивает гражданам право обучаться религиозным предметам и обучать им детей. Но он также узнает о циркуляре комиссара юстиции от 16 марта 1924 под номером 18711, запрещающем обучение религии в группах более трех человек, а нарушителям грозит статья 121-я уголовного кодекса и светит тюремный срок. Хавкин тщательно записывает в свой блокнот каждый факт, первоначально считая, что все это – перегибы на местах. Он пишет в своем дневнике: «Россия молода, со временем все образуется. Придут новые руководители, скверные законы будут заменены более гуманными и цивилизованными. Эти политические крайности – временные, и новая власть вскоре от них откажется». Вообще-то он и в этом оказался прав, хотя власти потребовалось шестьдесят с лишним лет, чтобы от этих крайностей отказаться.

ПО УКРАИНЕ

После пребывания в Москве Хавкин отправился в поездку по стране, длительностью больше месяца. Его цель была все та же – изучить на местах еврейские сельхозкоммуны. И начал свою поездку наш герой, конечно же, с Одессы.

Итак, 23 июня доктор Хавкин сел в спальный вагон поезда «Москва – Одесса» в сопровождении двух приставленных к нему гидов-комсомольцев, товарищей Ройзмана и Вайнштейна, которых он описал как в песне – «на лицо ужасные, но добрые внутри». Суровые на вид, но добрые, всю дорогу они просвещали непростоватого доктора Хавкина о преимуществах советской власти, рассказывали о дружбе народов – о том, что украинские мужики

воспринимают теперь евреев-землепашцев как своих братьев по классу. Но в первой же колонии, которую они посетили, этот тезис оказался под сомнением: украинские братья захватили дома евреев во время гражданской войны и не желают возвращать хозяевам. Обстановка настолько накалена, что власти разделили деревню на две части, и жители не очень охотно пересекают границу раздела.

25 июня ранним утром Хавкин вышел из купе спального вагона на вокзал Одессы, города своей студенческой юности. Это его или уже не его Одесса? В памяти, конечно, всплыли годы его революционной деятельности – беспорядки, тюрьма, университет, Мечников, друзья и враги – это было давно, но как будто недавно, любому эмигранту, вернувшемуся на прежние места, это чувство знакомо.

О поездке Хавкина в этот город можно написать отдельную главу или книгу. Здесь мы только коротко заметим, что ему понравилось почти всё, кроме лежащих на боку паровозов и ржавых, выброшенных на берег кораблей в почти пустом порту. А вот синагога открыта, службы в ней проводятся постоянно, и это его, безусловно, радует.

В городе проживает 153 тысячи евреев, правда родственники Хавкина почти все покинули город, некоторые ассимилировались, только четверть детей посещают еврейские школы. «Что будет с этими детьми и с моим народом?» – этот вопрос постоянно всплывает в его мыслях и дневнике. К сожалению, после революции процесс ассимиляции только усилился. Но, с другой стороны, нет никаких погромов и выступлений против евреев, кругом заметно строительство и прокладка асфальтовых дорог, люди одеты неплохо и даже с определенной изысканностью, голодных и бездомных меньше, чем в Москве.

Затем он едет в Херсон на автомобиле, и после длинной дороги сразу идет в синагогу. Синагога открыта, но, в отличие от Одессы, открыта в прямом смысле – в ней нет ни дверей, ни окон... Хавкин был в шоке.

Нужно заметить, что по местам поездки Хавкина только что прокатилась гражданская война с ее страшными погромами евреев. И хотя местные жители неохотно вспоминали войну – уж

больно страшны и свежи еще были в памяти ее картины, но Хавкин пытался узнать и расспросить о деталях тех событий, от которых порой кровь застывала в жилах.

Погромы коснулись многих еврейских поселений. В районе Харцызска местные крестьяне просто, по-соседски решили покончить с еврейским вопросом и закололи всех местных евреев штыками и вилами. В Елизаветграде и Умани местные жители с войсками Петлюры просто проходили по местечкам и бросали в дома ручные гранаты. В Трудюлюбовке были расстреляны все главы семейств. Обо всем этом он слышал и ранее, но сейчас сам оказался в местах, где все это происходило.

Но всё это было пусть в недалеком, но прошлом, а Хавкина интересовала настоящая жизнь жителей еврейских коммун. Картина, которую он увидел, была во многом противоречива. Он посетил в общей сложности 22 колонии, путешествуя пешком и на автомобилях. В целом Хавкину нравилось то, что он видел (или то, что ему показывали), но далеко не все и не везде. Он отмечает, что люди живут в относительной безопасности, с преступностью и погромами покончено, люди достаточно сыты и обеспечены продуктами, включая и мясо. Но он явно не разделял того восторга, который высказывали американцы-представители Агро-Джойнта – он дважды встречал их во время своей поездки. Они писали отчеты, восхищаясь не только жителями коммун, но и правителями СССР.

Были заметны денежные и материальные вливания, в основном, от Агро-Джойнта: то там, то здесь видна была техника, явно произведенная за рубежом, включая и диковинные в то время трактора. Хавкина радовало, что евреи, вчерашние жители городов, быстро осваивали новое для себя ремесло.

По результатам поездки он опубликовал серию статей в журнале. Вот типичная выдержка оттуда: «Путешествуя пешком и на автомобиле, осматривая поля еврейских колонистов и сравнивая их с землями русских, болгар и немцев, я пришел к выводу, что у евреев нет причин завидовать своим соседям, которые являются умелыми сельскими тружениками с большим стажем». Хавкин стал свидетелем интересного эксперимента – колонистам предлагалось по желанию выбрать вид собственности в коммуне: где все, включая одежду, было общим или где все было индивидуаль-

ным. И вот результат эксперимента, как его описывает Хавкин: «Жители коллективной коммуны под названием «Тель Хай» постоянно распевали революционные песни, много изучали труды Маркса и Ленина и демонстративно ели свинину. Но работали лучше и лучше зарабатывали колонисты-собственники, равнодушные к свинине и марксизму».

В коммуны приезжали евреи из разных городов страны, были даже и такие, что прибыли из Америки.

Вот еще пара кинематографичных сцен из его поездки.

Профессор Владимир Аронович Хавкин вместе с сопровождающими его людьми под звуки духового оркестра въезжает в город-коммуна Новозлатополь. Кругом красные плакаты и знамена, Хавкина и его свиту встречают у входа в местный клуб, полный народа, просят пройти на сцену и сесть в президиум. Начинаются многочисленные речи и здравицы. На трибуну приглашают и нашего дорогого гостя, профессора Владимира Ароновича Хавкина (но лучше бы они его не приглашали). Хавкин выходит на трибуну и начинает говорить... о важности произнесения еврейской молитвы. Встает один еврейский крестьянин и говорит, что молитвы ему ни к чему, что они ему в работе не помогут, и что лучше, чтобы профессор помог им получить больше американских тракторов. На это Хавкин отвечает, что трактора необходимы, но без молитв не было бы не только тракторов, но и многого другого, и если бы те американские еврейские меценаты, которые прислали им трактора, узнали, что в России молитва отменена, то вряд ли прислали бы вообще прислали трактора. Дискуссия явно заходила слишком далеко, и его гид, товарищ Вайнштейн, заявил, что у них насыщенная программа, и пора ехать дальше.

Сцена вторая. Хавкин вместе с американским писателем Рувеном Брайнером, которого встретил в дороге, приехал в одну из еврейских (подчеркнем это слово) колоний по разведению скота. Но оказалось, что среди этих животных огромное место занимает разведение свиней. Хавкин, как положено гостю, молчит, не высказывая своего отношения. Все идет, как обычно – встреча, экскурсия, обед и торжественные проводы в заключение. Сдержанный Хавкин все время молчал, но под конец не выдержал: «Смотрю, Брайнер во исполнение местного обычая начал

лобызаться с представителем колонии. Этот разгоряченный не только от чувств начальник-крестьянин в приподнятом настроении облобызав Брайнера, хочет также целоваться и со мной! Но я ограничился только рукопожатием и, не выдержав, заявил: от губ, запачканных свиной, поцелуев не желаю!» Это все, конечно, сильно не нравилось Хавкину.

Но самое сильное переживание у Хавкина вызывало состояние синагог, как в городах, так и в деревнях. О них он пишет почти каждый день в своем дневнике: «Сто двадцать домов и школа в поселке в прекрасном состоянии, а синагога запущена – нет не только стекол, но и дверей в синагоге».

Хавкин готов понять свой народ, который после четырех лет погромов и массовых убийств нашел, наконец, покой и защиту под крылом твердой власти. Можно понять, в конце концов, и страстные речи евреев-коммунистов. Но швырять под ноги режиму (пусть даже в благодарность за защиту) свою веру, язык, свою культуру, свое национальное чувство все-таки не стоило бы.

Но, как подобает гостю, тем более, иностранцу, он не высказывает публично свое несогласие или осуждение.

ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ

1 августа Хавкин возвращается в Москву. Только здесь, при встрече с руководителем КОМЗЕТ – Смидовичем и ОЗЕТ – Лариным, он высказывает свое недоумение. На что эти два старых коммуниста ответили, что правительство не против восстановления синагог или строительства новых, даже готово выделить на это средства, если сами евреи этого захотят и попросят. Только при этом они не сказали, что при той обстановке и пропаганде, царившей в стране, это было невозможно.

Вернувшись в Москву, первый вечер Шаббата Хавкин проводит в Большой хоральной синагоге, где с удовольствием отмечает, что, несмотря на активность молодежи из евсекции, синагога переполнена, невозможно найти свободного места.

Он все больше осознает, что если когда-то он защищал евреев с револьвером от физического уничтожения, то теперь народу

нужна защита от духовного исчезновения, следствием которого станет и физическое исчезновение евреев России. Он с горечью отмечает, что члены евсекции, евреи, хорошо знают, что изучение Торы является условием вечного существования еврейского народа, и именно поэтому основной свой удар они пытаются нанести по учебным заведениям.

В Москве опять встречи, на которых он снова и снова поднимает вопрос о школах и еврейском образовании для молодежи. Он это делает в различных организациях, включая редакцию газеты «Дер Эмет» во время повторной встречи с ее главным редактором Мойшей Литваком, которого он наивно просит не публиковать статьи о еврейских коммунах, выращивающих свиней.

Хавкин смело идет на встречу с равом Йосефом Ицхаком Шнеерсоном – шестым Любавичским ребе, тестем будущего лидера Хабад, который тогда уже находится под наблюдением Евсекции и ГПУ за свою нелегальную деятельность по сбору средств на религиозные нужды. У великого ученого Хавкина и Любавичского ребе оказалось много общего – Шнеерсон также участвовал в отрядах самообороны в Одессе и даже в покушении на градоначальника. Однажды ребе напал на полицейского, который жестоко обращался с евреем, и в результате попал, как и Хавкин, в царские тюрьмы. В отличие от Хавкина, ребе сразу осознал, что приход большевиков к власти не означает спасение евреев и, хотя режим никогда официально не запрещал иудейскую религию, но государственный контроль над еврейскими школами означает смертный приговор. Шнеерсон и Хавкин обсуждали возможность открытия иешивы в Ленинграде и составили вместе целую программу возрождения и поддержки иешив в СССР. Но, к сожалению, Альянс не поддержал финансирование этой программы. А ребе менее чем через год снова оказался на нарах, теперь уже советских – за то, что переводил в России образовательную еврейскую сеть в подполье.

СИБИРЬ. НАСЛЕДНИК?

В сентябре Хавкин отправляется в Сибирь по Транссибирской железной дороге, чтобы повидаться со своей сестрой Генриеттой –

Иттой. Поездка длится неделю, за окном прекрасные пейзажи уральских гор и дикой природы с реками и озерами, великолепные картины восходов и закатов со стаями диких гусей и уток. По дороге поезд останавливается в Свердловске, Омске и Новосибирске, и во всех городах Хавкин посещает местные синагоги. Везде царит одна и та же неприглядная картина: синагоги в ужасном состоянии, посещаются только пожилыми людьми. В Новосибирске одна женщина, узнав, что он ест только кошерную еду, принесла ему на обед готовый кусок мяса и отказалась взять за него оплату.

14 сентября 1926 года Хавкин приехал в Барнаул, где его встретила Итта и ее дочь Людмила. Следующие две недели он провел в их теплом и душевном доме. Итта была на два года старше него, вместе они вспоминали свою маму, которая умерла, когда Итте было девять, а Володе – семь лет. Итта много рассказывает брату о своем внуке Леониде, которого безумно любит, он – студент медицинского института в Томске, его отец Григорий Зальманов был первым мужем ее дочери Людмилы. Леня очень серьезный, интеллигентный, умный и спокойный молодой человек, и она очень скучает по нему. Хавкин все это слушает и, возможно, думает с сожалением, что он тоже мог бы иметь такого сына, как Леонид. Он даже предлагает, чтобы Леня принял фамилию Залманов-Хавкин, так как он является единственным мужчиной, который носит их семейную фамилию. И это тоже Хавкин – он совершенно безразличен к своей личной славе или наградам (хотя за свой вклад он мог получить не одну Нобелевскую премию, но ничего для этого не делал, даже когда Россия предложила ему предпринять необходимые действия для соискания), и в тоже время его заботит сохранение своего семейного имени, к которому он относился с трепетом.

Хавкин решает поехать в Томск и лично предложить молодому человеку сохранить фамилию. И это в Сибири, несмотря на наступившие уже холода и отсутствие хорошего транспорта! 28 сентября он отправляется из Барнаула в Томск, выбрав не самый удачный вид транспорта для рано наступающей в Сибири зимы: он отплывает по реке на пароходе, возможно, на последнем пароходе перед тем, как река покроется льдом. Плавание длилось четыре дня. Во время этой поездки пошел снег, было очень хо-

лодно, команда с удивлением смотрела на странного интуриста, который почти не показывался на палубе и проводил все время в своей каюте.

Когда Хавкин приехал в Томск, Леонид встретил его, и они почти сразу нашли общий язык. Леонид был рад встрече со своим двоюродным дедушкой, они вместе провели два дня, даже вместе пошли в синагогу. Хавкин был удивлен тем, что молодой человек не знает, что такое талит, он пообещал прислать ему талит вместе с несколькими книгами по медицине. Хавкин говорит молодому человеку, как важно соблюдать еврейскую традицию, знать иностранные языки, иметь хороших надежных друзей, и Леонид все внимательно слушает. Принял он все это или нет – неизвестно. Мне удалось выяснить, что их связь после этой встречи не только не оборвалась, но Хавкин даже в своем последнем завещании намеревался сделать его распорядителем своего фонда, но понимая, в какой стране живет молодой человек, в итоге поменял свое решение.

В конце октября Хавкин возвращается в Москву. Его большое сердце постоянно дает о себе знать, но, несмотря на это, он собирается ехать в Ленинград на конференцию раввинов с участием Хафец Хаима и Хаима Озера Гродзенского. Однако случившийся 2-го ноября очередной сердечный приступ, а также загруженный график не позволили ему поехать, он остался в Москве.

БЕЛОРУССИЯ И ПОЛЬША

В конце своей поездки по СССР, длившейся почти 4 месяца, Хавкин отправился в Минск. В Белоруссии также существовали еврейские сельхозкоммуны, организованные еще до революции на средства барона Хирша.

Положение этих коммун было далеко от идеального. Как и на Украине, и в Крыму в них уже не соблюдался Шаббат, но зато пеклась маца на Песах, как отмечает Хавкин, и исполнялись близкие его сердцу песни и танцы хасидов (хотя как мне кажется, эта самодеятельность была подготовлена в основном для приезжих гостей).

Он был приятно удивлен, узнав, что в Белоруссии (часть которой – Гродно, Брест, Барановичи, Белосток, Вильно – тогда входила в Польшу) действуют синагоги и, главное, функционируют учебные заведения. 22 декабря 1926 года его приглашают в иешиву в Минске, в которой легально идет интенсивная учеба, заметны все признаки еврейской жизни. Это сильно отличается от того, что он видел в Москве, где религиозная практика стремительно исчезала.

Справедливости ради следует отметить, что то же самое, пусть и в меньших масштабах, происходило тогда и в Париже, где слова «интеграция», «просвещение», «ассимиляция», «свобода» звучали ничуть не реже, чем в Москве. И, хотя в Европе не было ни Евсекции, ни ГПУ, ни коммунистического правительства, Хавкин заметил, что близкое к катастрофическому положение еврейства в России и на Западе связано не только с репрессиями. И это все он должен будет объяснить просвещенному Парижу, когда вернется...

Ну, а пока из Минска Хавкин едет в Варшаву, проводит месяц в отеле «Европейский», изучая положение еврейского сообщества Польши, посещает великолепную большую синагогу и синагоги поменьше, и, конечно, отправляется в иешиву. Иешива оказалась в маленьком, не очень чистом здании, но что его поразило, была наполнена студентами. Как писал он в своем дневнике: «230 молодых людей в переполненном здании самозабвенно изучали Тору и ее законы».

В начале января 1927 года Хавкин берет телефонный справочник, находит номер Эдварда Берсона и звонит Жастин. Она приходит к нему в отель вместе с мужем. Они делятся воспоминаниями и ведут разговор о России: бывшей и будущей. Когда Хавкин предлагает ей участие в еврейской деятельности, она вежливо отказывается, ссылаясь на то, что далека от еврейской общины.

ГЛАВА 11. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

ПАРИЖ. РАЗОЧАРОВАНИЕ

В конце января 1927-го Хавкин возвращается в Париж. Безусловно, он был разочарован всем тем, что увидел и узнал в СССР, но, тем не менее, решил не прекращать своего участия в деятельности по защите евреев России.

В Париже перед Хавкиным встает сложный вопрос: как ему рассказать о том, что реально происходит в России. Если он публично заявит о своем возмущении, как собирался вначале, то нанесет вред тем, кто доверился ему и остался в России – он уже понимал, как работают советские органы безопасности. Поэтому он отвергает громогласное заявление с критикой советских властей, считая его контрпродуктивным. Он понимает, что власти, в чьих руках сосредоточены все средства пропаганды, массовой информации и культуры, легко опровергнут его громогласные заявления о зажиме религиозной свободы. Достаточно фотографий в газетах и кинохроники с кадрами свободно молящихся евреев или школ, где говорят на идише. Также он понимал, что западных еврейских чиновников не слишком волнует изучение Торы и ее законов вообще, тем более, в России. Как он пишет, встает один вопрос – кричать или не кричать? И после долгих и

непростых размышлений, он мудро принимает компромиссное решение – говорить, но шепотом – тем, кто хочет его слушать и сможет реально помочь.

По результатам поездки Хавкина Альянс выпустил заявление, в котором политкорректно назвал происходящее в России «духовным кризисом русского еврейства». Надо отметить, что «духовный кризис» коснулся и Парижа, где средства массовой пропаганды в ответ на антисемитские протесты, прокатившиеся по Франции в 1925 и 1926 годах, попросили евреев незаметно стереть все свое своеобразие. Также и многие лидеры Альянса видели в интеграции евреев во французское общество решение проблемы растущего антисемитизма, особенно для вновь прибывших эмигрантов.

Еще будучи в России, Хавкин написал несколько статей о своей поездке, причем скорее одобрительных, чем критических. Хавкин, конечно, видел многие проблемы России – отсутствие свободы, упадок еврейской традиции и развал религиозного образования. Но причиной, из-за которой он не хотел открыто выступать против советского правительства, были не только оставшиеся там близкие ему люди, включая и религиозных деятелей. Он выступал даже против публичных протестов и давления на правителей Советской России, считая, что протесты против советского режима могут только спровоцировать ухудшение положения местных еврейских общин.

Но, с другой стороны, как только он получил послание от ребе Шнеерсона к членам Альянса с требованием принять меры против принимающихся в России законов – законов, убивающих российский иудаизм, он немедленно обратился к евреям Запада с воззванием. Он призывал не смотреть бесстрастно на кораблекрушение российского иудаизма, а спасти еврейские души от гибели, он умолял Альянс взять на себя ответственность за материальную поддержку оставшихся в России иешив и раввинов.

Хавкин решил не говорить, а действовать и написал сразу три манифеста:

1. О положении еврейской религии в России.
2. Размышления о материальном положении Раввината в России.

3. Бюджет поддержки микв в России.

Он издал их за свои деньги в виде трех брошюр. В них он пытался представить очень конкретные решения для спасения русского иудаизма от гибели. Он понимал, что открытые нападки на советскую власть не изменят реальности миллионов евреев, живущих там. И чтобы выполнить миссию, которую наметили они вместе с равом Шнеерсоном, важно, чтобы хотя бы границы для евреев СССР оставались открытыми. Но тут пришла страшная новость: 14 июня 1927 года раввин Йосеф Ицхак Шнеерсон был арестован в Ленинграде органами ОГПУ, посажен в тюрьму и на третий день приговорен к смертной казни. Судебные органы обвинили его в нелегальном сборе средств для религиозных целей. Под угрозой оказались не только их совместные проекты, но и сама жизнь Любавичского Ребе.

Хавкин сразу же выступил в Альянсе с призывом спасти раввина, но предупредил, что делать это надо без шума и провокаций, что может только разозлить большевистские власти и ухудшить его положение. Он оказался прав и в этом – смертная казнь была заменена двенадцатилетней ссылкой на принудительные работы, которая была сокращена до трех лет, затем ему была вынесена амнистия с высылкой из страны. Шестой Любавический Ребе вместе со своей семьей и несколькими последователями уехал из страны в Ригу, откуда он продолжил бороться за евреев России, в основном занимаясь поддержкой иешив и Талмуд-тора.

После возвращения из России здоровье Хавкина резко ухудшилось, у него дважды были приступы, похожие на инфаркт, и он чувствовал, что его время подходит к концу. Хавкин все чаще задумывался о финансировании иешив в России и передаче им своих личных средств, накопленных как в Индии, так и впоследствии, а также от продажи своих инвестиций в виде акций, которые он собирал на протяжении длительного времени, а также от возможной продажи своего булонского дома. Но вскоре он понял нереальность этого проекта. Рав Шнеерсон предлагал перейти к подпольной поддержке, но Хавкин, зная реальную ситуацию в СССР, был вынужден отказаться от проекта по поддержке иешив, находящихся под советским контролем.

Начало 1928 года принесло новый конфликт в Альянсе. Один из лидеров еврейской молодежной организации заявил, что он еврей во-первых, а француз только во-вторых. Что тут началось! Некто Жорж Левин потребовал его публичного осуждения, другие члены Альянса призывали написать петицию Французскому правительству с осуждением подобных заявлений. Но вопрос стоял гораздо шире: кем должны быть евреи – прежде всего евреями или же гражданами страны проживания, а потом уже евреями. Хавкин выступил в защиту юноши, он говорил: «как евреи Румынии, подвергшиеся страшным погромам, могут говорить, что они румыны, когда румынское правительство ничего не сделало для защиты своих граждан?» Кстати, всего через каких-то двенадцать лет в той же Франции правительство не только не защитило своих граждан-евреев, но и помогало в организации отправки их в лагерь смерти, в основном, в Освенцим, в том числе, и тех членов Еврейского альянса, которые так рьяно считали себя прежде всего французами.

Все это Хавкин хорошо понимал, когда выступил против руководства Альянса, требующего осуждения не-патриотов Франции. Разразился нешуточный скандал, который удалось разрешить только после вмешательства раввина Парижа Израиля Леви, который заявил, что действия против молодого человека будут несправедливы, так как интересам Франции он не нанес ущерб. Конфликт как бы был закрыт, но какими именами называются деятели Альянса в дневнике Хавкина!..

Как результат, в марте 1928-го Хавкин перестал посещать заседания центрального комитета Альянса и написал секретарю, чтобы средства, которые Альянс ему должен заплатить в качестве компенсации его расходов в России, перевели в иешивы Варшавы. Хавкин все больше и больше отдалялся от своих бывших друзей Рейнаха, Гинзбурга и Якобсона, они ему казались, как теперь принято говорить, слишком левыми. Он все меньше хотел иметь что-то общее с Альянсом, с французами, да и с самой Францией. В его записях все больше чувствуется разочарование его общественной деятельностью. Он подумывает о возвращении в науку, где его успехи были несоизмеримы с плодами усилий по поддержке евреев Европы, и даже делает такую попытку.

11 марта 1928 года он начинает осуществлять план, который подготовил, возможно, еще до поездки в Россию. Он упаковывает только необходимые вещи и садится на поезд, следующий в Лозанну.

ШВЕЙЦАРИЯ, ЛОЗАННА

О поездке в Швейцарию Хавкин никому не сказал, никого не предупредил. Это чем-то походило на побег из Парижа – от бесконечных заседаний и комитетов, от многочисленных племянников и племянниц, постоянно требующих от него помощи, в основном материальной, от всего, что так утомило его и его больное сердце.

В Лозанне он остановился в отеле «Hotel de l'Orus», и вскоре направился в Институт патологии, чтобы найти там работу. Можно себе представить картину: всемирно известный (тогда еще) доктор Хавкин идет в институт в поисках работы. Очевидно, его имя сразу же распространилось по институту, к нему вышли профессор Никод и профессор Галло Валерио. Они предложили ему небольшую комнату в качестве лаборатории, заверив в готовности оказать любые виды помощи. Хавкин начал обустраивать, в основном за свой счет, новую лабораторию – он купил в аптеке колбы, пробирки, микроскоп, а также клетки, чтобы начать культивировать туберкулезные палочки. В своих путешествиях он видел, сколько детей умирало от туберкулеза, и именно с этой болезнью он решил начать свою последнюю научную битву в качестве ученого-бактериолога.

Но у его поездки, а точнее, переезда в Швейцарию была и другая цель: это банки для сохранения вложений, которые он делал на протяжении всей жизни. Он инвестировал деньги в акции и бонды, собирал средства в форме наличности, имел акции Бомбейской железнодорожной компании, японских и аргентинских компаний, а также английские, французские и австралийские государственные бонды.

Через неделю после приезда в Швейцарию он отправился в банк Cantonale Vaudoise, чтобы поместить в нем свое состояние и составить завещание. Хавкин явно торопился. В банке его встретил

господин Моннард и сообщил, что все его состояние может быть переведено на номерной счет, правительство Швейцарии не будет облагать его налогом, так как он живет в другом кантоне. Кроме того, правительство Франции не сможет оспорить право на него, если завещание будет составлено в их банке, и что самое ценное – правительство Швейцарии не имеет никаких соглашений ни с каким государством о выдаче данных о вкладах в их банках. Одно только опасение высказал Моннард: в случае отсутствия завещания право на его состояние может быть оспорено родственниками. Необходимо было составить завещание, и как можно скорее.

До этого Хавкин дважды составлял завещания: в 1919 и 1926 годах, оба он отменил и начал готовить третье. В его первых двух завещаниях было много различных организаций-получателей, а их распорядителем был Альянс, но теперь он решил все свои средства передать иешивам Латвии, Литвы, Польши, Румынии и Чехословакии и назначил распорядителем своего внучатого племянника Леонида Зальманова. Такое решение может показаться странным, хотя оно показывает его хорошее отношение к своей сестре Итте и ее внуку Леониду. (Советские органы попытаются использовать Итту в 1950-х годах, чтобы получить состояние Хавкина).

Отношения Хавкина с другими родственниками были очень непростыми – со многими он часто встречался и в Индии, и в Париже, но особой близости у него ни с кем не было. По его дневникам можно понять, что одна из причин была в том, что к тому времени они были уже, к сожалению, не евреями, и среди них даже были и явно враждебные ко всему еврейскому люди. Видя их исковерканные судьбы, Хавкин все больше убеждался в трагедии их ассимиляции. Я не хочу приводить здесь полные горечи страницы его дневника, описывающие их встречи. Вот только один пример.

Его племянница Елена Сноу часто навещала Хавкина в Париже. Это была очень красивая молодая женщина, которая, как пишет Хавкин, говорила на трех языках – английском, французском и русском одинаково хорошо, практически без акцента. Их дискуссии с Хавкиным доходили порой до скандалов, как это случилось в одном ресторане, когда Елена выдала очередную тираду о том, что евреи захватили в России власть, что это они виновны в убийствах нееврейского населения. Всегда сдержанный Хавкин

не выдержал и сказал ей, что такие мысли у нее, вероятно, с подачи матери Екатерины, которая заставила креститься ее отца – брата Хавкина. Закончилось тем, что посетители ресторана за соседним столиком попросили пересадить разбушевавшуюся пару.

Но даже после таких споров их общение продолжалось, Елена приходила в дом к Хавкину, особенно, когда ей нужны были деньги. Однажды, после очередного развода, она решила отплыть в Америку и просила дядю помочь ей деньгами, чтобы... обменять свой билет на билет первого класса.

К сожалению, таких случаев было немало. Его встречаю с родственниками и их проблемам посвящено много страниц в его дневниках. Следует отметить результат этих встреч – это был страх ассимиляции евреев у Хавкина и ее полное отрицание со стороны родных. Хавкин хорошо знал плоды ассимиляции на примере своей семьи – все его братья или крестились, или женились не на еврейках, сделав неплохие карьеры, но их дети – многочисленные племянники и племянницы Хавкина – оказались во многом ущербными людьми. Все это видел и понимал Хавкин, и в этом кроется причина его резкого отношения к так называемым ассимилированным евреям, одним из которых был его отец, которого Хавкин, безусловно, любил и который был, вероятно, неплохим человеком – вспомним, как о нем говорили в доме барона Гинзбурга. Но опьяненный, как и многие, мнимой свободой, отец Хавкина трагически не понимал опасности светского воспитания и образования, а жертвами этого оказались его собственные сыновья, которые, если и поняли это, то слишком поздно, после того как их жизни во многом оказались трагическими. В результате от отца Хавкина не осталось даже семейной фамилии. Хавкин все это видел и переживал об этом на протяжении всей жизни.

Но сейчас Хавкин обустраивается в Лозанне. Он поселился в небольшом кошерном пансионе «Пикарра-Блока», где был свободен от бытовых забот. Каждый вечер пятницы и в субботу он ходит в местную синагогу, где подолгу молится, закрыв лицо руками.

В синагоге он познакомился с молодым раввином из России Жюлем Пташеком и со студентом из Германии Ильей Джосселсоном. Эти люди будут с ним очень близки, особенно Джосселсон, с которым они проводят много времени в беседах, часто ходят в

кино (особенно Хавкин любил комедии Чарли Чаплина), едят мороженое, которое Хавкин тоже очень любил. Чувствуется, что Хавкин пытается дать отдых не только своему больному сердцу, но и уму, и немного расслабиться, отдохнуть от сумасшедшей гонки всей своей жизни, которая началась в революционной молодости, продолжилась в борьбе со смертельными болезнями и завершилась в бурной общественной деятельности по помощи евреям.

Хавкин также встретил здесь своего старого знакомого, еще по студенческой жизни в Одессе – господина Люменталья, теперь уважаемого профессора, но, к сожалению, перешедшего в лютеранство, чтобы жениться на христианской женщине, которая в конце концов его бросила. Об этой достаточно типичной ситуации Хавкин написал на идише эпиграмму: *Die shiksais avec, iber die goyshtand* – «шикса ушла, а гой остался с нами». Хавкин искренне пытался вернуть своего друга в еврейство, но без особых результатов. Однажды они с Джоссельсоном даже затолкали Люменталья в переднюю дверь автобуса, чтобы поехать вместе в синагогу, но он сбежал от них через заднюю дверь.

В марте 1929 Хавкин понял, что его племянник Леонид не может стать распорядителем его состояния, так как он находится под властью советского режима, и ему просто не позволят выполнять свою роль. Кроме того, он выяснил, что для финансовой помощи иешивам лучше всего образовать фонд, который может пополняться в дальнейшем другими донорами, и лучше, если таким фондом будет распоряжаться организация.

Для этой цели он выбрал германскую организацию под названием HDJ – *Hilfsversen der Deuchland Juden* («Организация помощи евреям»). В апреле 1929-го Хавкин отправился в Берлин, где его встретил управляющий этой организации Марк Вишницер. Он был очень рад решению Хавкина, но все же, не удержавшись, спросил, почему доктор Хавкин не использует для этой цели известный Альянс. Мы не знаем, что ответил ему Хавкин, но к этому времени он рассматривал Альянс как коррумпированную организацию, которая готовит эмиссаров для проведения французских интересов, пропаганды и шпионажа в других странах.

Итак, в письме от 30 апреля 1929 Хавкин передает президенту HDJ Джеймсу Симону в распоряжение свое состояние, которое на

тот момент составляет примерно полтора миллиона швейцарских франков с ежегодным доходом примерно 12700 франков. Средства предназначены для поддержки иешив и Талмуд-тора Польши, Галиции, Румынии, Венгрии и других стран восточной Европы по усмотрению самой Организации. Также небольшая сумма предусматривалась для его сестры Итты в течение следующих двадцати лет. Вероятно, это впоследствии и послужило поводом для Советских властей попытаться наложить руку на все его состояние.

Само завещание (полный текст вместе с черновиками хранятся в архивах ученого) следовало открыть после смерти Хавкина. Первоначально он хотел вписать в завещание условие, чтобы наряду с религиозными предметами в поддерживаемых им иешивах изучались и науки: физика, химия, биология, языки, а также предметы для овладения каким-либо ремеслом. По его идее молодые люди могли так получить и профессии, обеспечившие бы им достойную жизнь. Но потом он отказался от этого требования, оставив право самой организации принимать решение по этому вопросу, записав это только как свое пожелание. Интересно, что когда в архивах я нашел материалы о деятельности фонда Хавкина до и после войны, в отчетах было указано, что многие иешивы, получавшие его поддержку, наряду с изучением Торы, помогали также и получению специальности своим студентам.

ФОНД ХАВКИНА ЖИВ

Просто поразительно, что фонд Хавкина, образованный в Германии в 1929 году, пережил мировую войну и катастрофу. Каким-то чудом фонд функционировал в тяжелейших условиях в тридцатых и в начале сороковых годов. И только в самый последний момент, в 1941 году, когда Вторая мировая война была уже в разгаре, некоторым руководителями фонда, в том числе, и Марку Вишниницеру удалось уехать из пылающей в огне Европы в США и перенести туда деятельность фонда. Это может показаться невероятным, но фонд действовал и во время войны. А что потом?

Его дальнейшую судьбу мне удалось выяснить в Нью-Йорке в архиве YIVO. Там я нашел материалы, в основном, отчеты фонда,

но все записи о его деятельности в различных архивах обрывались в начале 1960-х годов. Но что с ним случилось потом? Может, просто закончились средства, которые были не такими большими, на тот момент эквивалентными примерно миллиону долларов? Конечно, тогда миллион долларов были не теми, что сейчас, но все же не такими огромными деньгами. Информации о закрытии фонда тоже нигде не было, и я думал, что это очередная неразгаданная тайна деятельности Хавкина.

Но мне помог неожиданный случай. Как говорится, случайность – это псевдоним Всевышнего, когда он не хочет ставить Свое имя. Катаясь на лыжах в Швейцарии, я решил заехать в Лозанну и посетить могилу Хавкина. Я понимал, что будет нелегко найти не то, что могилу, но даже кладбище – прошло почти сто лет, оно могло просто не сохраниться. Прямо с вокзала я отправился в центральную синагогу в надежде выяснить хотя бы, существует ли еще кладбище, где хоронили евреев в далеком 1930-м, а если повеет, то узнать его адрес. Но каково было мое разочарование, когда под проливным дождем я пытался достучаться в двери синагоги, которая сохранилась, но была наглухо закрыта. Дождь лил стеной, и чтобы совсем не промокнуть, я остановил проезжающее такси. Водитель не говорил по-английски, и ничего выяснить у него мне не удалось. Пока мы колесили по городу, он дал мне городской телефонный справочник, я открыл его на букву J и набрал первый же телефонный номер после слова Jew в надежде попасть в какую-то еврейскую организацию. Мне ответили на английском и сказали, что старое кладбище еще существует, дали его адрес и даже ориентиры, по которым можно найти могилу Хавкина. Более того, мне сообщили, что прямо сейчас в Лозанну приехала группа студентов из Израиля и ее руководитель, возможно, связан с фондом Хавкина, и даже дали его телефон. Но на этом чудеса не закончились. Я, конечно, поехал прямо на кладбище, легко нашел могилу Хавкина, положил камешек по еврейской традиции и прочитал Кадиш.

После этого я отправился на встречу с руководителем группы Михаэлем Элькаимом, который рассказал, что его школа поддерживается фондом Хавкина. Он дал мне имя и телефон доктора Джоэла Ханхарда, который жил в Швейцарии и написал книгу о Хавкине, а потом сделал алию в Израиль.

Я списался с доктором Ханхардом и встретился с ним позже, уже в Израиле. Ханхард сообщил мне, что фонд существовал, по крайней мере, до начала 1990-х годов, и предоставил контакты его секретаря и директора на 1991 год. Правда, сейчас они отошли от дел, и что происходит с фондом неизвестно. Но это уже была победа – узнать, что фонд существовал до начала 1990-х годов.

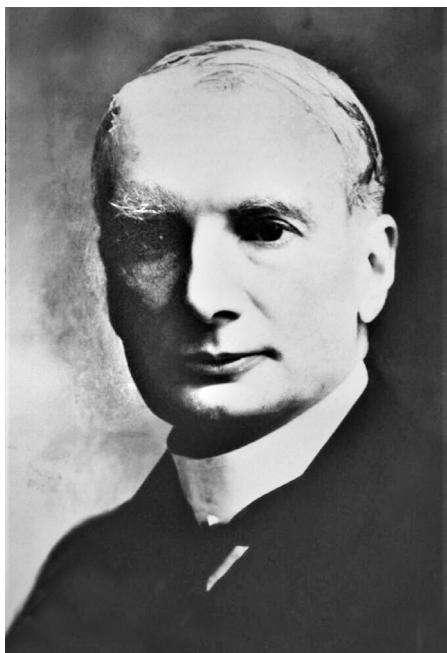
После поисков мне удалось найти действующий контакт фонда Хавкина, и в 2019 я получил мейл из Швейцарии от его нынешнего президента, из которого узнал, что Фонд существует и действует. Правда, как и положено швейцарским банкам, они очень неохотно идут на контакт, сохраняя очень строгую конфиденциальность, однако мне удалось выяснить, что до настоящего времени фонд помогает иешивам Израиля: это иешива Монтрэб, иешива Кохав Яков, иешива в Мале Адумим, иешивы Хеврон и Слободка.

Но вернемся в 1929 год. Проведя в Берлине более месяца, в середине мая Хавкин возвращается в Лозанну. Здесь он ведет спокойный, неторопливый образ жизни – после обеда обычно приходит в лабораторию, пишет статью в *Jornal of Tropical Medicin and Hygiene* под названием «The Plague Prophylactic Field» – это его последняя научная статья, она вышла в номере за ноябрь 1929 года.

С наступлением осени и холодов состояние Хавкина опять ухудшается, по ночам ему приходится пользоваться несколькими одеялами, так как усиливается озноб и сильные боли в грудной клетке. Но, несмотря на свое плохое самочувствие, он проводит весь Йом Кипур 1929 года в синагоге в посте и молитвах.

Почувствовав себя лучше, он решает поехать в Париж, и в декабре 1929 приезжает к себе в дом на авеню Виктора Гюго, 17. Он категорически отказывается от участия в каких-либо организациях или комитетах. Единственное, в чем он соглашается принять участие – это совет нового института YIVO, и то только потому, что от него не требовалось ничего кроме подписи в письме по случаю открытия института. Чтобы понять уровень Хавкина, заметим, что подпись в этом письме также поставили Альберт Эйнштейн, Зигмунд Фрейд, Мозес Гастер и другие выдающиеся личности.

Он почти не посещает своих старых друзей, только один раз Яков Якобсон соберет всех друзей на вечер, на который придет также «пара художников Белла и Марк Шагал», как написал Хавкин

Илл. 28. Одна из последних фотографий Хавкина

в своем дневнике. Через несколько дней Якобсон приводит его на выставку Марка Шагала. Хавкин прохаживается по выставке и с удивлением замечает Якобсону: какие-то странные люди на картинах – с зелеными лицами или перевернутыми головами, или рыбы, играющие на скрипках... Позже в своем дневнике он не слишком лицеприятно отозвался об увиденных картинах, но когда сам Шагал подошел к нему и спросил его мнение, Хавкин дипломатично заметил, что в искусстве, как и в науке, нужно время, чтобы понять новое. Шагал отошел, удовлетворенный

его ответом, а Хавкин, как всегда, оказался прав.

СМЕРТЬ. ЗАВЕЩАНИЕ, ПОРАЗИВШЕЕ ВСЕХ

Весной самочувствие Хавкина резко ухудшилось, боли в сердце и слабость были настолько сильными, что иногда он был не в состоянии двигаться и подолгу сидел на месте.

В 1930 году его день рождения 15 марта совпал по еврейскому и григорианскому календарям. Его пришли поздравить Якобсон, семьи Гинзбургов и Теодеско, но их попытки пригласить его куда-либо для празднования Хавкин категорически отверг. Во всем чувствовалось, что он видит своих друзей в последний раз.

Как только чуть потеплело, Хавкин вернулся в Лозанну. Здесь он почувствовал себя немного лучше, и даже возобновил работу

в лаборатории и походы в кино, даже в театр: когда на гастроли приехал МХАТ, он с удовольствием посмотрел их «Синюю птицу». Но боли в сердце не проходили, иногда он сидел всю ночь на кровати, не в силах заснуть и только под утро падал на постель, обесиленный. Илья Джозельсон навещал его практически каждый день, приносил свежий номер «Лондон Таймс» и читал его вслух, чтобы, как говорил он, улучшить свой английский.

25 октября Джозельсон, как обычно, читал ему свежий номер, и когда дошел до новости о том, что Британия получила мандат на Палестину, Хавкин разнервничался, стал остро высказываться по этому поводу, и вдруг замолчал. Молодой человек оторвался от газеты и услышал странные клокочущие звуки, он увидел, что Хавкин глядит на него широко открытыми глазами, а его рот широко открыт. Илья быстро побежал и вызвал доктора, который приехав, пытался сделать массаж сердца, но вынужден был констатировать смерть. Молодой человек был настолько потрясен увиденным, что хозяин пансиона вынужден был дать ему целый стакан коньяка, чтобы как-то его успокоить. Джозельсон, как родной сын взял на себя все заботы. Первым делом он сообщил телеграммой о смерти Хавкина сестре в Барнаул, а также в Париж. Затем отнес его британский паспорт в английское консульство. 18 лет спустя в своих воспоминаниях он напишет, что никто из английских представителей правительства даже не пришел на его похороны.

День похорон выдался холодным, но ясным. Приехали главный раввин Франции рав Либи и представитель Альянса Феликс Бехрб, присутствовала также вся еврейская община Лозанны. Пришли они, чтобы почтить память ученого и послушать главного раввина Франции. Из Германии приехал распорядитель его фонда доктор Джеймс Симон, который утром до похорон пришел в банк, чтобы подтвердить свои права на проценты с вклада Хавкина.

На следующий день Илья Джозельсон вместе с представителем Альянса и равом Пташеком пришли в банк, где его управляющий вскрыл завещание, составленное Хавкиным, и письмо, написанное им управляющему Симону.

В своих воспоминания Джозельсон пишет: «Было бы интересно увидеть наши лица, когда управляющий назвал сумму вклада в полтора миллиона швейцарских франков и причитающиеся ему

Илл. 29. Могила Хавкина на кладбище в Лузане (Швейцария)

проценты». Никто не ожидал этого. Все знали Хавкина как, если не аскетичного, то очень скромного человека.

К удивлению представителей Альянса выяснилось, что все свое состояние Хавкин оставил иешивам восточной Европы. В письме была объяснена и его позиция: «Решающая гарантия существования еврейских общин во все времена, и особенно сейчас заключается в том, чтобы они выдвигали духовных предводителей, уважение к которым будет основано на их великих познаниях в Торе. Религиозные школы и училища и есть

эти очаги традиции, питающей во многих интеллектуальную и нравственную жизнь еврейского народа. Их нужды и мытарства известны всякому, кто там бывал, и в подобных условиях им приходится продолжать свое дело. И поэтому я считаю своим долгом составить это завещание».

Хотя многим это завещание казалось по меньше мере странным, многие были с ним несогласны, но те, кто хорошо знал Хавкина, соглашались, что этим завещанием Хавкин лишь укрепил ту позицию, которой держался многие годы и в которой был абсолютно уверен. Еще задолго до этого завещания Хавкин писал: «Тора привлекает меня к себе как некая магическая сила. Я всегда ощущал, что в ней сокрыта тайна нашего вечного существования. Я люблю каждого, кто принадлежит еврейскому народу, но родство душевное, близость подлинную я испытываю только к тем, кто посвятил себя Торе. Особенно к ученикам иешив».

Банк оплатил его похороны и скромную надгробную плиту на лозаннском кладбище. Каждый желающий может посетить его могилу, кладбище находится по улице Rudushato, а затем на Ave Chateu, захоронение Grave # 368A17 place 3.

У евреев не принято писать на могильных камнях ничего кроме имени и даты. Но случай с доктором Хавкиным особенный – это человек, спасший и продолжающий спасать своими вакцинами не одну сотню миллионов человеческих жизней. Спаситель человечества, как его назвал Листер, остался неизвестным, поэтому надпись на камне для этого случая вполне уместна. На нем написано:

«Его жизнь была целиком отдана науке и свидетельствует о его любви к будущему. Он успешно боролся в Индии с холерой и чумой. Он никогда не забывал веры своих предков и все свое мирское состояние оставил еврейскому юношеству, чтобы оно воспитывалось в традиционном духе».

И хотя у Хавкина не осталось ни детей, ни потомков, о чем он очень жалел, заявляя, что готов бы отдать все свои открытия за радость иметь детей, но издавна мучившая его тоска отразилась в его завещании. В конечном счете, оно и предназначалась детям – еврейским детям, которых изучение иудаизма должно было сделать, по его мнению, подлинными детьми еврейского народа.

У истории с наследством Хавкина было и весьма любопытное продолжение. В начале 1950-х годов советское правительство вдруг вспомнило о Хавкине, а точнее – о его родственниках. Время было антисемитское: процессы над врачами-убийцами, космополитами, поговаривали, что вскоре всех евреев вывезут на север. И вот в такое время некоторые родственники Хавкина получили приглашение прийти в КГБ на Лубянку (как тогда говорили – туда легко прийти, но выйти очень трудно). Можно себе представить, с каким ужасом бедные родичи Хавкина явились в назначенное время в указанный кабинет. Но вместо арестов или предъявления обвинений, их встретил офицер, который оказался самой любезностью. Он им рассказал, как советское государство гордится великим ученым Хавкиным, и как бы между прочим, сообщил, что он был не только великим ученым, но и богатым человеком и все свое состояние положил в банк, попросив их поставить подпись

на документах о выдаче его средств его ближайшим родственникам. Родственники, конечно же, подписали все бумаги, дабы помочь родному советскому государству, всегда остро нуждающемуся в валюте.

В скором времени джентльмен в штатском появился в Швейцарском банке с просьбой выдать все средства Хавкина по доверенности его ближним родственникам на основании закона Швейцарии. Все было продумано и подготовлено тщательно. Было только не учтено, что дальновидный Хавкин указал в завещании, что сумма вклада остается в банке навечно, а проценты передаются фонду Хавкина для передачи иешивам.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е-MAIL ИЗ ШВЕЙЦАРСКОГО БАНКА О ФОНДЕ ХАВКИНА

Lausanne, 23.5.18

Dear Dr. Digilov

I got a message of Bernard Geller forwarding to us your request for information in re the Haffkine foundation.

The foundation exists.

Due to the modest means at our disposal, the foundation has a restricted activity. This means that only few subsidies are annually attributed to orthodox Yeshivot.

Since the current situation is that all the subsidy funds have been attributed, the foundation is not accepting new requests.

We thank you for your kind interest.

Best regards
Albrto Aronovitz,
Secretary

https://toldot.ru/articles/articles_31963.html my article in english

ХАВКИН НАЧИНАЕТ ПРОИЗВОДСТВО 228 МИЛЛИОНОВ ВАКЦИН ОТ КОВИДА

Такой заголовок появился в газетах 3 июня 2021. Все бы было понятно, 228 миллионов вакцин от ковида – это много, конечно, но сейчас многие производят эту вакцину – болезнь-то опасная. Но что необычно и кажется почти невероятным – это дата публикации и фамилия «Хавкин». Ведь Хавкин умер в 1930 и спас он человечество от совершенно других – более страшных, чем Ковид, эпидемий – от чумы и холеры. Ковида в то время еще на земле не было (если б и был, на него и внимания не обратили бы – какое-то ОРЗ по сравнению с чумой и холерой!).

Перестану интриговать читателя – и заголовок в газете правильный, и число верное, и Владимир Хавкин тот же самый, только словом «Хавкин» в Индии сейчас называют институт (интересно, что принято не полное название института, а просто – Хавкин).

Итак, русский еврей Владимир Хавкин (правда, украинцы считают его украинским, англичане – английским, французы – французским) как спасал, так и продолжает спасать человеческие жизни, производя вакцину теперь уже от ковида, которая производится в институте, который он основал.

А теперь просто один факт: институт Хавкина до сих пор продолжает производить вакцину от чумы, которую и сейчас поставляют по всему миру. К настоящему времени поставлено 410 миллиона доз (произведенных по его методике почти без изменений) – это значит, что почти полмиллиарда (!) людей были вакцинированы. Действие этой вакцины в семь раз уменьшает количество тяжелых случаев заболевания и в десять раз уменьшает смертность. А чума – это не теперешняя, хоть и, безусловно, опасная «корона», а нечто во много раз более смертоносное (смертность от легочной формы чумы составляет практически 100%, если ее не предотвратить).

О пользе вакцин и о самом Хавкине наиболее точно сказал известный английский, профессор доктор Алмрот Райт:

«Его опыты были даже важнее, чем их результаты – спасение миллионов человеческих жизней, ибо они привели к развитию идей вакцинации, подтолкнули других ученых к созданию бак-

териальных препаратов против ряда инфекционных заболеваний». Эти слова английского бактериолога, современника Хавкина, оказались пророческими. Хавкин спас и продолжает спасать не только тех, кто прививался и прививается его вакциной, но и тех, кого прививали в дальнейшем от других болезней, таких, например, как тиф. Многие люди были спасены от других болезней благодаря победе идеи вакцинации – это ли не пример огромной пользы работ Хавкина, которого другой великий человек Джозеф Листер пророчески назвал Спасителем человечества.

И в заключение одна фотография. 2 июня 2021 года директор Индийского института имени Хавкина дает интервью о вакцине от ковида на фоне портрета Хавкина:

Илл. 30. Интервью директора Индийского института имени Хавкина

И еще один интересный факт из жизни Хавкина, который, как и его вакцины, оказался неподвластен времени. Задумываясь о судьбе европейского еврейства, Хавкин в конце своей жизни создал фонд и положил в него все свои сбережения, завещав их на поддержку иешив для восточноевропейских евреев, изучающих Тору. О сумме этого фонда известно немного (швейцарские банки не любят раскрывать такую информацию), одни авторы пишут, что он оставил огромные деньги, другие – что не очень.

Примерная сумма, которую он вложил в Швейцарский банк в 1929 году – это приблизительно 1 миллион 500 тысяч швейцарских франков. По самому лучшему из тогдашних курсов сумма не превышала \$500 тысяч. И, хотя это были совсем другие деньги и ежегодные проценты составляли 12700 франков – сумма эта не так уж велика, но что интересно и тоже кажется невероятным, – этот фонд с того времени, несмотря на войну, Холокост, исчезновение многих государств – существует до сих пор, поддерживая изучающих Тору евреев теперь, в основном, в Израиле (например, иешиву Мир).

У каждого народа свои достижения и герои – у кого-то Спутник, а у кого-то – Мордехай Зеев-Вольф Хавкин.

ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛ

<https://PinchasPolonsky.org>

Все книги и материалы Пинхаса Полонского

- **Книги – бумажные, электронные и аудио**

Все электронные и аудио книги открыты для свободного скачивания

- **Комментарий к Торе «Библейская Динамика»**

- **Серия книг по учению р. Кука «Израиль и Человечество»**

- **Ресурсный центр «Ежевика»**

- «**Ежевика-Университет**» – видеокурсы в формате «TED» по широкому спектру еврейских знаний

- «**Ежевика-Видео**» – канал видеолекций на YouTube

- «**Ежевика-ТаНаХ**» – классические и новые комментарии, различные переводы Торы на русский язык

- **Рав Кук – переводы и комментарии**

- «**Ежевика-Энциклопедия**» – энциклопедия по еврейским и израильским темам

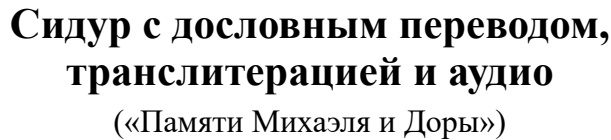
- «**Ежевика-Публикации**» – вики-система публикаций по еврейским и израильским темам

- **«Аудио-Тора»** – ежедневная трансляция кратких аудио-комментариев

- WhatsApp

- Telegram

- **Новые статьи, дискуссии и другие материалы**

Представляем вам новый сидур – с переводом и транслитерацией каждого слова отдельно, и с приложением аудиозаписей молитв. С перекрестными ссылками на другие сидуры для согласования чтения. Нусах ашкеназ.

В нашем сидуре основные молитвы впервые даны с пословным переводом и транслитерацией. Также имеется возможность прослушать чтение молитв со смартфона или компьютера. Всё это облегчает понимание и правильное произношение молитв, а также их запоминание.

Идеально для учебы и для начинающих.

The image shows the front cover of a prayer book. The top half is black with white Hebrew text: 'סידור' (Siddur) in a large serif font, followed by 'עם תרגום מילולני לרוסית' (With literal translation to Russian) and 'תעתיק פונטי ואודיו' (Phonetic transcription and audio). Below the text is a small circular logo featuring a menorah. The middle section is white with black Hebrew text: 'סידור' (Siddur), 'С ДОСЛОВНЫМ ПЕРЕВОДОМ' (With literal translation), 'ТРАНСЛИТЕРАЦИЕЙ' (Transliteration), and 'И АУДИО' (And audio). The bottom section is a dark grey rectangle with white English text: 'SIDDUR', 'WITH RUSSIAN TRANSLATION', 'TRANSLITERATION', and 'AND AUDIO'. The entire cover is framed by a thin white border.

[illegible]